

Роман Булгар

Офицеры

Излом

Книга первая

Роман Булгар

Офицеры. Книга первая. Излом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19148029

ISBN 9785447492519

Аннотация

Трилогия «Офицеры» повествуют о самых простых людях, которые живут и ходят рядом с нами. Книга об армии, взгляд на нее, на ее проблемы изнутри глазами тех, кто на своих плечах выносил все тяготы и лишения воинской службы, тех, кто не шагал легко по ступенькам служебной лестницы, движимый вверх всемогущими членами особой военной касты.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	11
1	11
2	14
3	38
4	46
5	54
6	60
Глава вторая	79
1	79
2	96
3	114
4	134
5	143
6	171
7	183
8	191
Глава третья	218
1	218
2	230
Конец ознакомительного фрагмента.	232

Офицеры

Книга первая. Излом

Роман Булгар

*Друзьям и товарищам
посвящается...*

© Роман Булгар, 2016

© Издательство «Отечество», дизайн обложки, 2016

Редактор Лилия Ривкатовна Газизова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Офицеры! – всколыхнула сонную тишину протяжная команда. – Ко мне!

Кряжистый, широкоплечий, твердо стоящий на утопанной и укатанной земле своими коротковатыми ногами командир батальона отдавал приказ на совершение марша. Жилистая длань подполковника железным ухватом растопыренной пятерни тянулась к горной гряде. Его широкоскулое, в мелких оспинках лицо было сурово и сосредоточено. Простуженный и натруженный, с заметной хрипотцой металлического отлива голос щетинистым ершиком въедался в души стоящих перед ним людей.

– Особое внимание сосредоточить на прохождение участка дороги вдоль ущелья Шайтана рядом с высотой 1147...

На доли секунды майор, стоявший в общем строю, прикрыл глаза, словно оживляя в своей памяти поблекшую со временем картину.

Высота 1147. Плоская вершина горы. Удобное место для засады...

Мелко сыпался щебень, выбитый многими тысячами копыт, обтесанный подошвами множества людей. Каменистая тропка причудливо извивалась. Утомившись, она пряталась в тенистых низинах. Набравшись сил, резво взбегала на открытые пригорки. Проторенный веками путь брал свое на-

чало в долине, у подножья гор, и терялся на одной из заснеженных вершин...

– Связь держать постоянно в режиме «Прием». Управление на марше – флажками...

На третьей в колонне боевой машине меняли треснувший трак. Гвалт, шум. Кувалдой бойцы выбили металлический стержень, растянули гусеницу.

– Во время движения в колонне соблюдать дистанцию на марше...

Подъехал бортовой ЗИЛ-131. С него стали сгружать деревянные ящики с патронами и растаскивать вдоль всей колонны. Все бегом, все на нервах.

– Перед крутыми подъемами дистанцию увеличить до сорока метров...

Чумазные механики-водители в последний раз опускали металлический щуп, проверяли уровень масла, доливали...

– Назначить в каждой машине наблюдателя...

Командиры машин выстраивали расчеты, проверяли экипировку солдат.

– Мой заместитель – майор...

Выдержав паузу, подполковник махнул рукой:

– По местам! Заводи!..

Взревели двигатели, окутав боевые машины сизым дымом. Командир батальона, выждав минуту, флажком подал сигнал о начале движения:

– Вперед!

Одна за другой БМП трогались, вытягивались вдоль дороги.

Крадущиеся шаги по-кошачьи мягко, бесшумно ступали на каменистую почву, редко оцетинившуюся сочно-зелеными молодыми побегами травы-муравы. Высоко в небе парил хищный беркут, зорким взглядом выискивая себе добычу.

– Слева чисто! – коротко пискнула портативная рация.

– Справа чисто...

Напряженно всматривающийся перед собой человек в камуфлированном комбинезоне, нажал на кнопку:

– Сходимся...

Командир группы окинул внимательным взглядом своих бойцов. Задачу, поставленную перед ними, они выполнили. Проверили, на высоте 1147 следов присутствия боевиков не обнаружили. Можно было отходить. Таков был приказ его группе. Проверить и уходить. Вместе с ним были два солдата из пехоты. Их приказано было оставить до прохода механизированной колонны.

– Песков и Федотов остаются, – распорядился он. – Группа, за мной...

Оставшись одни, бойцы расслабились, скинули каски. Для удобства ведения наблюдения за местностью, они залегли за небольшими валунами. Припекало солнце. Глаза начали слипаться. Дремота вытеснила на второй план собственную безопасность...

Удобно устроившись на броне, майор задумчивым взглядом скользил по склонам нависающих гор. Небольшие участки дубового леса с высотой сменялись буковыми рощами с примесью клена остролистного. А во влажных поймах рек пряталась облепиха в окружении ивы и серой ольхи.

Пересекавшие поперечные хребты долины рек представляли собой узкие и глубокие ущелья и щели со стремительными потоками, порогами и водопадами. В балках и оврагах брали начало многочисленные родники...

Вдоль балки с западной стороны горы к высоте 1147 продвигались люди в защитной форме. Их было много. Среди них были наемники. Говорили они на разных языках. Слышна была и арабская речь...

Тревожно защелкал клест, предупреждая о надвигающейся опасности. Рядовой Песков очнулся, машинально потянулся рукой к автомату. Оружия на месте не было. Он дернулся, пытался вскочить, но его со страшной силой вдавило в землю. Скосив в сторону глаз, он увидел товарища. Голова Федотова была неестественно задрана. Ужас сковал Пескова, когда он понял, что шея его друга перерезана, и из нее толчками вылетала густая алая жидкость. Кровь стекала на землю, заливала жухлую прошлогоднюю листву...

– Кончай его! – по-арабски скомандовал темнокожий наемник.

Армейский штык-нож иностранного производства легко скользнул по шее рядового Пескова, оставляя глубокий над-

рез. Стальное лезвие жалости не знало. Оно просто выполнило свою работу.

Разноязычные наемники рассыпались по всей высоте, занимая позиции...

Узкая дорога петляла, серпантином поднимаясь все выше и выше.

– Смотри, волк! – комбат толкнул майора в бок.

Серый хищник стоял меж двух камней, почти сливаясь с ними, смотрел надвигающуюся колонну немигающими зелеными глазами. Еще недавно волки бродили в горах стаями и в одиночку.

Но откуда-то в эти благословенные места пришла безжалостная, жестокая и бессмысленная война. Зверь ушел в те края, где не стреляли. Его охотничьи угодья заняло зверье в человеческом обличье...

– Не боится, – подполковник покачал головой, – не уходит...

Моргнув, майор отвел глаза от склона горы, опустил взгляд на сидящего рядом с ним комбата. Внутри у него было тревожно и беспокойно. Такое с ним случалось. Он заранее начинал чувствовать, что что-то должно случиться. На днях они смотрели кинофильм «Щит и меч». И раньше нравившаяся ему мелодия, переключаясь с настроением, с новой силой зазвучала в ушах:

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей...

Неопытный механик-водитель не успел вовремя перейти на пониженную передачу, движок захлебнулся, БМП встала. Майор качнул головой. Бывает.

С хороших и верных товарищей...

Ему повезло. С хорошими и верными товарищами. За долгие годы учебы и службы он познакомился со многими людьми. Они прошли через многое. И дружба их началась...

С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять...

Защипало в левом глазу, майор ожесточенно потер щеку. Как давно все это началось. Как будто в другой жизни...

Глава первая

Алые погоны

*Удача – это миг судьбы,
А судьба – это вечная борьба
И, прежде всего, с самим собой.*

1

Отзвучали серебряные фанфары и, резко обрываясь, стихли, растворяясь в бесконечном пространстве, где-то там, в дрожащем знойном мареве. Все замерло в волнительном ожидании.

– Училище, сми-и-р-но! – команда, вызывающая внутреннюю дрожь, вылетела из расположенных по углам плаца динамиков, в один, неуловимый глазу, миг подровняв курсантские «коробки». Строй замер, как единый монолит. Стало так тихо, что с соседней улицы, нарастая, донесся приближающийся шум дребезжащего старенького троллейбуса...

– Получить дипломы приглашаются выпускники, окончившие училище с отличием и золотой медалью:

– Лейтенант Баталов!

– Лейтенант Валишев!

— — — —

- Лейтенант Серебряников!
- Лейтенант Смирнов!
- На середину плаца ша-гом марш!

Началось...

Четкий, заранее многократно отработанный выход под бой барабанов. Как они все проклинали изматывающие душу бесконечные тренировки!

Волнующие всех присутствующих мгновения. Получить диплом лично из рук выпускника училища маршала, Героя Советского Союза Москаленко приятно и очень почетно. Не каждому выпадает такое счастье...

Доброжелательное рукопожатие и проникающие в душу, напутственные слова ветерана. Скоротечный и одновременно столь долгий миг прощания с Боевым Знаменем училища.

Непрошенные слезы появляются на глазах. Нет-нет, эти мужчины не плачут. Они радуются!

– Училище, смирно! К торжественному маршу! По-батареино...

Последнее прохождение торжественным маршем. Все...

Обучение закончилось. Завтра у них начинается самостоятельная жизнь. И никто не знает, что их ждет впереди.

Застыв на полушаге в задумчивой нерешительности, лейтенант Валишев смущенно улыбался, восторженно глядя на стремительно приближающуюся, летящую к нему стройную женскую фигурку той, которую он любил больше всего

на свете, без которой не мыслил своей жизни.

Если бы кто-то спросил его сейчас: счастлив ли он? Что он на это ответил бы? Только честно, не кривя душой и не красуясь...

Да, конечно же, он счастлив. Безмерно счастлив. Иного, более точного и полного, определения для владеющего им состояния и не подобрать.

Сегодняшний день – это итог шести лет напряженной учебы сначала в суворовском, а потом и в высшем военном училищах. Казалось, что до сих пор не мог поверить в реальность происходящего. Как будто все это происходило не с ним, а с кем-то другим. Кто мог бы предсказать, каким именно будет этот день шесть лет назад, когда он, закончив восемь классов провинциальной школы, объявил о своем решении ехать поступать в суворовское училище...

Наверное, еще лет с десяти Рэм мечтал стать суворовцем. Книжку «Алые погоны» восторженно и с упоением перечитывал раз за разом. Он влюбился в ее героев. Пацан мечтал и грезил такой жизнью. И заранее стал готовиться к осуществлению своей заветной мечты. Регулярные занятия спортом должны были помочь ему в этом. Особенно любил мальчик бегать на лыжах, хотя до восьми лет, пока вместе с родителями жил в Казахстане, и снега-то настоящего не видел. Учеба в школе давалась легко, и Рэм самостоятельно, забегая далеко вперед, осваивал программу по математике и физике, порой опережая своих сверстников на полгода, а то и того больше. Когда подошло время, он, не говоря ни слова никому из своих домашних, написал заявление и отнес его в военкомат. Все, конечно, об этом потом узнали. Но только тогда, когда пришел вызов из училища. Мать, оглушенная свалившейся новостью, просто не знала, как к этому отнестись, а отец сказал, усмехнувшись: «Пускай парень едет, все равно вернется. Что, мать, заранее-то переживать? Было бы из-за чего...».

Пожалуй, в тот момент никто толком и не верил в саму возможность поступления. Из четверых друзей, вместе с Рэмом начавших похождения по военкомату и медицинским комиссиям, осталось только двое. Одного подвело здо-

ровье, другой благоразумно решил не испытывать судьбу.

– Знаете, ребята, – потуплено опутив растерянный взгляд, объяснил он, – не мое это, не по мне. Дисциплина... вся жизнь по команде...

Зачем, спрашивается, сознательно обрекать самого себя на эти излишние тяготы и лишения, когда можно запросто прожить и без всего этого...

– Вы уж... это... того... Без меня.

Озадаченно моргая, неразлучные на протяжении последних лет друзья, почувствовав повеявший холодок отчуждения, переглянулись между собой, неопределенно пожали плечами.

А в мальчишеских глазах не осуждение, а только одно сожаление, так и не высказанное вслух:

– Каждый волен сам выбирать себе дорогу, по которой ему идти...

Сдавать вступительные экзамены Рэм поехал вместе с другом Валеркой. Открыв дверь в нерабочем тамбуре, сидели на опущенной подножке вагона. Мимо пролетали телеграфные столбы, деревья, перед переездами оставались вереницы застывших в ожидании машин. Стучали мерно колеса, словно уже начинали отсчитывать мгновения новой, неизведанной жизни.

Что там ждет их в полной неожиданностей неизвестности? Не совершили ли они опрометчиво самую главную в их пока еще короткой жизни, непростительную ошибку, без

оглядки кинувшись в темный омут...

Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Дорогу же осилит лишь идущий. Знать бы в начале своего пути, куда он приведет и каким будет его конец! Ответа не знает никто...

Огромный и шумный город – столица одной республики на Волге – с самого первого взгляда поразил поселковых пацанов своими размерами, немыслимым количеством машин и интенсивностью движения. Валерка был в восторге. К слову, Рэм, вообще-то, бывал здесь три года назад, когда по путевке отдыхал в республиканском пионерском лагере. Успел он к этому времени повидать Астрахань, Куйбышев и даже Москву. Но это было давно. И, приехав из маленького поселка в огромный город, многие первое время чувствуют себя, как не в своей тарелке...

Настороженные взгляды абитуриентов, которые в томительном ожидании и некоторой растерянности, кучками собирались возле училища. Их группами вывозили в летние лагеря. Лишь там, увидев все своими глазами, друзья смогли оценить масштабы происходящего. Сполна они осознали то, на что в своей наивной самонадеянности решились.

На триста с чем-то мест приехало две с половиной тысячи желающих. Конкурс – один к восьми. Даже питание в столовой пришлось организовать в шесть смен – так много было рискнувших испытать свою судьбу. Попробуй-ка, окажись

в числе избранных свыше счастливицов...

– Вот это мы встряли, – дрожа от волнения, кривились мальчишеские губы в жалкой улыбке.

– Назад пути нет... – вполголоса произнес Рэм.

Нет, он не отступит, назад не вернется, не пройдя через все испытание. На память тут же пришли строки из Пастернака, из его «Гамлета» Юрия Живаго:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку...

Может, кому-то и покажется, что громко сказано. Но это его Рубикон. Эта грань есть у каждого. Только не каждый ее переступит...

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

Всех приехавших разделили по группам. Рэм попал в так называемую группу отличников, то есть тех абитуриентов, кто закончил восемь классов с одними пятерками. Эти ребята имели право в случае успешной сдачи первого экзамена – контрольной по математике – остальные испытания больше

не проходить. Валерка туда не попал. Они были вынуждены на время разлучиться – группы жили далеко друг от друга.

– Жалко... – грустное разочарование заплескалось в расстроенных глазах друга Валерки.

А он так надеялся на помощь Рэма. Видно, не судьба...

Кто-то усиленно зубрил, ни на секунду не расставаясь с неподъемной кипой книжек и учебников.

– Братцы, братцы, – совершенно метались потерянные в глубине наук глаза, – подскажите, как это можно решить...

Кто-то маялся, бесцельно слоняясь из угла в угол, что-то глухо бубня себе под нос с отсутствующим взглядом, видно, призывая себе на помощь потусторонние силы.

– Уйди, уйди, не трогай меня! – отмахивались они от нудящих зубрил.

А кое-кто просто проводил все время на спортивной площадке, всецело доверившись своей планиде: повезет, так повезет. А нет, так чего почем зря мучиться и истязать себя.

– Ребята, моя очередь подавать...

Перед смертью, как говорится, не надышишься. Раньше надо было зубрить...

И вот наступил день первого экзамена. Все его с нетерпением ждали. Одни – с надеждой, другие – с обреченностью. И «судный» день настал.

Чего греха таить, конечно, Рэм сильно волновался. Что, в общем-то, несколько неудивительно для пацана, вырван-

ного из привычного круга обитания. Но он был уверен в своих силах.

Не зря же парень столько занимался, побеждал на школьных и занимал призовые места на районных олимпиадах. Так-то оно так...

Но кто же не переживает в свои пятнадцать лет. Один и без всякой поддержки в ожидании столь серьезного испытания. Давила сама атмосфера. Внезапно испортилась погода. Набежали тучки. Заморосил, нагоняя тоску, дождик. Противный, затяжной. Испортил всем окончательно настроение.

Построение провели в казарме, проверили по спискам, вывели на улицу, бегом погнали до соседнего здания. В специально подготовленном помещении оказалось более ста человек – вся их группа. Рассадили всех строго по двое.

Металлический голос, напрочь лишенный доброжелательности, напротив, настолько угрожающе предупредительный, что мурашки побежали по коже, громогласно объявил:

– Руки положить на стол, смотреть прямо перед собой, к соседу в листок не заглядывать. Шпаргалка – задание сдать и на выход...

В замкнутом пространстве стояла зловещая тишина. Ее, звенящую в ушах, не сразу нарушил голос, более настроенный на рабочий лад, чем на запугивание:

– Внимательно вчитайтесь в задание...

– Твой... мама! – громким свистящим шепотом вырва-

лось разочарованное изумление изо рта крепко сбитого паренька с неестественно скрученными и прижатыми к тыквообразной голове ушами. – Такой! Кто может решить, а?

В последний раз за партой в аульской школе он сидел полгода назад. А всю программу обучения проходил на сборах. И, правда, кому были нужны их уроки. Для тренера команды главное, чтобы они зачетные очки приносили. А в свидетельство об окончании восьми классов его стараниями и так вписали то, что надо, одни «пятерки»...

– Встать! – зловеще сдвинул брови офицер с капитанскими звездочками на погонах. – Группа! Имя, фамилия!

Перепуганный верзила вскочил. С грохотом отлетел назад стул, чуть не опрокинув сзади находящийся стол.

– Сто третий группа! Магомедов Алан! Чемпион республики по борьбе...

Что касается Рэма, то он не особо понял, причем тут чемпионство, если они сидят на экзамене по математике. Но у кое-кого на этот счет, кажется, было иное мнение.

Понимающая улыбка быстро скользнула и спряталась в щегольских усиках капитана. Пробежав взглядом по списку, он укоряюще качнул головой:

– Первое и последнее китайское предупреждение! Следующего не будет! Намотай себе на ус, чемпион!

Напротив фамилии Магомедова Алана стоял крестик, означающий, что данного абитуриента валить не следует. Наоборот, ему необходимо оказывать всяческое содействие.

Их училищу такие чемпионы нужны, а поэтому с примерным незамедлительным удалением провинившегося абитуриента на этот раз придется повременить. Правила для всех одинаковы. Только подход к каждому свой, индивидуальный...

Просмотрев все задания, Рэм с облегчением вздохнул. Напрасно некоторые запаниковали. Решить примеры и задачи такого уровня сложности большого труда для него не составит. Главное, чтобы где-нибудь не допустить досадную ошибку.

— Будьте внимательны при оформлении своей работы. Помарки будут квалифицироваться в пользу проверяющего...

Да, тут они, конечно, с принимающими экзамен, вне всяких сомнений, по разные стороны баррикад. Тем только дай повод, чтобы срезали, не поставили «отлично». В этом они, видно, задачу свою основную и зрят...

Аккуратно перепроверив, парень все переписал на чистовик. Сосед слева пыхтел — что-то явно не ладилось. Рэм краем глаза посмотрел на его листок и начал быстро писать у себя в черновике. Закончив, подтолкнул соседа локтем — переговариваться им было строжайше запрещено вплоть до немедленного удаления — ручкой показал, что надо делать, и, как ни в чем не бывало, стал сосредоточенно смотреть вперед, словно еще что-то обдумывая. С такой-то, насколько можно облегченной задачей сосед справился успешно, перекатав, не привлекая излишнего внимания, нужное

решение.

– Спасибо! – беззвучно прошептали благодарные губы.

– Нема за что... – пожали в ответ польщенные плечи.

Никто со стороны их немого разговора не заметил.

Отсев был беспощаден – из всей группы пятерочников через сито прошло чуть больше двадцати. Остальные были вынуждены продолжать сдачу экзаменов со всеми остальными.

Глядя на их понурые спины, Рэм задумался о том, что, если такую, в принципе, среднюю по сложности контрольную не смогло решить столько человек, то чего, спрашивается, стоят их пятибалльные аттестаты. Это или показатель слабого уровня подготовки в сельских школах, или многие из них – просто «дутые» отличники.

Получив «двойки» на самом первом же экзамене, уехала третья, оказавшаяся самой неудачливой часть кандидатов. Среди убывающих оказался и друг Валерка. Камнем преткновения для него стало сочинение.

– Рэм, ты понимаешь, я же все написал, написал. Как же так... как?

Тяжело, очень тяжело было Рэму смотреть в его тоскливые глаза, как будто в этом была его вина, в том, что друг уезжает, а он остается. Внутри все защемило тоскливо-тревожающим чувством. Вот он и остается тут совсем один. А вокруг все чужое, недружелюбное.

– Что я могу сказать тебе, Валера...

Если уж честно сказать, парень и сам не был до конца уве-

рен в том, что будь у него на первом экзамене сочинение, он тоже справился бы успешно. В математике, там все четко и ясно – пример решен: правильно или же нет. А здесь все субъективно и зависит от проверяющего. Понравятся ему чужие мысли – хорошо. А если нет? Согласен ли он с тем, что в этом месте должна быть запятая, или нет? Существуют ситуации, которые можно трактовать и так, и эдак. Правила же гласят, что правописание в таких случаях может зависеть исключительно от замысла самого автора.

Да, все это, конечно, так. Только оценивает-то эти мысли совсем другой человек. Откуда ему знать то, о чем думал при написании своего опуса автор? Возьмет и посчитает кое-какие знаки препинания за лишние. Хуже того, не понравился проверяющему автор или его фамилия своим неблагозвучным звучанием – может «помочь» поставить пару лишних запятых. Тогда вообще никому и ничего не доказать. Сочинение – это лотерея.

– Тебе хорошо говорить, ты уже поступил...

В мальчишеском голосе дрожь. А в глазах за влажной пленкой собирается горькое разочарование, скрывая досадливую зависть вперемешку с накапливающейся жгучей обидой. На кого и на что? Трудно сразу понять...

Счастливичков в спешном порядке провели через свою медкомиссию при училище – для соблюдения приличия, так уже, на всякий случай, без всяких особых придинок. Навер-

ное, медики уже посчитали их, как за своих, ну почти поступивших. Кроме того, их с нетерпением ожидали отцы-командиры в лице бравых старшин рот. Группу выстроили, разделили на три части и объявили о том, кто из них попал в четвертую, кто в пятую, а кто и в шестую роты.

Суматоха, беготня. Кто-то похожий на знакомого, вроде, где-то уже виделись, подошел к Рэму.

– Меня зовут Юра Кусков, – сказал невысокого роста паренек. – Спасибо тебе за помощь на экзамене, – и в знак дружбы протянул руку.

– Рэм Валишев. Не стоит, – от смущения ему стало немного не по себе. – Для меня это было вовсе не трудно.

Оказалось, что они попали в одну роту – четвертую. Старшина поджидал их с заметным нетерпением во взгляде показавшихся очень проницательными глаз, много повидавших и немного усталых.

– Старший прапорщик Яппаров, – представился он ребятам. – Прошу любить и жаловать, – старшина говорил негромко, с хорошо отличимыми доброжелательными интонациями в голосе.

Если бы не погоны с тремя звездочками без просветов, то запросто сошел бы он за школьного завхоза.

– Первым делом вам следует оборудовать палатку, в которой с этого момента вы будете жить. Значится, вас семеро...

Словно что-то прикидывая в уме, помолчал, затягивая паузу, возможно, и делал это не без некоего умысла, чтобы дать

время своим новым подопечным проникнуться всей важностью момента, только потом старшина продолжил:

– Надо будет вам получить в каптерке семь матрацев, семь подушек, постельное белье на каждого, и можете взять себе по два-три одеяла, чтобы не мерзнуть по ночам. Пока, кроме вашего отделения, в наших палатках никто жить не будет, одеял хватит на всех, а там поглядим.

Затаив дыхание, будущие воспитанники слушали, боясь пропустить хотя бы одно слово.

– С этого момента, – старшинские глаза сузились, подчеркивая, что все сказанное необходимо всем усвоить, как «Отче наш», – ваша группа будет называться рабочей командой четвертой роты. Все остальное потом. Сбор в восемнадцать ноль-ноль. Дерзайте, ребятаки...

Обвел старший прапорщик всю команду изучающим взглядом с затаенной усмешкой, хмыкнул и развернулся, пошел в сторону каптерок по одной из боковых линиек, мимо стройных рядов палаток.

С радостно горящими глазами мальчишки живо взялись за порученное им дело. Они с большим желанием и интересом обустраивали свое новое жилье. Всем казалось, что именно с этого начнется их новая жизнь, жизнь нелегкая, воинская...

Стандартная солдатская палатка, рассчитана на десять человек. Это, конечно же, если ее правильно установить на специально подготовленное гнездо размерами четыре на четы-

ре метра по всем правилам военного искусства. Тогда при необходимости туда можно и печку-буржуйку поставить.

На заранее подготовленные деревянные нары мальчишки положили изрядно отощавшие ватные матрацы, застелили застиранными серыми простынями. Как смогли, прикрыли все светло-голубыми с тремя полосками одеялами. Видно, получилось у них не очень...

– Ладно, еще научимся, – хмыкнул старшина, заглянув внутрь. – Строиться! – затвердел его голос.

Строгая команда быстро заставила всех выскочить наружу и изобразить что-то наподобие строя, но не больше.

– Задача перед вами стоит следующая, – старший прапорщик пока не стал обращать внимание на это выпирающее издевательство над строевым уставом. – Так как вы считаетесь, в принципе, уже поступившими, то на вас возлагаются некоторые обязанности по обеспечению жизнедеятельности лагеря. Поочередно от каждой роты на сутки будет выделяться наряд для работы в столовой. Начинает наша – четвертая.

Народ весело загалдел. Перспектива попасть поближе к кухне, видимо, всем сразу понравилась. Заканчивалась первая неделя пребывания в полевых условиях. Съестные запасы, привезенные из дома, давно уже закончились. А кормили в столовой не слишком сытно, порции были скудными.

Те, кого не подкармливали расположившиеся отдельным табором-лагерем родители, начинали потихоньку ощущать уже ни на минуту не покидающее их чувство легкого голода.

Бывалый старшина, видимо, почувствовал обстановку и поучительно изрек:

– Вот вам, ребятки, и самая первая солдатская заповедь: «Подальше от начальства – поближе к кухне»...

Особо увлекающиеся армейской мудростью могут записать.

Работы в столовой оказалось много. Чего только стоило одной картошки начистить вручную на такую ораву. А потом накормить всех в обеденном зале. Армейские столы рассчитаны каждый на десять человек, поэтому в столовую запускали десятками, заранее отсчитанными прямо у входных дверей. Когда усаживались за последний стол, зашедшие первыми уже выходили на улицу.

За ними надо было быстро убрать, помыть столы и поставить чистую посуду. И так четыре смены. Настоящий конвейер. Потом, когда после каждого экзамена народу становилось все меньше и меньше, работы поубавилось.

Но главное, что возле кухни можно было наесться досыта. Сердобольные женщины-повара лучшие кусочки специально отдавали работающим рядом с ними пацанам.

– Ешьте, сынки, ешьте. Отощали-то как на свежем воздухе, да вдали от мамкиного глаза...

Ребят потчуют, на лицах жалость и сострадание, но руки про свои сумки необъятные и неподъемные при этом не забывают, трамбуют тушенкой, маслом, сахаром, консервиро-

ванным соком — дома тоже детишки, и их чем-то кормить надо. И невдомек сердобольным, что урывают с общего котла, кому-то меньше достанется, чем положено по норме. Жалко только тех, кого видно, а что касается остальных... чего про прочих думать, переживать.

Однажды Рэм съел столько таких лакомых кусочков, что потом ему дня два не то, что есть совсем не хотелось, смотреть на пищу сил не было. Пацан, одним словом, что еще с него взять...

После поездки в город за продуктами мальчишки оживленно делились друг с другом своими новыми впечатлениями. Еще бы! Они же одними из первых попали на территорию училища и имели возможность совершить по нему экскурсию, посмотреть вблизи на свою мечту. Отойдя чуть в сторону от продовольственного склада текущего довольствия, Рэм подошел к стройной березке, прижался к ее шершавому прохладному стволу. Широко раскрытые глаза уперлись в высокое небо, чистое-чистое, голубое-голубое.

— У меня получится, — беззвучно зашептал парень. — Должно получиться...

Кто-то подошел и положил ему руку на плечо.

— Рэм, пока время есть, пойдем, пройдемся...

— Да, Юрок, конечно... — он с видимой неохотой оторвался от пахнущего родным домом березового ствола, запрятал свои думы подальше.

Ребята набрались всяких слухов о якобы существующей и процветающей в этих стенах «дедовщине», о издевательствах десятиклассников – «кадетов» над «шмотами» – девятиклассниками.

Ну, само-то название «кадеты» было понятно – это от до-революционных кадетских корпусов. А вот «шмоты» откуда взялись – этого уже, наверное, никто толком и не помнит. Может, что-то связанное со шмотками, в которые были наряжены абитуриенты...

Случайно оказавшаяся в это время года на территории училища парочка новоиспеченных «кадетов», скорее всего, двоечников, задержавшихся из-за своей неуспеваемости с убытием в каникулярный отпуск, рассказывала раскрывшим рты пацанам о том, как им, молодым, предстоит зубными щетками драить кафель в умывальниках и туалетах, одежными щетками скоблить асфальт на плацу, длину и ширину которого необходимо будет предварительно измерить спичечными коробками.

– Ша, «шмоты»! – картинно рисовались десятиклассники, заливчато заламывая фуражки. – Вот, вернемся мы все из отпуска, настанут для вас «черные» деньки! Мы вам покажем, где раки зимуют!

Выставив вперед одну ногу, хвастунишки – вчерашние девятиклассники, по сути, еще так и не перешедшие на старший курс по причине банальной неуспеваемости, бравировали своей «опытностью». Расклешенные по моде брюки.

Большие пальцы обеих рук оттягивают к низу расслабленный свех всякой разумной меры черный кожаный ремень. Начищенная до блеска бляха согнута. Форменная куртка отбелена и приталена. На гордо выпяченной груди два ряда значков. «Воин-спортсмен», «Отличник Советской армии», золотой значок «ГТО», первые разряды то ли по боксу, то ли борьбе, еще что-то, сразу и не разобрать – так и рябит в глазах.

– Мы вас научим, как Родину любить! Еще наплачетесь! Вспомните о своей мамке, да поздно будет! Лучше прямо сейчас валите до родной хаты...

Становилось ясно, что в училище существует определенная субординация во взаимоотношениях между старшими и младшими воспитанниками.

Было, о чем задуматься на досуге...

После третьего экзамена основательно поредевшую массу абитуриентов переселили в палатки. Многие приняли это, как верный признак того, что они уже поступили. Кто-то вслух подсчитывал свои баллы и не без основания полагал, что, даже получив дохлую троечку на последнем экзамене, все равно должен пройти. Были те, которые рассчитывали на чудо, а кто-то надеялся на что-то другое и, наверное, не зря.

Если все из поступивших прошли через жесткое сито вступительных экзаменов, то откуда появились потом вос-

питанники, явно не справляющиеся с программой обучения в училище, несмотря на самую высокую методическую подготовку преподавателей и специально созданную систему дополнительных занятий. Значит, кроме пресловутого проходного балла для простых смертных, существовали еще какие-то критерии отбора. Со временем все это, конечно, стало известным. Однако, всему свое время...

Последний экзамен!

Сложнейшее и тяжелейшее испытание пройдено. Нашлись и дерзкие смельчаки, тут же, не откладывая это дело в долгий ящик, отметившие столь знаменательное событие. Бурным было веселье, а вот пробуждение и похмелье – тяжелым. Наутро их с вещами уже ожидала машина.

Малость этим напуганный народ притих в ожидании мандатной комиссии. Число желающих поступить все еще превышало количество набираемых. И как итог – полное разочарование, недоумение тех, кто не попал в итоговые списки. Сходить с дистанции на самом последнем круге – труднее и обиднее всего. И, наоборот, неопишуемая радость мальчишек, чьи фамилии оказались на вывешенных листках.

Одни угрюмо упаковывают вещи, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы ненароком не выдать свою тоску или показать предательскую влагу на подрагивающих ресницах. Другие – с победным выражением на горделивых лицах обсуждают свою дальнейшую судьбу. Многие уже видят себя в роли больших военачальников.

Еще Суворов говорил, что «плох тот солдат, что не мечтает стать генералом». А тут открывается прямая дорога к осуществлению всех своих сокровенных мечтаний.

Наконец-то формирование новых учебных подразделений закончилось. Появились в палаточном городке штатные командиры. С каждым будущим воспитанником побеседовал его командир взвода.

Вот и Рэм стоял перед сидящим за столом майором и отвечал на вопросы: откуда родом и откуда приехал, кто родители, как учился в школе и чем увлекался? Офицеру, должно быть, понравился серьезный вид не очень высокого, но крепкого паренька. Прекрасная характеристика из школы. Выполнял обязанности секретаря комитета ВЛКСМ.

– Попробуем назначить тебя командиром отделения, – майор поднял на парня изучающие глаза. – Справишься?

Такого поворота событий Рэм не ожидал. Застыли напряженно его черные глаза, выразив всю глубину растерянности.

– Ты же хочешь стать офицером? – взводный усмехнулся. – Ведь так? А это реальная возможность подготовить себя к осуществлению твоей мечты. Получишь определенные командирские навыки.

Рэм, конечно, знал, как надо правильно ответить: «Ваше высокое доверие оправдаю», но получилось несколько иное:

– Я буду стараться, товарищ майор.

Видно, сказал что-то не то, что хотели бы от него услышать. Офицер прищурился, чуть дернулась его правая щека.

Но уже через пару секунд его губы раздвинулись в ободряющей улыбке.

– Правильно. Главное тут – это твое желание. А умение командовать со временем придет. Для этого вы и приехали сюда учиться. А мы со своей стороны будем оказывать вам всяческую помощь. Разумеется, это будет возлагать на вас определенные обязанности. С вас и спрос будет побольше, чем с других. Но есть и некоторые, так сказать, привилегии...

Какие? Пройдет всего немного, и это прояснится...

С самого утра следующего же дня началась деятельная подготовка палаточного лагеря к сворачиванию. Рота построилась и притихла в тревожно-томительном ожидании дальнейших указаний. Один из двух помощников офицеров-воспитателей прапорщик Валеев с хорошо слышимыми в густом и протяжном голосе вкрадчивыми интонациями объявил:

– Требуется создать специальную команду. Десять человек. Нужны люди со специальными знаниями. Кто из вас хорошо умеет извлекать квадратные корни? Выйти из строя на два шага вперед!

Тихий гул прокатился по строю, раскачивая и ломая его.

– Ну, кто смелый? – кривясь в непонятной улыбке, подначил их Валеев.

Думая, что предстоит работа интеллектуальная и творче-

ская, которая, как известно, всегда легче, чем труд физический, самые хитрые и пронырливые тут же поспешили сделать два шага вперед. Но оказалось, что на этот раз они перехитрили сами себя.

– Хорошо, достаточно-достаточно, – прапорщик, усмехаясь, остановил поток желающих. – Разобрать лопаты, кирки и ломы. Ваша задача на сегодня – выкорчевать вот эти самые три пня, оставшиеся от спиленных вчера деревьев. Настоящая работа для сильных математиков, – с едким сарказмом, пышущим из пышных усов, подытожил он.

Да, вот ведь, как бывает-то, поспешить – людей насмешить. Будущие великие полководцы и большие начальники на практике начинали овладевать азами простейшей солдатской науки, ее элементарной философией. Немало еще хитрых премудростей предстоит им усвоить. Но всему свое время.

Оставшихся, тех, у кого с квадратными корнями было несколько похуже, разбили еще на две-три команды. Рэм со своим отделением носил имущество к каптеркам. Андрюшка Дятлов таскал в паре с Игорем Петровым. Витя Панков вызвался работать вместе со Славой Сидоровым. Ринат Галиахметов, Сашка Гордеев и Эдик Панченко сортировали и раскладывали все по кучам. Рядом с ними копошились ребята из других взводов: Вася Чаплаев, Мишка Козырь, Саша Ситулин...

– Послушай Рэм, – со смехом обратился к нему Вить-

ка Безруков – еще один из семерых отличников, попавший по распределению в первый взвод. – А этот наш Валеев, похоже, мужик с юмором... И за словом особо в карман не лезет.

– Мне кажется, – Рэм иронически улыбнулся и, соблюдая осторожность, оглянулся по сторонам, – тут каждый второй юморист. Один наш старшина, чего только стоит. Кое-кто слишком мягко стеллит – не жестко ли потом нам всем спать придется...

Почесывая в затылке, Витек насмешливо добавил:

– Ну да, я сначала засомневался: выходить или не выходить? Что-то смутило меня: зачем это нужно столько человек для решения, в принципе, несложной математической задачи?

Сгоняя с лица улыбку, полную иронии, Рэм хмыкнул:

– Тебе повезло. Вон наши математики с кирками в руках в поте лица вкалывают, извлекая корни...

Знакомство с военными хитростями на этом не закончилось. Оказывается, иногда круглое легче носить, а квадратное катать. Открытые бочки с красками и мастиками пришлось носить на руках, а огромный железный бак, емкость для воды, перетасили, перекачивая с боку на бок.

Подошла автоколонна, и ближе к вечеру весь личный состав и имущество благополучно переместились в пункт постоянной дислокации. Выгрузились из машин, и закрутилась карусель неразберихи – вечная спутница, когда многое при-

ходится делать впервые.

– Четвертая рота! В линию взводных колонн становись!

Пересчитали, удостоверились, что никого по пути не потеряли.

– Первый взвод направляющий, левое плечо вперед, в направлении казармы шагом – марш!

Если два переезда равносильные, хоть и не самому стихийному бедствию, а всего лишь пожару, то быстрое вселение в незнакомое место близко к тому, что случается при разорении птичьего поселения на отдаленном острове.

Солнце близилось к закату, когда повели в первую в их жизни настоящую солдатскую баню в полуподвальном помещении в правом крыле. И там же в спешке произошло получение нового комплекта военного обмундирования.

Кому-то повезло сразу – все пришлось впору. А кто-то еще долго бегал, пытаясь поменять короткое на более длинное, узкое на широкое или наоборот.

С немым трепетом в восхищенных глазах Рэм смотрел на выданную ему форму: пару брюк с алыми лампасами, сероватую летнюю куртку, погончики с едва заметной надписью на них в два ряда: «Кз СВУ», что означало: Казанское суворовское военное училище. Вот и сбылась его мечта, он стал суворовцем. В это все еще не верилось. Но это было именно так...

В ротной бытовой комнате выстроилась очередь – все спешили поскорее выгладить выданное им обмундирование,

утюжили его через носовые платки.

Не у всех получалось – по брюкам ползли по две-три, а то и больше стрелок. А один из «маменькиных» сынков и вовсе умудрился нагладить стрелки по бокам. И смех, и грех...

Более удачливые пацаны успели пройтись, ознакомиться с расположением училища. Из содержания надписи на мемориальной доске, установленной на фасаде, выяснилось, что в здании, в котором им всем придется жить и учиться целых два года, когда-то бывал и танцевал граф Л. Н. Толстой.

Оказывается, до революции тут размещался институт благородных девиц. И будущий великий русский писатель весьма охотно посещал устраиваемые барышнями балы, халатно относясь к лекциям в университете, за что и был изгнан из его стен. Если бы его преподаватели знали, кем станет впоследствии этот нерадивый студент!

15 августа – незабываемый день, который навсегда останется в памяти у всех присутствовавших. Начальник училища со звездой Героя на парадном кителе торжественно зачитал Приказ о зачислении суворовцами стоящих на плацу мальчишек. Вот теперь уже точно все. Свершилось то, о чем так долго мечталось. Вчера еще было сладкой грезой, а сегодня уже стало реальностью. Отныне для них всех 15 августа – священный праздник – День Кадета. Таким он останется для них на всю жизнь.

Как и все в жизни, праздник отошел в прошлое. Начались суровые будни. Две недели напряженных занятий по физической подготовке, огневой, строевой и уставам. Шесть часов до обеда и четыре после. Доводящие до отупения тренировки в выполнении команд «Подъем» и «Отбой».

Не успели – повторить. Неправильно выполнили – повторить. Кто из них мог раньше подумать, что правильно и быстро заправить кровать – это целая наука? И со всех сторон постоянно назидательно звучит: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». Улыбающийся прапорщик Клинцов, получивший кличку «Цапель», с написанным на его лице ехидством, стоял с зажженной спичкой в руке.

Наверное, в эти мгновения он вспоминал о том, как издевались над ним, трусоватым по натуре, тщедушным и ма-

ломощным, «деды» в учебке, куда он случайно, больше по недоразумению попал из-за ошибки штабного писаря. Ох, и натерпелся он в те дни горя и унижения.

Ну, а теперь пришло его время за все воздать по заслугам. Что с того, что эти пацаны никакого отношения к тем мучителям и истязателям не имели...

Появились люди, сомневающиеся в том, что они правильно сделали выбор профессии, и написали рапорта. Их место тут же заняли те мальчишки, что, еще надеясь на какое-то чудо, до сих пор стояли за забором, с горящими глазами наблюдая за своими сверстниками в форме и погонах. Тем, у кого балл был повыше, повезло – произошел донабор.

– Привет всем, мужики! – счастливцев кидал свои гражданские вещи на отведенную ему, безвременно осиротевшую койку. – Вот и мы...

Трудно было всем. Рэм держался.

Но было и очень интересно – каждый день узнаешь что-то новое и нужное. Хорошо помогала дружба с Витькой и Юркой, который попал в соседний второй взвод.

– Слушай, брат, помоги! – обращались они друг к другу в случае нужды.

Взаимопомощь и выручка всегда помогали в трудную минуту. Втроем было легче справиться с трудной задачей или бедой, чем в одиночку. Разделенное на троих уже не казалось столь страшным.

За короткое время воинские коллективы еще не успели

сформироваться в полной мере. Воспитанники разбивались на отдельные кучки. Еще сильны были связи по принципу землячеств.

Местные – это мальчишки с расположенных поблизости республик. Много ребят было с юга России и Северного Кавказа. Южане наполовину оказались спортсменами, как правило, борцами или боксерами.

Тут уж точно поработал еще один критерий отбора – наличие спортивного разряда котировалось не меньше, чем высокий проходной балл. Достаточно было доказать свою принадлежность к тому или иному виду спорта, и место в училище было обеспечено.

Известным образом поступил и Алан Магомедов, собрал возле себя кучку гортанно говорящих ребят, которая попыталась подмять под себя других.

– Ты... вы... слушаться нас должны, – заявили как-то они. Но этого у них не вышло – подмять всех под себя.

– Иди-ка ты, Алан, к себе в горы! – насмешливо прозвучало со стороны русскоговорящих южан. – Там тебя ждут твои козы...

Дело шло к драке, и горцы отступили.

К чести многочисленных представителей силовых видов единоборств именно к силовому разрешению различных споров и конфликтов они, как правило, избегали прибегать.

Возможно, это было одним из условий их поступления. И это их останавливало. За воротами все еще бродили жела-

ющие надеть черную форму с алыми лампасами...

Постепенно ребята привыкали к общению с новыми товарищами, которые по слепой воле распределения оказались их сослуживцами. Приходилось находить общие точки соприкосновения с теми, кто постоянно находился рядом, независимо от того, кто и откуда приехал.

Постепенно стали формироваться новые коллективы – воинские: в отделениях, во взводах, в ротах. В пацанах медленно просыпался и креп дух коллективизма, возникало чувство локтя товарища – то, чем всегда отличались выпускники суворовских училищ, первые из которых были основаны еще в далеком сорок четвертом году для того, чтобы пристроить сирот и сынов полков.

Страшная война подходила к победному концу, и надо было думать об их дальнейшей судьбе. Первоначально срок обучения составлял семь лет.

Естественно, что за такой длительный промежуток времени ребята крепко сплачивались, становились друг другу, как родные. Впоследствии училища сначала перевели на трехлетнее, а потом на – двухлетнее обучение.

Но заложенные самыми первыми воспитанниками традиции остались и поддерживались офицерами-воспитателями, многие из которых сами когда-то вышли из таких же суворовских стен.

К ним относился и командир 4 роты подполковник Чигирь – мастер спорта по спортивной гимнастике, опытный

командир и воспитатель. Ребятам было, с кого брать пример. Было, на кого равняться.

Наступило утро 1 сентября. Вернулись из отпуска десятиклассники, заносчиво гордые, с «высоко задранными вверх носами». Младшие воспитанники с затаенной в неокрепших юных душах тревогой ожидали приезда старших. Но ничего особенного не произошло.

Оказалось, что ползающие по углам, от одной кучки растерянных ребят к другой слухи о страшной «дедовщине», на самом деле, являлись плодом воображения пытавшихся набить себе цену парочки двоечников и их горячим желанием выдать желаемое за действительное.

Да, существовали некие неписанные правила, устанавливающие порядок взаимоотношений между курсами. Главное – всегда и во всем уступать дорогу старшим. В узком коридоре малыши, прижимаясь к стенке, пропускали строй «кадетов».

– В сторону! В сторону! – угрожающе шипели десятиклассники.

Не успеет кто-то вовремя уйти с дороги, его так толкнут сплоченными в монолит мощными плечами, что в следующий раз будешь крутить головой на все триста шестьдесят градусов, чтобы снова ненароком не попасть под этот стальной каток. В магазине и чайной выпускники, также пропускались вне очереди.

– Я тут еще вчера стоял, – нагло заявляли они и протяги-

вали продавщице деньги. – Дайте мне то...

Позволить себе нарушить форму одежды – это тоже была привилегия старших. Согнуть кокарду или бляху, ослабить поясной ремень младшим категорически запрещалось. Рэм довольно быстро усвоил это правило на самом себе. Когда, слегка расслабившись, позволил себе совсем чуть-чуть согнуть кокарду на шапке, чтобы та, проказница, находилась ровно по центру и не крутилась, как кокетливая девушка на своем первом званом балу, незамедлительно получил кулаком в лоб, приобретя столь ценные познания и заодно выровненную кокарду.

– Вопросы есть? – верзила ехидно улыбнулся.

– Нет, – мотнул Рэм головой, сосредоточенно следя за расплывающимися перед глазами кругами.

Но скоро у большинства десятиклассников нашлись земляки на первом курсе, а земляк – он, к слову сказать, и в Африке земляк. Как же его можно обижать? Наоборот, его надо защищать. Почти каждый младшекурсник, почему-то оказался чьим-то земляком.

Получилось, что доказывать свое превосходство оказалось практически не над кем. «Ты это... мой брат не трогай, да!» – возмущенно тыкал пальцем в грудь своего сокурсника недавний житель высоких гор, вставая грудью на защиту своего земляка, такого же чернявого и горбоносого. «Ладно, Алан, но и ты, в свою очередь, наших не тронь...».

За пределами родных стен все становились на защиту друг

друга – это была уже одна большая и сплоченная воедино семья. Местные ребята опасались задирать парней в черной форме с алыми лампасами на брюках. Город еще хорошо помнил, какое побоище произошло на остановке трамвая у сквера Л. Н. Толстого.

А дело было так:

Как-то два суворовца возвращались из увольнения и были уже рядом с училищем, когда к ним пристала и стала избивать местная подвыпившая шантрапа.

Воинственный клич: «Наших бьют!» поднял на ноги всех свободных. Хулиганы попытались укрыться в салоне вагона пятого трамвая. Недолго думая, вагон окружили, раскатали и повалили набок. Пассажиров доставали из вагона по одному и проводили профилактическую работу. Может быть, кому-то досталось и зря.

Но в ожесточенном пылу боевых действий не всегда находится время, чтобы обстоятельно разобраться в том, кто прав, а кто виноват. После этого все организованно вернулись на свои обычные места.

Традиционно «ничейной» полосой считался ЦПКиО имени Горького, находившийся по соседству с училищем и отделенный от него оврагом.

Когда-то и там произошла похожая история, повторения которой, кажется, никому не хотелось. Кроме того, в городе на помощь всегда могли прийти курсанты танкового и инженерного училищ. Это тоже были свои. Своего рода войско-

вое товарищество...

Начались плановые занятия...

Обычная школьная программа плюс усиленная физическая подготовка и военные предметы. Знания давали основательные и за подготовку спрашивали строго. После первых контрольных сразу стало видно, кто чего стоит. Кто поступил, благодаря своим хорошим знаниям, а кто – оказавшись хорошим спортсменом.

Ну, а кто-то попал в эти стены при помощи родственных связей. Вместе со всеми учились родные и близкие членов Политбюро, министров, начальников с большими звездами на погонах, а также отпрыски влиятельных особ. Но легкой жизни никому не обещали...

– Если кто-то из вас наивно полагает, – с затаенной усмешкой в красивых миндалевидных глазах заверила их на самом первом уроке по русскому языку преподаватель Анна Владимировна, – что в совершенстве знает мой предмет, то я сейчас постараюсь доказать вам обратное.

И слов своих она на ветер не бросала. Выдала на первом же диктанте текст такой сложности, будто имела дело со студентами филологического факультета МГУ, и все работы запестрели красными галочками подчеркнутых ошибок. От двадцати и до тридцати – это еще считалось, что даже неплохо. Рекордсмен взвода насчитал в тот раз у себя

в тетради семьдесят две ошибки. И им был...

Много душевных сил, личного времени потратил Рэм, помогая подтянуть успеваемость своему товарищу и подчиненному Эдику Панченко. Но все его попытки закончились безрезультатно. После второй четверти у Эдика образовалась много «непогашенных» задолжностей.

А по одному, всем им известному, Положению – три «двойки» и документы на отчисление на стол. Когда воспитанники вернулись, отгуляв зимние каникулы, Эдик, как ни в чем не бывало, улыбаясь, встречал их в казарме. Лишь после целой кучи дотошных вопросов выяснилось, что скромный юноша, приходится племянником жене Начальника Генерального штаба Министерства Обороны.

Да, долго же конспирировался и маскировался под простого смертного их тихий товарищ.

– Эдик, что ж ты раньше-то молчал? – укоряли его друзья. – Мы же за тебя переживали, волновались...

В отпуске ночами не спали. Сытный и лакомый кусок в горло не лез. Им-то хорошо, а их товарищу...

– Так я это... того... – «герой дня» смущенно потупился, – не люблю я это... про это... словом... говорить...

Ну да, чего понапрасну «понтариться» чужими заслугами, пока своих еще нет никаких, только позорить имя видного человека.

Чтобы воспитать из ребят не только образованных,

но и культурных людей ввели дополнительные дисциплины: этику и эстетику. Учили манерам поведения в обществе, нормам морали и права, прививали любовь к искусству, тягу к прекрасному. С большим интересом посещались уроки балльных и современных танцев.

Особое внимание уделяли изучению иностранных языков. Но куда же пойдет будущий выпускник без настоящего знания родного русского языка? Видно совсем не зря опасался Рэм, что все его познания в этой области недостаточно глубоки.

Первые же диктанты показали, что у подавляющего большинства ребят существуют немалые пробелы в знаниях, возникшие в результате низкого и некачественного уровня преподавания этого предмета в школе.

Чему может, спрашивается, научить детей учитель словесности, если сам не знает, где надо писать два «н» в прилагательных и причастиях, а где только одно. Если преподаватель высшей категории на доске пишет: «пинул», а не «пнул», и с пеной у рта доказывает свою правоту.

Если большую часть своего урока занимается демагогией, как следствие, не успевает изложить весь материал урока и все задает «на дом»...

– Товарищи суворовцы! – объявляла преподаватель. – Сегодня мы пишем диктант. Убрать все лишнее со столов.

Если с простыми, адаптированными текстами все, в основном, как-то справлялись, то стоило отойти от школьной

программы чуть в сторону, как начинались большие проблемы, о которых их с самого первого дня предупредила Анна Владимировна, суровая красавица, в которую все поголовно были, кажется, влюблены. Сидели на уроках, украдкой кидали томные взгляды и вздыхали.

Правда, тайным воздыхателям приходилось еще хуже, витая в облаках, они многое пропускали, следующие диктанты писали еще хуже.

– Сдать тетради! – как удар хлыстом, следовала команда.

Но трудно было тем, кто со всем вниманием слушал женщину с невыразимо красивыми миндалевидными глазами, удивительно узкой талией восемнадцатилетней девушки, очаровательным голосом. Старающийся из всех сил Рэм о пятерке в те дни даже и не мечтал, получить твердую четверку, и то было бы хорошо.

– Эх! – тяжело вздыхал он, разбираясь с очередным упражнением. – Грехи наши тяжкие...

Это потом уже у преподавателей начались игры в любимчиков. Не попал в их число – оценки «отлично» уже не видать. Обидно было Рэму. Чувствовал, что знает, по крайней мере, не хуже своих же друзей: Юрки Кускова и Витьки Безрукова. Но, видать, фамилия его своим происхождением слегка подкачала. Даже русские этот язык в совершенстве не знают. Куда уж там им, нерусским. Как-то Анна Владимировна выразилась:

– Мы сами свой язык до конца не знаем, куда уж вам, та-

тарам да...

Потом женщина, осознав, что сказала явно не то, спохватилась, но было уже поздно. Слово – не воробей, вылетит – уже не поймать...

Но... «не суди, и сам судим не будешь...».

Просто ему не надо обращать на это внимание. Делать вид, что так все и положено. Надо научиться прощать.

С началом зимы училище начало превращаться в «цирк на льду». Виной всему стали занятия по лыжной подготовке. Если местные ребята еще были как-то знакомы с таким способом передвижения по местности, то южане, видевшие это разве что только в кино или по телевизору, понимали слова «бег на лыжах» буквально дословно.

– Побежали! – вскидывались вверх лыжные палки.

Многие не скользили, отталкиваясь, на лыжах, а, действительно, пытались бежать, смешно подпрыгивая вместе с плохо прикрепленными к их ногам «деревяшками». А те упрямы почему-то не хотели сами двигаться вперед, все время крутились, то расходясь, то перекрещиваясь. Выходили парни на лыжах, а возвращались «на дровах» или с ними в руках. А так как училище стояло у реки, то и трассы проходили по ее застывшей поверхности.

– Рота, подъем! Выходи строиться! Форма одежды №3... Старшина Георгиевский поторапливал сонных еще ребят. Утро вместо зарядки начиналось с лыжной пробежки. Два

раза в неделю после обеда проходили тренировки. И завершилось все в воскресенье кроссом на время. Подполковник Чигирь лично выводил всех своих питомцев на старт трассы длиной в десять километров. Дистанция бега проходила вдоль речного берега, повторяя все его изгибы, затейливо рисуя полупетли, потом делала полукруг, поворачивая в обратную сторону, и, описав неровную кривую, заканчивалась там, где начиналась.

Южане, трезво оценивавшие свои силы, хорошо понимали, что в отведенное на это время все десять километров им не пройти, и пытались всеми возможными способами сократить этот маршрут.

Кто-то срезал одну полупетлю за другой. А кто-то, стартовав и пройдя с километр по лыжне, сходил с нее, перебирался на противоположную сторону и, снова встав на лыжи, с мужественным видом финишировал, высунув от усердия язык, желая показать всем, как трудно ему далось преодолеть эту нескончаемую дистанцию.

– Я смог! – победно вскидывались вверх обе руки. – Я победил!

Существовавший риск попасться стоил того. Тот, кто не укладывался, автоматически исключал себя из списков желающих сходить в увольнение. А там все радости огромного города.

Выходцы с Юга России выросли в силу некоторых причин несколько раньше своих сверстников с Севера страны.

Их уже тянуло к девочкам. Никто, конечно, не хотел лишать себя такого удовольствия. А потому-то многие и прибегали к всевозможным уловкам и хитростям.

Но вот, к радости многих, снег растаял, и пришел конец мучениям участников ледового представления.

Пришла весна, и весь личный состав училища стал готовиться к преодолению новых испытаний. Неотвратимо надвигалась всесторонняя инспекция Министерства Обороны, какой не было уже больше десяти лет. Суворовцы ходили с не проходящим со временем недоуменным вопросом в глазах: «За что именно нам выпало такое наказание?».

Проверка такого уровня, как правило, начинается со строевого смотра, и к нему начали усиленно готовиться. Но оказалось, что у большинства второкурсников шинели по тогдашней моде были «подрезаны» выше колен, в то время, как расстояние от пола до подола не должно было превышать тридцать два сантиметра. А там наблюдались все сорок – сорок пять.

– Да ты линейку не так держишь! – неподдельно возмущался хозяин оказавшегося куцом имущества.

– Тут ее как ни держи... – хмыкали ему в ответ. – Приплыл ты, брат...

Военное училище стало напоминать потревоженное осиное гнездо. В конце концов, выход нашли. Чьи-то шинели, намочив, растянули до нужной длины. А кому и это не по-

могло, пришлось дошивать полоски определенной ширины, искусно маскируя шов. Как говорится, голь на выдумки хитра.

– Фу, зараза! – вытирал лоб суворовец, освоивший профессию портного.

Строевой смотр училища прошел ни хорошо, ни плохо. Трюк со штопаными шинелями прошел. Где было совсем уж явно заметно, ссылались на то, что некоторые акселераты за два года сильно уж выросли.

– Пришел к нам два года назад цыпленком, – «удивлялись» командиры. – А сейчас-то просто орел!

По выбору комиссии отдельные взводы сдавали зачеты по предметам обучения. Старшекурсники защищались и по разделам военной подготовки.

Во время проверки Рэм в первый раз за все время обучения в училище написал контрольный диктант на пятерку. Наверное, думалось ему, проверяющие были не в курсе того, кто из проверяемых ходит в любимчиках у преподавателей, а кто нет.

Наконец-то, дотошная комиссия уехала, все облегченно вздохнули, и жизнь потекла по обычному распорядку, плавно подойдя к переводным экзаменам, после которых по учебному плану начинался выход на полтора месяца в полевые лагеря.

Пролетели переводные экзамены. Их сверстники в школах давно уже разбежались на каникулы, но у них своя, особая программа.

На пороге встал первый в их жизни полевой выход.

– Первое отделение на вещевой склад! – бодро командовал заместитель командира первого взвода Жора Васильев. – Второе на...

Два дня усиленно готовились, получали на складе боевое штатное оружие, осознавая всю серьезность наступившего момента, подгоняли и переодевались в полевое обмундирование.

– Рота, получить оружие, разобрать вещмешки, выходи строиться!

Построение на плацу. Заместитель начальника училища зачитал приказ о совершении марша по маршруту такому-то... в пешем порядке. Вещмешок, набитый до отказа, висит за плечами, на плече – тяжеленный автомат АК, даже не АКМ, не говоря уже про миниатюрный АКСУ, на голове – каска, сзади болтается саперная лопатка, справа спереди на ремне висит подсумок с магазинами для патронов, слева – штык-нож. Короче, полная экипировка солдата-пехотинца – настоящая «советская военная угроза».

– Мужики, а я не дойду! – шутливо присел Рим Абдуллин.

Наверное, чтобы поднять настроение своим товарищам.

– Дойдешь! – Бахтин Сережа втолкнул своего подчиненного в общий строй. – Не дойдешь, мы тебя по запчастям донесем...

Дошли...

Началась максимально приближенная к боевой походная жизнь. Утром подъем по «Тревоге», марш-бросок с полной выкладкой с выходом на войсковое стрельбище.

Практические занятия по разборке и сборке автомата, отработка выхода на огневой рубеж, выполнение команды «К бою!», изучение порядка выбора точки прицеливания, и самое главное – практическое выполнение упражнений контрольных учебных стрельб из автомата. Потом, после обеда, что не всем нравилось, долго и нудно – чистка оружия.

– Ну, и что, хохлы, на меня прищурились?

И снова торжествующая и зловещая улыбочка прапорщика Клинцева с куском трепещущей белоснежной матери в руке. Проведет он пальчиками по деталям разобранного автомата, победно прищурится, обнаружив небольшое потемневшее пятно. Не принимается, незачет...

Особый интерес вызывали полевые занятия по тактике. Сколько десятков километров они прошагали и пробежали, перестраиваясь из походного строя в развернутый и обратно, разворачиваясь в неровную цепь и заново смыкаясь, наверное, никогда уже не подсчитать. Идти ровной цепью, соблюдая равнение и выдерживая установленные интервалы меж-

ду отдельными бойцами и отделениями, не так легко, как это может показаться с первого взгляда.

– Подтянись! Не отставать! – командой подбадривает их командир взвода.

Опытный наставник по пути объясняет отличия в действиях наших солдат и американских. Наше мотострелковое отделение, наступая в пешем порядке, действует сообща. А американские рейнджеры, как правило, атакуют врага одной группой при огневой поддержке второй, чем во многом и объясняются несоизмеримо высокие по сравнению со старослужащими потери новобранцев во второй мировой войне. Молодняк вынужден идти в первых рядах, прикрывая своей грудью стариков, которые явно отсиживались за спинами первых, не желая рисковать своими жизнями. Что ж, страна с давно устоявшейся демократией. Прав тот, у кого больше прав...

...Первый мотострелковый взвод, в составе которого действовал Рэм вместе со своим отделением, вел наступление на отступающего противника, когда по нему был открыт шквальный огонь со стороны находящейся впереди небольшой высоты.

– Первый взвод, ложись! Окопаться! – звучит команда командира взвода майора Шибецкого.

– Первое отделение, ложись! – громким перекатом дублирует команду командир первого отделения Сережа Бахтин.

Справа от него камнем падают на землю Марат Акчурин

и Ринат Аюпов. Леша Абашев и Эльмир Асадуллин пристроили ручной пулемет в небольшой канавке. Рим Абдуллин со снайперской винтовкой занял позицию чуть сбоку от своего командира. Слева прикрывали снайпера Витя Артимошин и Женя Белоусов.

Через минуту-другую Петр Александрович обходит залегающую цепочку стрелков, указывая при необходимости, где целесообразнее всего занять позицию для стрельбы:

– Левее возьми. Сектор обстрела будет больше...

Выполняя команду командира, пехотинцы приступают к отрывке окопов для стрельбы лежа по всем правилам военного искусства, устроившись на левом боку, не поднимая головы и орудуя одной малой саперной лопаткой.

– Вот черт! – ругнулся Серега Гончаров, тыкая лопаткой по камням.

Кому-то повезло – почва песчаная. Другому не очень – земля вся каменистая. А кто-то упал прямо на дороге, укатанной танками, и, озираясь по сторонам, пытается ужом уйти туда, где грунт помягче.

– И чего я, блин, таким длинным уродился! – тихо посетовал Андрюша Введенский, пытаясь окинуть взглядом свою долговязую фигуру.

Тому, у кого рост всего метр с кепкой, и рыть надо намного меньше. А ему – копай и копай окаянную ямищу под себя...

– Не все коту масленица... – философски заметил паре-

нек невысокого роста, Леша Гарбарь.

В кои-то веки и рост помехой оказался. Хотя, кому и как. Витька-то Безруков больше молчит, сопит, но ковыряется. Рядом с ним примостился и изображает из себя землеройного крота Ринат Гайнутдинов.

– Давай-давай, не ленись! – весело подсмеивался над товарищем Сережа Бутко, ловко орудуя лопаткой, словно родился на свет вместе с нею.

– Разговорчики! – строго одернул своих подчиненных командир второго отделения Александр Кателевский.

Прошло полчаса, и окопы в основном готовы, можно передохнуть перед дальнейшим броском вперед. Однако желанная команда все никак не звучит. Приходится усовершенствовать занимаемые позиции, углубляя их и приспособляя для стрельбы поначалу с колена, а затем и стоя.

– Не лежать! Не сидеть! Не стоять! Рыть окопы в полный профиль!

Ожидаемые с минуты на минуту подкрепления вовремя не подходят, застряв где-то далеко в нашем тылу, и, получив приказ, мотострелковый взвод переходит к долговременной обороне, соединяя отдельные окопы-ячейки непрерывными траншеями, ходами сообщения, оборудуя ровики для укрытия личного состава.

– Да, встряли мы тут ребята... – тяжело вздохнул Рим Абдуллин.

– Тяжело в ученье – легко в бою... – поучительно кидает

Бондаренко Игорь, их комсомольский вожак.

За работой проходит день за днем. Только с погодой им не очень-то повезло. Лето выдалось дождливое и холодное. Как назло, палатки в их городке старые и все в мелких дырках. Как дождь, так и текут. Внутри сыро, портянки не сохнут.

Но народ не жалуется.

«У природы нет плохой погоды. Каждая погода – благодать...»

Упорно терпит и отсчитывает дни, оставшиеся до конца, отмечая каждый прошедший день забитой по давней традиции в ствол дерева стреляной гильзой от автомата. Таков обычай. А традиции здесь чтят...

Невыносимо долго поначалу длился каждый час. Проходил день. Пробегали недели. Пролетали месяцы. И вот первый год учебы завершился. Вновь испеченные «кадеты» разъехались в отпуск. Вернулись все из дома отдохнувшие, набравшиеся свежих впечатлений, готовые с новыми силами и дальше грызть гранит науки.

За эти недели словно повзрослели, появилось сознание того, что они уже на выпускном курсе. Теперь уже они сами гордо поглядывали на тех, суетливо снующих по городку, явно чем-то напуганных девятиклассников. История повторялась, только на новом витке...

Довольно скоро Рэм и его товарищи ощутили на своих плечах возросшую ответственность. Сводной «коробке» барабанщиков, составленной из выпускных рот, доверили своим прохождением открывать парад, посвященный очередной годовщине Октябрьской революции в городе Куйбышеве. Так же, как и в Москве, военный парад на Красной площади открывает ротная коробка барабанщиков военного музыкального училища.

Огромная страна готовилась к великому празднику, а партия – к открытию очередного 26-го съезда КПСС, на котором стареющий Генсек собирался докладывать о новых успехах в деле строительства коммунизма, по дороге к которому

они где-то, по всей видимости, сильно подзадержались.

Все еще помнили обещания Никиты Сергеевича о том, что примерно к восьмидесятому году страна уже будет жить при коммунизме. Да, видать, он сильно ошибался, за что и был снят со всех постов своими соратниками и благодарными учениками.

Никто не мог точно сказать, сколько еще надо будет идти им всем по пути к светлому будущему. Но пока, наверное, в ожидании этого чуда одна из самых богатых республик России ввела у себя продуктовые карточки. Почти как в войну. Полки магазинов опустели. В некоторых из них еще можно было воочию увидеть на прилавках мясо, колбасу и масло, но отовариться можно было только при наличии талонов на руках. Нет местной прописки – значит, нет и карточек.

Постоишь, посмотришь и пойдешь дальше...

В миллионном городе работало всего несколько пельменных, у которых всегда выстраивались «километровые» очереди. Зато почти на каждом углу открылись небольшие блинные. Хлеба и муки в стране пока еще хватало. Впрочем, пшеницу завозили с Канады...

Никак не мог Рэм понять, отчего так получается.

Если, к примеру, у них в районе успешно выполняли и перевыполняли принятые на себя повышенные обязательства до двух десятков колхозов и совхозов, то куда же девалась вся производимая ими продукция?

Где же все-таки находятся они, бескрайние закрома, в ко-

торых хранились все их богатства? И почему у них кофе в продаже нет, а на столе для дорогих гостей у каждой хорошей хозяйки всегда найдется?

Что-то, видно, неладное творилось в государстве, где на словах все для народа, а на деле у этого самого народа ничего нет, кроме очередей: на квартиру, на машину, на телефон, на мебель, то есть практически на все необходимое в повседневной жизни.

В сознание вдруг начинало закрадываться крамольное сомнение, что у некоторых руководителей их страны слова начали подменять дело, а очковтирательство стало входить в норму жизни. Неважен сам метод – главное результат. Или действуй по принципу: после меня – хоть потоп.

Нужны примеры? Да их, хоть отбавляй. Куда только ни посмотри...

Спорт в суворовских училищах находился на одном из самых почетных мест. Полтора года Рэм в составе сборной команды по лыжам готовился к Спартакиаде суворовских и нахимовских училищ, проходящей один раз в два года. На этот раз зимний праздник спорта проводился в Свердловске, где, кроме самих хозяев, собрались спортсмены из обеих столиц, Киева и Минска, Калинин и Уссурийска. Приехала на Урал и команда Рэма.

Седой Батюшка-Урал с первого же дня поразил своими небывалыми морозами. Деревянные лыжи не выдерживали

низких температур и с оглушительным треском ломались, потеряв всю свою гибкость и упругость. Приходилось их срочно подклеивать, самим производить посильный ремонт. Пластиковые лыжи они берегли как зеницу ока...

– Только на гонки! – безапелляционно заявил майор, начальник команды.

Организация самих соревнований была отменная. Трассы всесоюзного уровня. К таким условиям ребята были непривычны. Откуда в городе на берегу Волги могли взяться крутые горки.

– Есть на Волге утес! – хмыкнул Витька Безруков, почесывая в затылке.

А здесь... бегут-бегут в подъем, сбивая вчистую дыхание и загоня пульс под небеса, и вот она заветная вершина. Складываются, пригибаясь к коленям, в надежде отдохнуть и хоть немножко отдышаться. Да не тут-то было. Спуск оказывался таким крутым, что это было не самым лучшим временем для расслабления.

– Ой, мамочки! – картинно развел руками Игорь Петров. – Ой, держите меня! Улечу!

Чуть кто зазеваается, так его подкинет, что потом мало не покажется. Лицо в снегу, перед глазами круги бегают, и никакого желания бежать куда-то дальше.

– Говорила мне мама, чтобы ехал я на юг...

Но надо вставать, положение обязывает. И встают, проклиная все на свете, особенно тот день, когда в первый раз

встал покататься на лыжах, и, стиснув зубы, карабкаются на новую гору...

– Надо больше каши есть! Надо больше каши есть...

Но только сами гонки показали всем нечто непонятное. Хозяева с такой скоростью гоняли по сложным горным трассам, что Рэм невольно думал о возможности явных подстав.

– Лихо девки наши пляшут... – скептически качал он головой.

Ну, не может, пусть даже очень одаренный парнишка их лет показывать такие результаты. Ладно, один вундеркинд нашелся. Но чтобы вся команда? Пусть его извинят, но так не бывает.

«Может быть, у нас инвентарь и не самый лучший, и слегка устаревший, – крутилось в голове у Рэма, – но столичные команды экипированы не хуже свердловчан, однако мы с ними соревнуемся на равных». Эти вопросы волновали и мучили не только его.

– Да не переживайте вы так, ребята, – успокаивал их опытный и много повидавший на своем веку тренер. – Это обычная практика, – продолжал он с иронической усмешкой на губах. – У себя хозяева с блеском выигрывают, а следующие соревнования обязательно провалят. Потому что там их, если что-то не так, быстро выведут на чистую воду...

Поэтому туда они поедут уже с собственными воспитанниками и покажут свой собственный потенциал. Хозяева у них просто не могут не выиграть. Но это все хитрые игры

вышестоящих начальников. И их это пока не касается. Пропустить вперед хозяев и три столичные команды они еще могут. А вот проигрывать остальным было бы нежелательно...

Поставленную тренером задачу ребята с честью выполнили, даже заняв в одной из гонок призовое второе место, чем немало удивили всех остальных и заставили относиться к себе с уважением. Ходили именинниками, а соседи-соперники поглядывали на них уже с некоторой опаской.

Спорт спортом, а учеба учебой. Будущие курсанты высших военных училищ настойчиво и усиленно занимались методической подготовкой, готовя себя к будущей командирской деятельности.

Как научиться четко и грамотно командовать?

Вопрос был не из самых легких. Рэм, постоянно исполняя обязанности командира отделения, пытался нащупать свой, только ему одному присущий стиль руководства подчиненными.

У каждого человека, конечно, своя дорога в жизни. В последнее время Рэм почувствовал, что его пути стали вдруг расходиться с дорожками своего закадычного друга Юрки. Все между ними было хорошо, пока новый командир второго взвода не назначил Кускова своим заместителем.

С этого дня дела пошли не так, словно между ними пробежала черная кошка. Юрка начал трактовать некоторые положения устава чересчур однобоко. Выходило, что командир,

то есть в данном конкретном случае он, всегда прав. Рэм как-то попытался поговорить с другом:

– Юра, послушай, нельзя же так жестко относиться ко всем сразу. Если ты что-то сказал, то на этом проблема закрылась сама собой. Мне кажется, что к некоторым вопросам службы не мешало бы подходить как-то человечнее, что ли. Вот, если парень не может сегодня заступить в наряд? Болен он чем-то, не в настроении – письмо из дому получил не совсем хорошее. Надо же в этом сначала разобраться. А ты ему сразу: «По графику – ваша очередь!» и точка. Или же взять твое коронное выражение: «Я так решил и все!». А что все-то? Проблема же осталась нерешенной. Может быть, ты, и на самом деле-то, не прав. Выслушай человека, подумай. И, если надо, измени свое решение. Ты же не крокодил, что только вперед ползет, а ходу назад не приемлет. Будь, пожалуйста, чуточку погибче. Надо в каждом, прежде всего, видеть живого человека, а не штатную единицу из списочного состава...

– Нет, – Кускову явно не нравилась тема разговора, – если решение принято, то менять его уже нельзя. Это подрывает авторитет командира. У подчиненных подспудно возникает провокационная мысль о том, что любой приказ можно оспорить, начинаются просьбы, уговоры, пререкания...

– А если человек, действительно, не может?

Друг нахмурился, набычился, выкатил ставшие жестоко-безразличные ко всему серо-зеленоватые, помутневшие

от злости глаза.

– В армии нет слова «не могу». Существует четкий и ясный ответ «есть».

Чуть наклонив голову вбок, Рэм многозначительно прищурился:

– Но если приказ отдан заведомо неправильно?

– Командир не может ошибаться, – уперся на Юрка своим. – В армии командир всегда прав...

И баста! Разговор окончен.

– Да ты, Юра, мне тут еще про статью первую дисциплинарного устава расскажи, – Рэм кисло улыбнулся и внимательно посмотрел на закусившего удила друга. – Ту, где написано: «Командир всегда прав» и статью вторую – «... если командир не прав, смотри статью первую», где ясно сказано, что командир всегда прав.

Стало видно, как их разговор все больше и больше начал раздражать Юрку, в последнее время отвыкшего от того, что кто-то ему возражал.

– Не надо меня учить, – Кусков решил перехватить инициативу. – Ты у нас еще до сих пор командир отделения, а я...

– Ну да... – ответил Рэм с усмешкой на губах.

Сильный ход. Как же, за последние полгода его дружок умудрился сделать головокружительную карьеру, землю роет, лишь бы выслужиться...

– Да где уж нам до вас. Извините меня, товарищ старший вице-сержант, – с немалой долей иронии в голосе под-

дел его Рэм.

– Товарищ вице-сержант! – Кусков аж взвился. – Как вы разговариваете со старшим по званию и по должности?

– Да иди ты... куда... сам... знаешь... – Рэм болезненно поморщился, отошел в сторону, от греха подальше.

С этого дня дружба и пошла на убыль. Спесь и зазнайство не лучшие качества в отношениях с друзьями. Рэм вспоминал прежнего Юрку, и на ум приходила пословица: «... хочешь узнать человека – дай ему власть». Она способна придать новые силы, раскрыть все самые лучшие качества. Но и она же, коварная, способна исподволь развратить человека, поднять в нем и вытолкнуть наружу всю его подлую сущность, все, что есть в нем не самое лучшее. К сожалению, почему-то чаще всего так и происходит.

По мнению Рэма, наличие у командира определенных прав должно в свою очередь накладываться на него и определенные обязанности по их применению.

Принимая решение, необходимо учитывать, какие последствия оно может повлечь за собой. Обладая дисциплинарной властью, следует использовать ее так, чтобы не нанести своими действиями вреда другим, руководствуясь принципами разумности и справедливости.

Трио друзей распалось. Остался один Безруков, член их давнейшей компании «отличников».

– Не стоит обращать внимания на Юрку, – как-то видя переживания Рэма, высказал Витька свою точку зрения.

– Может быть, ты и прав, – неуверенно пожал плечами Рэм. – Только не могу я так. Сколько всего вместе пережили! По сути, с первого дня дружим. Раньше все свободное время возле нас крутился. Шагу без совета нашего ступить не мог. А теперь к нему просто так и не подойдешь...

– А это у него все признаки «звездной» болезни нарисовались. Сначала он не попал вместе с нами в лыжную секцию. Это его, наверное, обидело. Потом его новый командир назначил своим замом, наделил самыми широкими полномочиями, отдав ему часть своих прав. Когда простому пацану постоянно внушают, что он лучше других, что он избранный, как тут, действительно, в это не поверить. Вот Юрка и загордился, задрал нос. Но, мне кажется, со временем это у него пройдет.

В ответ Рэм задумчиво покачал головой:

– Не знаю... как бы это все ему не вышло потом боком. Вся его власть держится, пока рядом находится штатный командир. А что Юрка будет делать в его отсутствии? Одними криками поставленную задачу не выполнишь, и сама по себе она тоже делаться не будет.

– Что так, то так, – согласился Витек. – Но пока-то все его действия полностью удовлетворяют взводного. Вон, как он поддерживает своего зама и тянет на экзаменах. Точно получит Юрка золотую медаль по окончании, хотя уровень его намного ниже нашего с тобой. До сих пор перед контрольными по математике к нам бегают за решениями... На это

у него совести-то хватает. Подходит, как ни в чем не бывало: «Витек, помоги, что-то нам тут не так объяснили».

– Я ему и говорю: «А ты у Рэма спроси, он в этом больше меня шарит». Так он, вроде, как и не слышит этого.

– Зато его наша русичка просто обожает, – Рэм невольно нахмурился. – А мне выше четверки даже и не светит.

Черт, а так хотелось быть не хуже остальных!

– Все равно все знают, кто из вас чего стоит. Да и стоит ли из-за этого так сильно расстраиваться? Думаю, что в первую пятерку лучших выпускников роты мы с тобой как-нибудь, да попадем...

А все остальное к этому постепенно приложится.

– Экзамены покажут, – осторожничая, произнес Рэм.

– Думаю, что там, – рот у Безрукова разъехался в веселой улыбке, – особо больших проблем не возникнет. Папашки некоторых уж постараются. Все заранее достанут: и варианты контрольной, и темы сочинений.

Время показало, что Витя, конечно, оказался прав. Накануне письменного экзамена по математике оба варианта заданий лежали перед Рэмом на его столе.

– Мы свое дело сделали, – весело отрапортовал один из «сыночков». – Дело за вами, спецами...

Конечно же, по тому принципу: «кто и на что способен». Рэм и Витька переглянулись, сели подальше друг от друга, все самостоятельно перерешали и только потом сверились.

Все ответы сошлись один к одному.

— Как в аптеке, — довольно воскликнул Безруков.

— А кто-то бы еще сомневался, — хмыкнул «сыночек». — Живем, хлопцы...

Результаты совместной работы были оперативно размножены и отданы всем желающим. Особенно тем, кто не был уверен в собственных силах. Но учителя тоже были начеку.

— Товарищи суворовцы, — строго предупредила их преподаватель по математике за полчаса до начала экзамена. — До меня дошли сведения, что у вас на руках имеются варианты контрольной, — тут она посмотрела в сторону двоих спецов. — И некоторые из вас уже постарались. Так вот, чтобы у кое-кого не возникли определенные иллюзии, я вас всех сразу предупреждаю: поставить пятерки всем без исключения никто не позволит. Если не хотите переэкзаменовки, то будьте добры написать каждый по своим силам, делая столько ошибок, чтобы получить свою соответствующую оценку. И не надо сдавать работы через пятнадцать-двадцать минут после начала. Сидите не меньше сорока минут. Понятно вам?

— Да-а, — хором ответили весело переглядывающиеся выпускники.

Получив четверку по сочинению, Рэм несколько не удивился. Ну, не совпадали его и русички взгляды на русскую литературу. Ничего тут не поделать...

— Жалко, что мы с Пушкиным вместе не живем, — пожал

он плечами.

Может, в таком случае Александр Сергеевич и смог бы их рассудить, с Анной-то Владимировной. Что и когда их поэт хотел сказать...

Самым неожиданным образом аукнулись пропуски занятий из-за тренировок и соревнований. Неожиданный «прокол» случился на экзамене по физике. По закону подлости попался билет с вопросом по теме, которую он пропустил во время Спартакиады, а в процессе подготовки к экзамену просто выпал из его поля зрения. Материал пришлось усваивать в ходе ответа на пару с экзаменатором. Хорошая общая подготовка позволила с честью выйти из этой нелегкой ситуации, но, разумеется, уже не без некоторых потерь. Пятёрка из рук ускользнула.

Обидно, конечно, когда остальное все знает, как свои пять пальцев. Снова Рэм убедился в том, что любой экзамен – это обыкновенная лотерея.

– Что такое тотально «не везет» и как с ним бороться, – вздохнул Рэм, пожимая обескураженным плечом.

А с астрономией так и вообще анекдот получился. По расписанию на изучение этой дисциплины был всего один час в неделю.

Надо же было так получиться, что поставили им астрономию именно в субботу, когда в этот самый день, как правило, проходили все городские соревнования, на которые приглашалась и сборная училища по лыжам. На предвыходные

дни пришлась череда весенних праздников.

Когда учительница подсчитала количество посещенных им занятий, то оказалось, что за год Рэм побывал всего на четырех уроках.

– Четыре урока – четверка. Было бы пять уроков – была бы тогда пятерка, – грустно пошутил Рэм.

Однако сильно расстраиваться из-за этого не стоило. Как найти Полярную звезду он знал и до этого. Этого для ориентирования на местности вполне достаточно. А лететь к звездам или же вести прицельный огонь по ним он и не собирался. Какая, следовательно, разница, сколько до какого-то созвездия парсеков или же сотен тысяч световых лет...

Приближался день заседания Мандатной комиссии, по результатам которой и должно было определиться, где выпускники будут продолжать свое обучение уже в высших военных училищах.

Вся система обучения и воспитания в училище была направлена на то, чтобы подготовить из своих воспитанников будущих курсантов командных военных ВУЗов, способных выполнять обязанности младших командиров. Поступать в инженерные училища считалось не совсем престижно или, правильнее сказать, неперспективно.

У флота были свои питомцы – нахимовцы. Несколько мест давали пограничники. Идти в летчики не советовали – легко могли возникнуть проблемы с повышенными требова-

ниями к здоровью. Заново переделывать направление к тому времени будет уже поздно, и как результат отчисление.

Считай, что год пропал. Значит, на следующий год – поступление уже на общих основаниях со сдачей вступительных экзаменов.

А так суворовцы-выпускники зачислялись в высшие училища без всяких предварительных испытаний за исключением инженерных пятигодичных. Из-за этого-то и не хотела идти туда основная масса, не желая подвергать себя новым проверкам на знания.

Да и высшее руководство их настоятельно советовало поступать только в командные училища. Вообще-то, существовали и другие – элитные заведения.

Только были они не для простых смертных. В разрядке, присланной для распределения выпускников, таких в общем списке не наблюдалось. Вот тому небольшой пример.

Взвод готовился к последнему экзамену.

– Суворовца Панченко срочно к начальнику училища, – неожиданно поступила команда, и привела всех присутствующих в недоумение.

Но ответ пришел быстро, и принес его сам довольно улыбающийся Эдик.

– Это дядя звонил, спрашивал, куда я намерен идти учиться дальше, – спокойно, как ни в чем не бывало, поведал племянник.

– А ты что, ты...? – понеслись со всех сторон заинтересо-

ванные вопросы.

– Да он это... предлагал мне Краснодарское шифровальное, а я отказался, – а у самого рот до ушей от простоватой улыбки.

– Зачем? – недоумение так и завибрировало в воздухе.

– Там это, чтобы учиться, мозги хорошие нужны, а я себя знаю. Лучше я пойду в Орджо.

Самокритичный был парень в отличие от некоторых других «сынков». А ехать он собирался в общевоинское училище в городе Орджоникидзе.

Было еще одно элитное заведение – Московское общевоинское. Кузница начальников с большими звездами. Именно оттуда вышли почти все бывшие и действующие военачальники. Тому, кто желал себе блестящей карьеры – туда была прямая дорога. Но ходила по училищу одна поговорка: «Щеголь – в кавалерии, умный – в артиллерии, пьяница – на флоте, а дурак – в пехоте»...

Вывесили после томительного и изнурительного ожидания и список очередности прохождения мандатной комиссии, составленный в соответствии с получившимся средним баллом в аттестате.

– Ну, что я говорил, – Витька толкнул Рэма в бок. – Ты пятый, я, правда, чуть выше – четвертый. Я астрономию почему-то меньше тебя пропустил...

– Но ты и от всех нарядов был освобожден в отличие

от меня, — не остался Рэм без ответа. — Да ладно, что тут говорить, если у тебя и с русским дела обстояли получше. Любит тебя все-таки за что-то русичка. Наверное, за твои красивые глазки, — подколот он друга. — А вот первый, как и следовало ожидать, — наш брат Кусков. Выслужил себе все-таки медаль карьерист. Добился своего. Ходит важный и надутый, как тульский самовар. Сияет, как начищенный медный пятак.

— Взводный там его всюду постарался, вытянул братца за уши, — Витька презрительно скривился. — Рассказывали мне ребята с их взвода, какие пузыри пускал он на физике и химии. Глаза выпучил. Рот раскрыл. Челюсть вот-вот отвалится.

— А решение с ответами по математике ты ему сам дал. Что, скажешь, не так было?

Может, он что-то и на этот раз путает.

— Не мог же я ему отказать, — Рэм недовольно поморщился. — Чувствовал, знал же, что не надо бы давать, но не смог. Становится просто интересно, как ему совесть-то позволяет так поступать?

Лично он сам не смог бы на такое пойти.

— Это уметь надо... — покачал головой Витек. — Для этого нужен особый талант, который дан не каждому.

Сначала умудриться испортить отношения, а потом подходить, как ни в чем не бывало, и просить помочь ему товарищески.

– Мужики, я же свой...

Переглянувшись, друзья недоуменно пожали плечами и перешли к обсуждению собственных планов. Виктор решил, что дальше будет учиться в Ульяновском танковом.

Почему именно туда? Главное – танковое, как он все время мечтал. И к дому поближе, что тоже немаловажное.

А вот Рэм думал по-другому:

– А я, знаешь, поеду в один город на Черном море. Там, говорят, хорошее артиллерийское училище. В танковое, честно сказать, мне особенно-то не хочется, а пехота – всю жизнь бегать по полям, грязь месить, наверное, это не мое призвание. Не по душе мне все это. Мне советуют, что с моими знаниями математики – прямая дорога в артиллерию, а лучше всего, в зенитно-ракетное. Но как только представишь себе, сколько там всяких чертежей придется выполнить.... Нет, не хочу. Может быть, потом, конечно, и придется когда-нибудь об этом пожалеть. Может быть, я делаю ошибку, выбирая себе путь полегче, но разве можно рассчитать все заранее? – в глазах у Рэма застрял мучительный вопрос.

– Далековато, – покачал головой лучший друг. – Есть же другие училища – поближе. В Ленинграде, например, или в Коломне. Все не так далеко потом будет домой в отпуск ехать.

– Не знаю, не тянет меня туда. В первом готовят чистых специалистов инструментальной разведки, а во втором – с десантным уклоном. А представь себе, зимой на месяц

на полигон, и мороз под тридцать. Красота. А если учесть, как наши командиры относятся к вопросам обустройства быта своих подчиненных, нет, уволь, не хочу. А на Украине климат все-таки помягче. С продуктами там, говорят, намного лучше нашего. Фрукты, овощи. В конце концов, там море, а я родился и полжизни прожил возле моря...

Тянет его к морю. Необъяснимо всеми пока доступными ему словами, но все время тянет.

Места в первой пятерке итогового списка позволили друзьям без всяких проблем выбрать по своему желанию место для продолжения учебы.

– Товарищ генерал-майор, – четко подошел Рэм, доложил, – вице-сержант Валишев на заседание Мандатной комиссии прибыл...

Его пожелание продолжить учебу в Приморском высшем артиллерийском командном училище было удовлетворено. Без лишних вопросов.

Выпускников споро переодели в зеленую курсантскую форму. Последнее построение. Выпускной вечер. Прощальный банкет.

Детство закончилось. Пришла пора вступить во взрослую жизнь. Но впереди еще ждал долгожданный и заслуженный отпуск.

Глава вторая

Дина

Любовь пришла неожиданно и нежданно...

1

Эти двое могли вообще никогда не встретиться – в слишком разных кругах они вращались. Где-то в другом месте они могли бы пройти рядом и даже не обратить друг на друга никакого внимания. Но судьбе было, видимо, угодно сделать так, чтобы все-таки нашлась одна лишь маленькая точка, в которой их пути пересеклись. И она дала им шанс. Небольшой и всего один. Наверное, решила попробовать и посмотреть, что из всего этого получится, может, потом посмеяться...

После торжественного и волнующего выпуска в суворовском училище окрыленный и весь в мечтах о своем будущем Рэм приехал в отпуск. Пару дней «покрутился» у себя дома, порадовав всем видом и новой курсантской формой родителей, с шиком пройдясь в ней по улице на зависть всем знакомым и не очень знакомым мальчишкам и не только им одним. Навестил жившего неподалеку одноклассника Айра-

та Галиуллина. Сходил к Володе Нефедову. И еще кое-кого проведаль...

Но, хорошего помаленьку, и парень отправился погостить к своей родне в славный город Октябрьский, который входил в состав соседней Республики, находился всего в получасе езды от них...

И до этого он, бывало, часть своего свободного времени проводил в обществе своего двоюродного брата Марата, жившего неподалеку в соседнем городе, откуда, кстати, и были родом его мать и отец. Поэтому Рэм всегда чувствовал себя там, как дома, – кругом была многочисленная родня, которая с удовольствием принимала его у себя, как дорогого гостя. Братья всегда охотно посещали соревнования по трековым мотогонкам и никогда их не пропускали. Местная команда «Нефтяник» выступала в высшем дивизионе всесоюзного чемпионата, в последние годы частенько становясь его призером. Кроме таких походов на стадион, имелось и много других общих интересов. Так было и в этот раз. Так, да не совсем. Случилось то, что оставило в его душе глубокий след.

Марат был старше Рэма почти на два года, но десять классов они закончили одновременно. В армию его, несмотря на то, что он стремился туда попасть, не взяли по состоянию здоровья. В повседневной жизни его болезнь не сказывалась, но сознание того, что он отличается от других, доставляло ему определенное внутреннее страдание. Родители с детства

жалели его и пытались сделать все зависящее от них, чтобы он не чувствовал себя чем-то обделенным. Больше всего его мать боялась, что младший сын так никогда и не женится. Время от времени она старалась знакомить его с девушками, которые могли стать потенциальными невестами. Поэтому, когда в детский сад, в котором она работала воспитательницей, приехали для прохождения практики две студентки педагогического училища, Марата тут же при удобном случае познакомили с девушками. Совсем кстати подъехал и Рэм.

– А у меня для тебя сюрприз, – Марат встретил его, загадочно улыбаясь.

Давненько уже Рэм не видел своего старшего брата и теперь терялся в догадках относительно того, что могли приготовить к его приезду на этот раз.

– Ну и? – чуть приподнялись его густые брови, равно настолько, чтобы не выказать весь свой интерес.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – ответ на его вопрос находился где-то рядом.

– У тебя, наконец-то, появилась девушка? – осторожно предположил Рэм.

– Не одна, а две.

Даже так?! Вот это номер! То пусто, то густо...

– Сразу две? – изумился гость – такой прыти от брата он никак не ожидал. – Зачем тебе столько?

– Так они это... ходят только парой, – вздохнул Марат и тут же пояснил. – Приехали к нам практику проходить, жи-

вут вместе. Ты вовремя подъехал, а то мы, как бы это сказать, с моей девушкой никак не можем от ее подружки избавиться.

Ах, вон оно что! Третий, как это говорится, лишний... А кто лишним-то всегда бывает? Не вопрос, ответ, как известно, лежит на поверхности.

– Хитер ты, братец, однако, – Рэм сразу предположил неладное. – Себе красавицу выбрал, а мне предлагаешь то, что осталось. На тебе, Боже, что нам не гоже...

Услышав это, Марат озадаченно моргнул, но, поняв все его опасения, только усмехнулся:

– Не спеши, брат, там с этим все в порядке. Дина – очень красивая девушка. Вот увидишь, она тебе сразу понравится. Просто так уж получилось, что мы с Зоей как-то сразу нашли общий язык. Да что говорить, вечером сам сможешь своими глазами все увидеть. Сходим, навестим их в садике.

– А они что, – курсант непонимающе моргнул, – там и живут?

– Ну да. Оборудовали им там комнату, чтобы не селить их в общежитии или гостинице.

Такой поворот событий обрадовал и встревожил Рэма одновременно. То, о чем так давно думалось, вдруг приблизилось. Частенько перед его глазами стояла картина, случайно увиденная им, когда он, будучи помощником дежурного по столовой, сходу открыл дверь в подсобку...

...Две парочки, спрятавшись в темноте, «обжимались»

по разным углам. Черноволосая официантка — девица лет двадцати, задрав свою короткую юбочку, сидела на широких коленях Лени Евгеньева, что в свои шестнадцать лет вымахал под метр восемьдесят с лишком и весил не меньше центнера. Ну, с этим было еще понятно. Не юноша уже, а настоящий мужик. К тому же они, южане, созревали чуть раньше. Но больше всего Рэма удивило то, что во втором любителе «помацать» сладкое женское тело, он узнал Костика Сергеева, Селедку, как его все слегка презрительно называли за глаза. Мелковатый и трусоватый, он только в присутствии своего земляка, великана Евгеньева мгновенно преображался, и на его лице вдруг проступали спесь и высокомерие. «Надувался» хлопец, когда чувствовал за спиной центнер не в меру накаченных мышц. И этот, пуская плотоядные пузыри, присосался к нежной упругой груди девушки, присевшей прямо на квадратный стол, уже по пояс обнаженной, оставшейся в одних лишь колготах...

Всего лишь мгновения хватило ему, чтобы это надолго запало в его сознание. Он тихонько закрыл дверь и ушел. Стало больно и обидно. Нет, не за себя, а за тех девчонок, которые, без всякого сомнения, просто продавали им свое тело... Кто же мог поверить в то, что их отношения были серьезными, могли иметь какое-то будущее... Неужели, эти девицы были настолько наивными, что верили в то, что смогут когда-нибудь выйти замуж за этих ребят, которые были намного моложе их... А иных отношений, кроме самых серьезных,

Рэм в ту пору просто не признавал...

И вот ему самому предлагали познакомиться с девушкой...

Пугала сама новизна предстоящих отношений. Учеба в суворовском училище не предполагала близкого общения с противоположным полом. Да и не хотелось ему заводить ни к чему не обязывающих интрижек. К тому же, парень боялся показать свою неискушенность в отношениях с девушками и стеснялся этого. Но начинать когда-то надо. Все приходится делать, как бы и ни хотелось этого, когда-нибудь и в первый раз.

На правах общего знакомого Марат весьма учтиво представил девушкам брата, усердно скрывающего свое застенчивое смущение.

– Это мой брат Рэм. Будущая надежда нашей армии, а пока курсант военного училища.

– Зоя, – весело улыбаясь, кивнула девушка высокого роста, стройная, эффектная блондинка.

– Дина, – негромко проговорила ее спутница.

Ее поразительной красоты и бездонной колюче-холодной глубины то ли серо-зеленоватые, то ли с примесью голубизны, может, и со всеми этими оттенками глаза почти с полным безразличием скользнули по фигуре курсанта, лишь слегка приподнялись ее гордые плечики, слегка поджались в почти нескрываемом высокомерии дивные губки...

– Рэм, – чувствуя, как по спине пробежал холодок, выдал он из себя.

– Ну, вот и познакомились, – прихлопнул ладошами Марат. – Какие будут предложения? Может быть, дискотека в «Строителе»?

Возражений не последовало, и молодежь направилась в сторону Дома культуры. Уроки танцев, полученные в училище, даром не прошли, и тут Рэм почувствовал себя уверенней. Правда, ведя свою красивую партнершу в медленном танце, Рэм так и не решался прижать ее к себе, держался несколько скованно в отличие от брата, который без всякого стеснения всюю обнимал и притягивал к себе Зою, что-то нашептывая ей на ухо. Глянув в их сторону, Дина презрительно фыркнула:

– Быстро, однако же, спелись голубки. Вообще-то, на Зойку это похоже. Да и Марат, видно, парень не промах.

– Да, вроде бы, раньше за ним этого не замечалось, – осмотнительно заметил Рэм.

– Значит, Зойкина работа – чувствуется ее влияние. Давай, не будем обращать на них внимания. Пускай себе резвятся на здоровье...

Притопнув ножкой, послала ему вызов, постаравшись показать ему все свое умение, имея, видимо, намерение ему что-то доказать. Но и он от нее не отставал, заставляя ее смотреть в его в сторону совсем уже другими глазами...

После танцев ставшая вдруг задумчивой Дина не изъяви-

ла желания сразу возвращаться в успевшую порядком поднаесть ей выделенную им комнату. И ходить по городу вместе она тоже не захотела. Пары разошлись.

– Встретимся в час у дома, – успел шепнуть Марат и увлек за собой свою девушку.

– Ну, показывай прелести ночного города, – попросила Дина. – На что тут у них можно посмотреть?

– Можно сходить в парк отдыха, – неуверенно предложил парень. – Если, конечно, он еще работает.

– Вот и посмотрим, – девушка, неопределенно поведя плечиком, согласно кивнула. – Что же мы тут стоим? Веди нас вперед, кавалер...

Не торопясь, они медленно шли по затихающему городу. Начиная темнеть. Заработало уличное освещение, сразу придав окружающим улицам совсем другой облик. Когда подошли к площади, в центре которой возвышался гипсовый Ильич и показывал направление, куда идти народу дальше, Рэм пояснил:

– Перед нами находится главная достопримечательность славного города нефтяников Октябрьский – его центральная часть. Справа от нас – здание горкома. От него, как это и положено, начинается главная улица любого советского города – проспект Ленина. Эту часть застроек, говорят, а может быть, и нагло врут, проектировали и строили после войны пленные немцы. Возможно, поэтому с высоты птичьего полета она своими очертаниями напоминает собой что-то вро-

де креста, являвшегося символом у фашистов или, правильнее будет сказать, у нацистов, потому что это, вообще-то, не совсем одно и то же. Как на всемирно известном Бродвее, здесь расположены все центральные магазины и другие объекты совершенно разного, культурного и бытового назначения. Справа от нас – лучший кинотеатр всех ближайших окрестностей под символическим названием «Фонтан».

– Недурной экскурсовод из тебя бы вышел, – усмехнулась девушка. – Язык у тебя, как я посмотрю, совсем даже неплохо подвешен. А что собой представляет зрительный зал этого самого заведения? Он у них, как это назвать, вполне современный? Или же, как обычно, передние зрители своими головами и торчащими в стороны ушами мешают смотреть всем сидящим за ними?

– Да нет, зал ничего, удобный. Тебе должно понравиться. Сказал и осекся под ее ироническим взглядом.

– Ты уже разбираешься в моих вкусах? – Дина с интересом посмотрела на него. – Или это сказано с целью завлечения девушки под покров темноты? А там, как у вас водится, пустить в ход руки...

Может, она этого и не хотела, но по привычке бросила последние слова с едкой издевкой, словно хлестнула ими наотмашь.

– Нет, – парень смутился. – Я, вообще-то, ни на чем не настаиваю, – пожав плечами, он собрался, было, уже идти дальше.

Попробуй, разбери этих девчонок. Никогда не поймешь, что у них на уме. Да, конечно, с его дефицитом общения с приличными девушками трудно найти общий язык. Но тут уж вина только его, вся беда в его излишней стеснительности.

Грациозно повернув в сторону свою изящную головку, девушка снизошла своим взглядом до мерцающей в полутемноте афиши.

– Постой, – одними кончиками длинных пальчиков она придержала своего спутника. – И что там сейчас идет?

– В Большом зале – «Игра в четыре руки». В главной роли Жан-Поль Бельмондо. Новинка сезона.

– Может быть, сходим завтра? – медленно, с расстановкой, словно нехотя, произнесла Дина.

Это было похоже на прогресс, заманчивое предложение уже исходило от нее, а не от него.

– Например, – прелестница взмахнула ручкой, – в восемь вечера?

– Нет проблем, – сверкнули юношеские глаза. – Надо будет только билеты заранее взять.

Чуть прищурившись, девушка кивнула. Не спеша, они пошли дальше. У поворота в парк отдыха остановились. Умолкший на какое-то время гид снова продолжил свой незатейливый рассказ:

– Перед нами предстала величественная картина «Колеса обозрения» или «Чертова колеса», как его еще в народе на-

зывают. Жаль, но уже не работает...

А то бы он непременно пригласил бы свою даму прокатиться. На какое-то время остаться с нею наедине, замереть на высоте птичьего полета, ощущая весь город где-то внизу, под собой. И тогда...

– На «нет» и суда нет, – словно холодный душем, его разом опустили на грешную землю. – Чего застыл, кавалер?

– Прости, – он почувствовал, как запылали уши. – Идем дальше...

Небольшая импровизированная экскурсия подошла к своему логическому завершению у входной двери детского садика.

– Рэм, – она легонько дотронулась до его руки. – Большое тебе спасибо за прогулку. Очень приятно было провести с тобой время. До свидания, – что-то невысказанное ненадолго замерцало в ее глазах, но так и замерло, подавленное железной хозяйской волей.

Ей и самой показалось, что она почему-то много внимания и даже капельку душевной теплоты отдала этому юноше, конечно, нет слов, по-своему очень милому, но явно не из ее круга общения.

– До завтра, Дина, – Рэм повернулся и хотел уже уйти, но вдруг вспомнил. – Когда за вами зайти?

– Подходите к четверем. Завтра короткий день, и мы освободимся немного пораньше.

Девушка легко прошла к небольшому крыльцу, взбежа-

ла по ступенькам. Приоткрылась дверь, на мгновение стало светлее, и снова сгустилась темнота, еще гуще, чем прежде. Холодная и недоступная девушка исчезла где-то внутри двухэтажного здания, а вместе с Диной упорхнуло невыразимое очарование, которое окружало ее.

Всю ночь перед закрытыми глазами возбужденного парнишки одно за другим проплывали события минувшего дня. И все почему-то крутилось вокруг одного. Дина – невысокая хрупкая девушка со светлыми волосами и узкой талией. Держится не просто скромно, но с потрясным достоинством. Недоступная и обжигающе холодная, как лед. Или это только маска? Немногословная. Сразу видно, что не такая пустая болтушка, как ее подружка. Умеет «поставить» себя, одним взглядом она может уничтожить любого, кто попытается позволить себе по отношению к ней лишнее. И что-то было такое временами в ее проникающем в душу испытывающем взгляде.

«Ну вот, за весь вечер так и не решился ее поцеловать. А так хотелось это сделать. И не знаешь, как она к этому отнесется», – подумал он, уже засыпая.

С утра время тянулось невыносимо долго. Наконец-то, часовая стрелка лениво качнулась к цифре «4». Девушки ждали их. Это было заметно по неким заинтересованным взглядам, кидаемым на радостно возбужденных парней.

Время в запасе еще было, и кто-то предложил для нача-

ла сыграть в карты. Расселись парами. Вполне естественно, что Рэм сел напротив Дины, которая поначалу с опаской поглядывала на своего партнера, явно беспокоясь за его умственные способности, видно, особого желания проигрывать она не испытывала. Но через кон Дина немного успокоилась, и в ее глазках засверкали торжествующие искорки. Им явно везло, или, может быть, они просто играли чуть лучше своих соперников, которые постоянно проигрывали. Наконец, Зойке это надоело.

– Хватит, – кидая карты на стол, сказала она. – Наверное, сегодня не наш день. Лучше ты нам, Дина, сыграй что-нибудь.

– Сыграть?

Не заставив себя долго упрашивать, девушка, к немалому удивлению братьев, подошла к пианино. Откинула крышку, села поудобнее, взмахнула руками, и полилась негромкая музыка, заполняя пространство своими чарующими звуками.

– Похоже на Шопена, – высказал свое предположение Рэм. Ему всей душой хотелось, что это было именно так.

– Похоже. А ты угадал. Она любит исполнять произведения Шопена, – шепотом подтвердила Зоя.

Доиграв мелодию, Дина прикрыла глаза и откинула голову назад, видимо, не спеша расставаться с переполнившим ее очарованием от волшебных звуков.

Неожиданно для самого себя Рэм негромко продеклами-

ровал:

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.
Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды...

– Это ты сам придумал? – удивленно спросил Марат и толкнул его в бок.

– Нет, – смущаясь и краснея, ответил Рэм. – Это Борис Пастернак.

Сидящая у пианино девушка, несмотря на всю кажущуюся ее далекую отрешенность, все слышала и кинула на парня долгий и оценивающий взгляд. Признаться, такого она не ожидала. И это было вдвойне приятно, и даже льстило ее самолюбию. И все это заставило ее взглянуть на кое-что немного под другим углом...

Густо краснея, Рэм элегантным движением правой руки придержал узкую девичью кисть, помог своей даме занять указанное в билетах место и лишь потом опустил в кресло. Фильм всем понравился. Веселая, эксцентричная французская комедия, конечно же, выгодно выделялась на фоне од-

нообразных отечественных лент, снятых в духе соцреализма о вечной борьбе за построение светлого будущего. Зал дружно и заразительно хохотал, не отставали и братья со своими милыми спутницами. Рэм поймал себя на мысли, что он готов сидеть тут бесконечно долго, незримо ощущая присутствие рядом с собой холодной до колючести Снежной Королевы, но от этого не менее милой и притягательной.

Сеанс оздоровительного смеха закончился, и народ дружно повалил на выход. Шумная толпа разделила пары, помимо их воли отнесла в разные стороны, оставив им только возможность весело помахать друг другу руками.

– погоди, не спеши, подсмотрим, куда они пойдут, – вдруг заговорщицки подмигивая, предложила Дина, потянув Рэма за собой.

На какое-то мгновение лицо ее, словно забывшись, скинуло с себя маску ледяной недотроги, ожило, в глазах ярко вспыхнули задорные огоньки.

– Попробую угадать с трех раз...

Гадать, и вправду, долго не пришлось – наблюдение, организованное по всем правилам шпионских романов привело их к тому самому месту, откуда они все вместе вышли часа три тому назад.

– Так, с ними все ясно, – протянула девушка. – Вчера, наверное, было то же самое. Молодец, Зойка, – нигде не теряется, – в ее голосе было слышно едва заметное осуждение. – Теперь хороший отзыв за практику ей точно будет обеспе-

чен.

Некоторое время они шли молча. Каждый думал о своем.

– А ты неплохо танцуешь, – вдруг, словно вспомнив, произнесла Дина, и было в ее взгляде что-то похожее на задумчивость, перемешанную с острым желанием что-то для себя понять. – Не похож ты на местных парней. Какой-то ты другой, – она с уже плохо скрываемым интересом посмотрела на него. – Не лезешь, как это обычно делают другие ребята, сразу обжиматься. Не успеют познакомиться, как тут же лезут под кофточку. В этом, наверное, у них и заключается весь смысл общения с девушками. Знаешь, Рэм, – ее лучистый и доверительный взгляд проникал ему прямо в самую душу. – Я хотела бы завтра отдохнуть от всей этой городской суеты где-нибудь на природе. Говорят, что где-то рядом растет лесной орешник. Ты, случайно, не в курсе?

– Мне кажется, я знаю, где это место находится, – немного подумав, ответил Рэм.

Ему и в голову не приходило предложить подобного рода прогулку, если бы даже и пришло, наверное, он сам никогда не осмелился бы высказать его вслух. А у Дины все выходило как-то само собой, естественно, легко и просто.

– Вот и прекрасно, – видно было, как она обрадовалась, как благодарно расширились ее глаза. – Завтра, если нам встретиться в десять утра, тебя это устроит?

– Конечно, как скажешь, – казалось, что он будет согласен со всем, чтобы она ни предложила.

Да, хоть на край света, лишь бы подальше идти и подольше быть с ней...

Найти укромное место с густыми зарослями кустов, на которых еще кое-где висели притаившиеся от прошедших здесь ранее сборщиков зеленоватые орешки, оказалось совсем не трудно.

– Располагайтесь, девушка...

– Давно не была за городом, – Дина с удовольствием в полный рост растянулась на свежей травке и с нескрываемым блаженством вытянула руки. – А ведь, я деревенская – родилась в глухой оренбургской степи.

Кто-то не удержался и от досады на себя хмыкнул. А он-то думал про нее, что она вся городская и насквозь рафинированная барышня...

– По тебе этого так сразу и не скажешь, – парень посмотрел на свою спутницу с некоторой долей удивления в глазах. – Трудно представить себе, что человек, так искусно владеющий игрой на пианино, мог вырасти где-то в степи, где и в помине не может быть музыкальной школы.

– А меня бабушка игре научила, – она, кажется, получила несказанное удовольствие, продолжая удивлять его. – Это она занималась со мной...

– Кем же в таком случае была в молодости твоя бабушка?

– Бабушка? – на ее лице появилось выражение теплой признательности. – Бабушка у меня родом из Западной

Украины. До тридцать девятого года она жила на территории, входящей в состав тогдашней Польши. Если тебе про это интересно, – Дина, уходя в себя, прикрыла глаза...

...Девушку звали Алена Дворжецкая. Родилась она в Львове и жила там до самого начала войны, пока немцы не напали на Советы. Когда началась эвакуация, ее отца как крупного специалиста отправили вместе со всей семьей вглубь страны вслед за демонтированным оборудованием, чтобы уже за Уралом наладить новое производство. По дороге их несколько раз бомбили. В конце концов, девушка осталась одна на этом белом свете и дальше ехала, как во сне, совершенно не понимая происходящего вокруг нее, отгородившись от окружающего ее, чуждого и враждебного ей, мира своими внутренними, только ей одной понятными переживаниями...

Не сразу Алена заметила, что сидит она не в вагоне поезда, а в мерно покачивающейся на неровностях полевой дороге убогого вида повозке.

– Ты кто? – очнувшись, забеспокоилась она. – Куди это ми йдімо?

– Ахметка я, домой ехать будем, моя близко тут живет, – пробормотал возчик, не поворачиваясь к ней, и шустро задвигал вожжами, побуждая лошадь ускорить свой неторопливый шаг.

Оглянувшись вокруг, Алена увидела одну раскинувшуюся-

ся во все стороны степь. В сущности, какая ей теперь разница, куда ехать? Не все ли равно? Может быть, в ее теперешнем незавидном положении так и надо? Просто это она, наверное, что-то пропустила мимо своего внимания, пока эшелон стоял на станции, и их распределяли по местам будущего проживания. После всего того произошедшего с ней это казалось такой несущественной мелочью.

– Твой кушать надо, – Ахметка сунул ей в руки сверток с едой.

Что ж, она не стала церемониться и развернула кулек. Краюха черного хлеба и кусок овечьего сыра. Невесть что такого. Но голодная девушка и этому была рада. Кусочек того, ломтик этого, оказывается, что очень даже вкусно, особенно, если учесть, что у нее уже второй день во рту и маковой росинки не было. Наевшись, она незаметно для себя задремала. Когда проснулась, уже темнело. Повозка была распряжена, стреноженная лошадь паслась неподалеку. Видно было, что тут они расположились на ночлег. Возчик Ахметка крутился возле костерка, высоко вверх отбрасывающего языки рыжеватого пламени и вспыхивающие снопы искр, что-то бормоча на непонятном ей языке. Она подошла к нему поближе.

– Карашо, – увидев ее рядом с собой, парнишка еще больше засуетился. – Час чай будем кушать.

Ей даже стало немного смешно от того, как он интересно говорил. Ладно, она украинка, и, когда волнуется, путает слова, произнося их то на один, то на другой лад. Но этот

парень, вообще, коверкает все подряд.

– Кушай-кушай, – он подал ей кружку с обжигающей жидкостью.

С непередаваемым удовольствием она пила сладкий чай – сахара давно уже не было в ее рационе.

– Моя один живет, хозяйство большой, – зачем-то стал объясняться ей Ахметка. – Много овечка бар, корова бар. Ахметка один трудно. Ахметка хозяйка надо. Твой на станция одна ходил. Моя видеть, думать так: зачем твой один, зачем моя один? Моя твой мал-мала воровать, жена делать.

– Что-что? Ты чего там лопочешь? – от неожиданности Алена чуть не подавилась. – Кільки років тобі, хлопі?

Теперь пришло время удивляться ему. Он не думал, что люди могут разговаривать еще на каком-то другом языке, кроме его родного, ну еще и русского. Парень непонимающе вытаращился на нее.

– Моя твой не понимать...

– Сколько тебе лет, женишок? – перешла она с рідної на москалику мову. – Це ты уразумел?

– Ахметка большой. Зима семнадцать лет справлять.

Впрочем, юная девушка так и не поняла того: пацану уже исполнилось семнадцать лет или только еще исполнится будущей зимой. Да и что это, собственно, в ее незавидном положении меняло...

– Твой ничего красивый, детка наша тоже красивый родиться, – рассуждал Ахметка, словно о чем-то само собой

разумеющемся и давно уже решенном, устраивая из нарван-
ной травы и настеленной сверху мешковины что-то похожее
на матрац. – Наша обычая простая – невеста можно воро-
вать. Свой девка наша мало. Моя два брата война воевать.
Ахметка одна. Тяжело, аур. Бабай моя говорит: станция Аб-
дулино ходи, невеста бери. Моя бабай хорошо слушай, стан-
ция ходи, невеста бери...

– А меня ты спросил? – возмутилась Алена столь неви-
данной дикости.

– Твоя? Наша твоя невеста не спрашивай, – парнишка
был невозмутим, всецело уверенный в своей исторической
правоте. – Коран писал, что твой моя послушный... – тут
Ахметка перешел на свой язык.

Дальше она уже ничего не поняла. И только сейчас до нее
стал доходить смысл происходящего. Оказывается, что ее
просто-напросто украли, чтобы потом на ней женится. И кто
украд? Вот этот пацан-несмышлениш? Хотя, какой же он
несмышлениш, если как-то умудрился ее умыкнуть? Внима-
тельно наблюдая за ним, она заметила, что парнишка хоть
и мал, но сноровистый и довольно сильный. Такой прице-
пится, ни за что не отвяжешься. Кругом голая степь. Кричи,
ни кричи – все без толку. И кто его знает? Возьмет и приду-
шит ее истинный сын своего дикого народа. И что ей делать,
как поступить? Она лихорадочно искала, но найти ответы
на свои вопросы никак не могла. Жуткие леденящие мысли
заполнили ее голову, лишая всех сил для сопротивления.

– Моя обычая такой...

И вправду, Ахметка-то поступал именно так, как велели ему их вековые обычаи. Парню и в голову не могло прийти спросить у девушки, согласна ли она стать его женой. Мнением женщины кочевники никогда не интересовались, особенно, в таких случаях. Откуда было ему знать, ни разу не пересекшему порога школы, что могут существовать другие религии, иные взгляды на вопросы семьи и брака. Ему надо было жениться, вот он и нашел себе невесту. Теперь она должна стать его женой. А что для этого надо сделать Ахметка хорошо знал. Выросший среди пасущихся табунов он сотни раз это видел. Да и бабай ему подробно все объяснил...

– Ходи моя, – с этими словами он потянул девушку к себе, и она попала в крепкие объятия.

– Пусти меня, черт нерусский, – Аленка сделала попытку вырваться, но безуспешно.

Парнишка был напорист и силен не по годам. Хрупкая девушка к своему ужасу почувствовала, что сопротивляться нет смысла, сил у нее для этого явно недостаточно. И она сдалась, благоразумно решив, что пока это лучший, а может быть, и единственный выход в сложившейся ситуации. По крайней мере, пока на ее жизнь никто не покушается. Она закрыла глаза и безвольно обмякла, покорившись злодейке-судьбе.

И Ахметка, черт нерусский, это тоже сразу понял. Он хорошо знал, что и кобылы поначалу брыкаются, а потом стоят

смирно, подчинившись своей неизбежной участи. Дитя дикой природы, он подчинялся ее законам и ею же заложенным инстинктам.

Малай довольно заурчал и опустил свою добычу на мягкий настил. Еще несколько мгновений пугающего ожидания, и девушка почувствовала на своем теле прикосновения чужих сильных и жестких рук, неумело, но настойчиво освобождающих ее от одежды.

– Карош девка попал, карош, – возбужденно пробормотал парнишка.

Ожидания не обманули его. Бабай был прав. Кончиком языка Ахметка дотронулся до выступающего комочка нежной плоти. Алена невольно вздрогнула. Как щенок, он, выражая все свое восхищение, лизнул ее щеку и продолжил изучение бесстыжими глазами и не встречающими сопротивления руками никогда невиданных им ранее прелестей женского тела.

Алена лежала молча, не принимая в этом никакого участия. Но вскоре с немалым для себя удивлением вдруг заметила, что чувство страха, ею доселе одолевавшее, отошло, как-то незаметно для нее уступив свое место незнакомому ей ощущению внутреннего томления. Чужие пальцы неожиданно ласково и нежно теребили внутреннюю сторону ее бедер, заставляя девушку машинально подтягивать колени к себе, невольно открывая низ живота и светлую полоску волос с небольшой розовой складкой посередине.

Резкая боль заставила девушку очнуться и вырвала из ее груди глубокий стон. Она с силой сжала зубы, стоически приготовилась терпеть эту адскую муку. Но Ахметка, сделав еще несколько судорожных движений, вдруг дернулся и замер. Подняв к ней растрепанную голову и увидев на ее глазах слезы, быстро вскочил.

– Жылама, не плакай, – пожалел он ее.

Заметив кровь на девичьих бессильно раскинутых ногах, малай понял, что своими неумелыми и поспешными действиями причинил ей боль.

– Ай-ай-ай, – запричитал он, – Ахметка плохая, бабай не слушай.

Продолжая бормотать, парень кинулся к повозке и вернулся, неся в руках бутылочку с каким-то маслом.

– Конополя, – пояснил он. – Карашо помогать. Бабай моя говорить, надо мазать. Моя глупый башка забывать, – оправдывался он с виноватым видом. – Ай-ай-ай, глупый башка!

Опустившись на колени, он бережно нанес масло на саднящую рану. Куском платка осторожно вытер следы крови. Снова сбегал, и что-то принес из повозки.

– Кумыс. Надо пить – помогать.

«А он, оказывается, заботливый», – невольно подумала Алена, беря в руки бутылку. Глотнула совсем немного. Не поняла, что было в ней. Сделала еще глоток. Еще один. Какое-то кислое молоко, но пить приятно. Внутри стало тепло. В голове зашумело. Боль постепенно стихла и куда-то

отошла. Почему-то стало весело. Она толкнула сидящего рядом парнишку.

– Чего притих, жених? – язык отчего-то плохо слушался ее. – Справился, говоришь, со слабой девушкой, черт нерусский?!

Парень испуганно обернулся, но, увидев улыбку на ее лице, успокоился и снова потянулся к ней.

Хмельное молоко быстро ударило ей в голову. Доза, опрометчиво ею принятая, была явно великоватой. Перед глазами все поплыло. Она что-то говорила, совершенно не слушая, что ей отвечают. Боли больше не было: ни физической, ни душевной. Были его вездесущие руки, были его неумелые, но такие ласковые губы. Вдруг разом нахлынувшее чувство понесло ее, все нарастая и нарастая, пока не достигло пика, заставив ее обо всем позабыть на этом свете. Спала ли она в эту ночь, трудно сказать. Ахметка вскочил с восходом солнца. Бережно перенес ее на повозку.

– Твоя спать, моя ехать...

Вот так Алена и вышла замуж, и в одночасье стала главной в большом хозяйстве. Бабай, дедушка Ахметки, соблюдая обычай, прочитал им свадебный никах. В сельсовете их зарегистрировали и выдали ей документы на новую фамилию. Так она стала Хасановой Аленой Бориславовной. Местный мулла дал ей новое второе имя – Амина. Она молча пожала плечами: «Амина, так Амина». Новое имя даже как-то лучше подходило для ее теперешней жизни. Той прежней

Алены больше не стало, ее место заняла Амина...

Муж души в ней не чаял, всячески оберегал ее, оставляя самую трудную и грязную работу для себя. Очень пригодились Амине ее навыки в верховой езде, приобретенные еще девчонкой в конюшне графа Чарторыжского, их близкого соседа и друга отца. Прошло еще немного времени, и она с изящной легкостью управлялась с огромной отарой, постепенно овладевая и другими премудростями ведения большого хозяйства.

Долгими зимними вечерами Амина учила грамоте своего мужа. С ее помощью он довольно быстро научился читать, писать, правильно изъясняться на вполне приличном русском языке. Жена только радовалась несомненным успехам своего ненаглядного Ахмета. Летом сорок второго у них родился сын, которого по ее настоянию назвали Борисом. А через месяц мужа забрали на фронт. Она осталась на всем хозяйстве одна, если не считать старенького бабая и грудного ребенка. Но Амина справилась. Сколько надо, столько и сдавала государству по плану шерсть, овечьи шкуры и мясо. Излишки умудрялась на что-нибудь менять. Самой удачной своей сделкой она считала приобретение пианино. Инструмент был старый, еще дореволюционный, но вполне исправный. И вот по вечерам по дикой и пустынной степи полились доселе еще не слышанные чарующие и завораживающие звуки...

Братья Ахмета с той войны так и не вернулись. Сам он, весь израненный, приехал осенью сорок четвертого. Крепко, видно, досталось ему, попавшему в кровавое месиво невиданного ни до, ни после того танкового сражения под Прохоровкой во время битвы на Курской дуге. Больше года провалялся он по разным госпиталям. Последним местом лечения оказался Новосибирск. Амина сама ездила на станцию, чтобы встретить его. Долго плакала бедная женщина, тайком утирая свои горькие слезы. Мечтала она, что после окончания войны сможет уговорить мужа, переехать куда-нибудь в город, где есть хоть какая-то цивилизация, чтобы можно было сходить в театр или в кино, на худой конец, отдать ребенка в нормальную школу, а не ту, что за десять километров и с одной учительницей на все восемь классов.

Но больному Ахмету свежий воздух был куда нужнее. Свежий степной воздух, хорошее сытное питание и лечебный кумыс находились именно здесь. Амина слишком любила своего мужа. Так и остались они жить в своей степи. Женщина поняла, что это ее судьба такая, да и какой-то другой рядом с Ахметкой ей и не нужно было.

Потом страна решила освоить целинные земли, и их благодатную степь распахали. Создали совхоз. С приездом большого количества новых людей жизнь в их до того пустынных краях закипела. Борис женился на молоденькой девушке, приехавшей к ним, как и многие другие по комсомоль-

скому призыву. Видный собой, хороший гармонист, душа всех вечерних посиделок влюбился по уши в симпатичную марию и, несмотря на все возражения отца, мол, зачем им невестка чужого роду-племени, сделал ей предложение, привел с собой в дом. Амина только укоряющим пальчиком показала Ахмету на себя и выразительно покачала головой, и тот молча со всем согласился.

Богатые урожаи первых лет довольно быстро остались в прошлом. Почва истощилась и совсем перестала родить, началось ее выветривание, пошла коррозия, превратившая цветущий край в пустыню. Природа жестоко отомстила людям за их неразумные поступки. Пришлый народ стал разбегаться. Степь снова опустела, но это была уже совсем другая степь, теперь на ней хозяйничали зыбучие пески. Там, где раньше росла трава, всюду разгуливал суховец...

Невеселая история, которых по всей стране их сплошь и рядом...

– ...бабушка Амина с малых лет учила меня игре на пианино и не только этому. Немецкий язык она знала почти в совершенстве, хорошо французский, чуть хуже английский, – выговорившись, девушка замолчала.

Ей почему-то вдруг стало спокойно и хорошо на душе. Голова ее удобно примостилась на его коленях. Она посмотрела на плывущие в небе облака.

– Рэм, расскажи, что-нибудь из своей жизни, – вдруг попросила она.

Под ее взглядом он смутился и не знал, с чего начать. Может быть, вот с этого...

— Знаешь, Дина, мне иногда кажется, что наша жизнь похожа на один большой и нескончаемый анекдот. Не зря же говорят, что все наши анекдоты взяты из реальной жизни. Вот послушай. У меня в отделении учились два суворовца: Петров и Сидоров. А во втором взводе числился Иванов. Дело было в воскресенье. Какая-то часть воспитанников в это время уже находилась в городском увольнении. Недавно пришедший к нам в роту новый командир четвертого взвода капитан Лаптев, возможно, потомок тех братьев, которые открыли для всех нас одно из северных морей, решил проверить наличие личного состава и заодно уж по возможности познакомиться с ним. Построил он нас и стал обходить шеренгу. И случайно получилось, что, так как многие отсутствовали, эти трое оказались рядом. Подходит начальник к первому. Тот браво представляется ему, как положено: «Суворовец Петров». «Хорошо», — удовлетворенно отвечает капитан и делает шаг вправо. «Суворовец Сидоров», — говорит второй. «Понятно», — брови у Лаптева нахмурились. «Суворовец Иванов», — слышит он от третьего и взрывается: «Да, что вы из меня дурака делаете! Петров, Сидоров, Иванов!». И, естественно, заставляет их достать и предъявить ему свои документы. А оно так и есть на самом деле...

Один за другим Рэм рассказывал смешные случаи из своей короткой военной жизни, и Дине на какое-то время пока-

залось, что она сама оказалась в гуще описываемых событий. Потом девушка подумала, что совсем неплохо было бы иметь такого друга, как этот парнишка, милого, немного наивно-го, но далеко не глупого. Сколько же можно держать себя в жесткой узде? Может быть, стоит позволить себе на короткое время хоть чуточку расслабиться, унять хоть на несколько мгновений свою саднящую боль от одиночества? На дворе жаркое лето, а у нее на душе стужа. Дина не заметила, как ее губы прошептали:

Мело, мело по всей земле
Во все ее пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Прищуriv глаз, она пристально наблюдала за парнем. Если он тогда вовсе не случайно заговорил стихами Пастернака, то его «Зимнюю ночь» должен, наверное, знать. Ждала, и все же вздрогнула, когда услышала его негромкий голос, мягкий и проникновенный:

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

В девичьей груди защемило, Дина моргнула, отвернулась,

устремленные вдаль глаза ее остановились на одинокой сосне, возвышающейся над всеми остальными деревьями, заставили вспомнить о своем наболевшем...

Вопрос Рэма вернул ее к действительности.

– Дина, ты меня извини, но зачем ты пошла в педучилище?

– Зачем? – она какое-то время приходила в себя. – А у нас за сотню верст ничего ближе и нет, – усмехнулась девушка и пожала плечами. – А оставаться дома я не захотела. Насмотрелась я за свое детство на ту жизнь. Взрослые с утра до вечера вкалывают, света ближнего не видят, а результата никакого. Кругом убогость и нищета. Когда снег еще не выпал, у нас два состояния: или грязь по колено, а как чуть подсохнет, то пыль столбом стоит. Честное слово, Рэм, не по душе мне вовсе такая жизнь. А училище – это возможность оттуда вырваться. Какая никакая, а все же специальность. Хотя, положи руку на сердце, не лежит у меня к ней душа. За эти дни малышня мне до чертиков надоела. Знаешь...

Надо отдать должное, Рэм с большим интересом слушал ее откровения. Не часто такое можно услышать из уст красивой девушки. Как там сказано у Булгакова про Маргариту? Она была не только чертовски красива, но и умна? И он решил кое-что уточнить:

– А дальше что?

Будущая воспитательница вздохнула:

– Остался последний курс. Еще одна практика в школе,

и вперед, работать учительницей младших классов. Но я хочу попросить для себя свободное распределение.

– Это как?

Девичьи плечики неопределенно пожались:

– А без направления на определенное место. Просто сама ищешь себе то место, где будешь работать.

– Так бывает?

– Бывает иногда. Уеду я отсюда подальше, – глаза ее затуманились. – Например, на Украину. Бабушка говорила, что там люди должны жить лучше, чем у нас. Слушай-ка, Рэм, кстати, – Дина немного оживилась, – а ты ведь тоже туда едешь. Не знаешь, случайно, как там?

Пришло время парню пожимать плечами под ее пристальным взглядом:

– Не знаю. Сам того не видел, но по рассказам тех, кто там уже учится из наших выпускников, жизнь там у людей намного лучше, чем у наших.

– А может, – Дина явно заинтересовалась и привстала. – Может быть, ты мне напишешь, как только приедешь туда?

– Написать? – вырвалось из его груди. – Тебе?!

Мгновенно перехватило дыхание, парню стало немного не по себе от пришедшей в голову идеи.

– Ну да...

– А что? Я посмотрю там, что к чему, напишу тебе. Ты подумаешь и, если тебе понравится, то, может быть, и приедешь. Все же вместе будет как-то веселее. Ты и я...

– Хорошо бы так, – задумчиво произнесла она, потом тряхнула головой, отгоняя мигом набежавшие мысли. – Ладно, хватит пока об этом. Знаешь, – девушка пристально посмотрела на парня. – Знаешь, что мне хочется сейчас больше всего? Спорим, ни за что не угадаешь!

Ее разгоревшиеся глаза смотрели озорно и вызывающе. Это была уже не Снежная Королева, состоящая из одного жгучего люда.

– Вот и не угадаешь!

– Да, куда уж нам, – Рэм согласно кивнул. – Я тебя знаю еще не настолько хорошо, чтобы на расстоянии улавливать твои мысли.

– А хочется мне... – тут Дина нерешительно помялась. – Извини меня за такую откровенность, ужась, как хочется искупаться в горячей воде. Вторую неделю невозможно нормально помыться. У них, видишь ли, профилактика. А людям, что делать? Вот мы приезжие, нам что, в общественную баню, что ли, идти? Так я ее терпеть не могу, – она мило поморщилась.

Внутри у парня все так и перевернулось. Вот она реальная возможность заработать дополнительные очки в ее глазах. Конечно, надо помочь ей в этом деле. Это же так просто...

– У Марата в квартире есть газовая колонка, – предложил он то, что первым пришло в его голову.

– Нет, туда я не хочу идти, – она с ходу отвергла такую, казалось ему, хорошую идею. – Неудобно. Чтобы на меня там

все глазели...

Жалко, это был, вообще-то, по его мнению, самый простой и удобный вариант. Главное, что все рядом...

– У нас у деда есть баня, – снова, недолго думая, предложил Рэм.

– Баня? – ее глаза задорно засверкали. – А это будет удобно? – все-таки благоразумие брало свое. – Первый раз пришла в дом и сразу в баню.

Ну, если так перебирать, то им придется ехать в Сандуны...

– А мы, – Рэм для убедительности задействовал руки, – зайдем со двора, через черный ход. Там тебя точно никто не увидит. Мы с братом частенько пользуемся таким способом, когда не особо хотим, чтобы нас видели.

Заманчиво, но... Дина думала-думала, никак не решаясь, идти или нет, но охота пуще неволи.

– Действительно, а что я теряю? Меня никто там не знает. У вас я в первый раз, и больше меня тут никто и никогда не увидит. Это тебе придется думать, что будешь говорить в свое оправдание, если нас там все-таки застукают, – такой ход рассуждений понравился даже ей самой.

– Это уже не важно, – он решительно качнул головой. – Там на месте что-нибудь и придумаем.

Это будет нетрудно, возможно, оправдываться, что-то выдумывая на ходу, и не придется...

Девушке было забавно, когда они, как партизаны, пробирались тайными тропами и подошли, воспользовавшись укрытыми проходами, к тыльной стороне улицы, оказавшись у небольшой калитки, миновав которую, очутились прямо перед входной дверью деревенской бани.

– Ну, что я говорил? – Рэм и сам вздохнул с видимым облегчением. – Если нам самим отсюда ничего не заметно, значит, и нас, тем более, никто не видит. Ты заходи, – он отпер дверь. – А я пройдуся, посмотрю, есть ли дома кто или нет. Их часто в это время не бывает...

Подумав, не стал он пока говорить девушке, что хозяйева приходится ему двоюродными бабушкой и дедушкой. Отец матери, Миргасим Кашапов, погиб в сорок третьем году на Курской дуге. А бабушка Рэма, Хакима, скончалась от болезни во время войны. Оставшуюся сиротой Ратделю взяла к себе ее родная тетка Гаухарья. С Победой вернулся в дом Мухутдин Сайфутдинов. Зажили они все вместе большой семьей. Росла девочка среди братьев и сестер, что стали для нее родными. Старшие, Салия и Фаим, Фания и Мунира, во всем ей помогали. А с младшими, Назипом, Закарьей и Соймой, она нянчилась сама...

Дина сидела и ждала его с возрастающим сомнением в правильности того, что она сейчас делала. А он, как назло,

задерживался. Ей стало как-то совсем неуютно и страшно. Ах, зачем это она, спрашивается, пошла на поводу у своих самых затаенных желаний? Сейчас бы просто сидела с самым строгим видом где-нибудь в приличном месте. А тут баня...

— А вот и я, — нарисовалось его улыбающееся и довольное лицо.

— Ну, наконец-то, — отлегло у нее от души.

В руках у парня был небольшой сверток.

— Дома никого нет, старики ушли на званый обед, — пояснил он. — Значит, до вечера их точно не будет. У нас в запасе есть несколько часов. Я думаю, что ты успеешь. Ладно, ты давай это... — парень смущенно замялся. — Я тут тебя, на улице, покараулю.

С этими словами он вышел и пристроился рядом на печке, кем-то оставленном в двух шагах от порога, как будто бы именно для такого случая. Сердце его учащенно забилось. Давно ли прошли те самые времена, когда они мальчишками, подгоняемые озорством и еще чем-то, подглядывали в щели. «Вспомнил детство. Нет, это нехорошо. Что она может подумать обо мне?» — шальная мысль мелькнула и пропала. В таком тягостном ожидании прошло минут десять. Неожиданный скрип двери заставил его вздрогнуть.

— Эй, кавалер, — призывно донеслось изнутри. — Иди сюда, — искушал его нежный голосок. — Кто спинку даме портрет? Так гостеприимные хозяева со зваными гостями не поступают. Давай заходи...

«Вот черт, — ругнул себя Рэм за проявленную самим же инициативу, — как теперь выпутываться из этого дурацкого положения? Что теперь делать? Откажешься, поставишь себя в неловкое положение. Девчата потом засмеют, скажут испугался вояка. Придется идти».

Словно идя на невыносимо тяжкую каторгу, зашел он в предбанник, разделся и, тяжело вздохнув, нырнул вовнутрь. Девушка скромненько сидела в дальнем темном углу, спиной к нему, целомудренно прикрывшись матовыми локотками, протягивая в руке губку. Поначалу у Рэма была надежда на то, что она сидит в плавках. Но глаза убеждали его в обратном. На веревке висело выстиранное белье. Он успел подумать, что, может быть, все еще и обойдется, быстренько потрет спину и выскочит... Однако быстренько не получилось...

Когда он, упорно отводя свой никак не желающий этого делать взгляд в сторону, тщательно поработал мочалкой на девичьей спине и собрался уже, облегченно вздохнув, потихоньку улизнуть, она придержала его, вытянув руку, словно указывая ему, что он должен продолжить свои движения с губкой. Руки, потом шея, за ней ключицы. Еще никогда в жизни он не видел ничего прекраснее. Какая нежная у нее кожа! Так и хочется припасть к ней губами, просто нет никаких сил! Он зажмурил глаза, словно наказывая себя за все нескромные и запретные мысли и желания, а его ладонь, твердо водимая ее рукой, опускалась все ниже и ниже, заде-

вая что-то мягкое и упругое, и он, ничего не видя, все же смог представить себе это...

Вдруг она повернулась к нему лицом, чуть подтолкнула его и кивком показала на свои ноги. Он присел, опустив голову и остановив свой взгляд на ее точеных ступнях, чтобы невольно не увидеть все остальное. Дина пристально посмотрела на него и понимающе усмехнулась.

– Мне кажется, что я ненароком умудрилась поставить тебя в неловкое положение. Если да, то ты меня прости, – прожурчал возле его уха негромкий ручеек ее волнующего голоса. – Я думала...

Нахмурившись, он промолчал, продолжая усиленно работать мочалкой.

– Хватит, хватит же, – взмолилась она. – А то ты дырку протрешь, – остановила она его и встала, заставляя, выпрямиться и его. – Полей водичкой тепленькой, пожалуйста.

Прелестная русалка, богиня, восставшая из пены. Рэм схватил ковшик, и светлые струйки побежали по ее прекрасно сложенному телу. Она блаженно щурилась, грациозно подставляясь ему то одним боком, то другим. Проведя руками по захрустевшей коже, удовлетворенно заметила:

– Ну, кажется, отмылась, а то я думала, что уже никогда не справлюсь с этой грязью. Спасибо тебе, – она признательно посмотрела на него, и было в ее улыбке что-то большее, чем простая благодарность.

– Не за что, – буркнул он, чувствуя, что уже гибнет,

что неотвратимо летит в бездонную пропасть ее прекрасных глаз. – Мне было совсем не трудно.

– Трудно-трудно. Я же это чувствую. Ты заслужил, – с этими словами она приблизилась к нему и поцеловала его в губы. – А теперь ты.

Ярко вспыхнув, парень предпринял неуклюжую попытку и быстренько чмокнул ее в щеку.

– Господи! – Дина от изумления всплеснула руками. – Мальчик! Да ты еще совсем не целованный!

Никто и никогда уже не узнает, какой ворох чувств вызвало в ней это неожиданное открытие. Она же может, нет, она должна стать у него первой. Девушка осторожно взялась руками за его голову и мягко притянула к себе. Он вновь почувствовал непередаваемый вкус девичьих губ и прикосновение к нёбу ее остренького язычка. От новизны ощущений у него перехватило дыхание. Она приподнялась на скамейку, чтобы стать повыше.

– Не бойся, я не кусаюсь...

И неожиданно перед глазами совершенно растерянного юноши замаячили розовые окружая нежных девичьих грудей с острыми сосками, быстро затвердевшими от первых же прикосновений к ним его робкого, еще очень стеснительного языка. По тому, как она тут же учащенно задышала, он понял, что ей это, кажется, очень даже нравится.

– Еще, Рэмушка. Еще, хорошенький мой...

Надо сказать, что и ему это тоже понравилось. Сколь раз

он представлял это себе, и вот это с ним случилось. Нежная девичья плоть чутко реагировала на его прикосновения. Временами Дина вздрагивала и тихо постанывала от получаемого невыразимого словами удовольствия. Это приводило его в еще больший восторг. Сбылось, нет, сбывается все то, о чем так долго мечталось и грезилось. Но как же далеко готова она идти?..

– Иди же ко мне, ну же! – горячо, напроочь сжигая всю его юношескую стеснительность и нерешительность, шепнула искусительница. – Не волнуйся, все, все будет хорошо – я помогу тебе, – она действовала уверенно, но деликатно.

При таком опытном руководстве из него получился способный ученик. Казалось, что все у них уже наладилось, когда он неожиданно резко дернулся и замер, отводя от нее подальше свой сконфуженный взгляд. Все, это конец! Какой стыд! Теперь она просто с презрением отвернется и оттолкнет его. Кто, кто тянул его за язык?! Но Дина все чутко поняла и поспешила его успокоить.

– Рэмушка, милый, в первый раз так у многих бывает. Ты не переживай, – она осыпала его лицо нежными поцелуями, ласково поглаживая кончиками пальцев его спину. – Мальчик мой, мальчик, какой ты еще у меня...

Еще были сомнения, не смеются ли над ним? Но в ее ставшем грудным голосе не было и намека на насмешку – только участие и нежная-нежная ласка. Чувствуя, что она не придает случившемуся никакого значения, парень постепенно

пришел в себя. Она выждала и понудила его к продолжению действия.

– Вот так, не спеши. Ты у меня – просто молодец. Медленно-медленно, – девушка задавала ему нужный ритм, направляя его движения...

Немного отдышавшись после наступившей затяжной с бурным финалом развязки, Дина шепнула:

– Рэмушка, ты – чудо. Чуткий, нежный и сильный. С тобой хорошо, – она с благодарностью посмотрела на него. – Ах, Рэмушка-Рэмушка, – Дина протяжно вздохнула. – Эх, и любить же тебя будут девчонки – сладкий ты больно мальчишка...

Прикрыв глаза, она откинула голову назад и о чем-то задумалась. Он с выражением немого восторга на лице с упоением смотрел на нее. Дина опустила глаза и, заметив его взгляд, улыбнулась. Какой же он еще наивный и дикий. При желании из него можно слепить такого чудного друга, нет, даже больше, чем простого друга. Из него мог бы получиться мужчина на всю жизнь, такой, о каком приходится только мечтать...

Но голод не тетка, и об этом ей громко напомнил вконец слипшийся желудок. Что ж, видно, пора уже, пора перейти к прозе жизни...

– Если бы ты еще девушку накормил чем-нибудь, то цены бы тебе не было. Я чувствую, что сил моих совсем ни на что не осталось.

Весело улыбнувшись, парень потянул ее в соседнюю комнату.

– Если девушка просит, то... – Рэм жестом прирожденного фокусника выставил перед собой пакет. – Бутерброды с маслом и сыром, а это квас. Всегда к вашим услугам. Это я там, в доме, – пояснил он, – на скорую руку приготовил.

На сытый желудок в голове завертелись другие мысли, и шевельнулось раскаяние. Кажется, она сразу и не подумала о том, что все ее действия могли быть оценены в ином свете, чем это виделось ей самой. Мальчишка наивен и несведущ, знает ее не настолько, чтобы понять ее внутренний порыв...

– Рэм, ты только не подумай, – медленно начала Дина, справившись с угощением. – То, что сейчас произошло – это у меня вовсе не норма, а, скорее всего, исключение из строгих правил. Просто, наверное, сегодня так все совпало в моих звездах. Но ты не подумай, тебя это ни к чему не обязывает, – глаза ее от чего-то затуманились. – Ты славный парень и заслуживаешь этого, – она тягостно вздохнула. – Но я, знай, не прыгаю в постель с первым же повстречавшимся парнем, как, например, делает это Зойка. Хотя и она, – Дина насмешливо усмехнулась, – делает это всегда не просто так, а с далеко идущими планами...

С далеко идущими планами? Даже так? Как же это все интересно. Рэм за один только сегодняшний день узнал для себя столько нового. Конечно, это может показаться не совсем

прилично, но он решился спросить у нее:

– А что ты скажешь про случай с Маратом?

– Что это ты имеешь в виду? – кажется, она не поняла самой сути вопроса или же просто попыталась уйти от него в сторону.

Не получив прямого ответа, парень замялся, не решаясь продолжить, но ее лучащиеся доброжелательным светом глаза говорили ему, что он может спокойно говорить.

– Что она с ним не просто так, что там тоже у нее есть какая-та цель?

– Конечно, – Дина убежденно приподняла плечики. – Для нее это самый простой способ получить прекрасный отзыв за практику.

– Не может быть, – он был удивлен и разочарован. – А мне казалось, что она даже влюблена в него немного.

Тонкий пальчик задумчиво прошелся по изгибу ее верхней губы, пробежался по нижней...

– Как бы не так. Я считаю, впрочем, так оно и есть, ее близкой подругой и, надеюсь, хорошо знаю ее. Так бы она и близко не подошла к нему. Это не ее уровень. Вернее, твой брат не соответствует тому уровню молодых людей, с которыми она обычно общается. Просто так она ничего не делает. У нее есть мечта – окончить училище с красным дипломом. И ради этого она на все пойдет. Чтобы получить пятерку по математике, а в ней она разбирается с большим трудом, напросилась-таки на дополнительные занятия у нашего пре-

подавателя на дому. Результат не замедлил сказаться. Правда, по ее же словам, ей для этого пришлось пожертвовать своей девственностью, но зато она приобрела всеми уважаемого покровителя, – кажется, в голосе Дины зазвучала прерывательная нотка.

– Прости, а как же тогда ты? – не совсем скромный вопрос вырвался сам собой. – Ты же не...

– Ты хочешь узнать, почему в таком случае, я еще до сих пор не девочка? – вздрогнула она, как от хлесткого удара – сам, не зная того, он попал в ее болезненное место.

В один миг он почувствовал всю свою непростительную ошибку.

– Прости, я не хотел, но легко обсуждать других...

Медленно-медленно поднимала Дина на взволнованного парня свои глаза. Что ж, в отсутствии логики его никак не обвинишь. Он прав, прав...

– Хорошо, тебе я скажу. Ты заставляешь меня сегодня раскрыть перед тобой все: и тело, и душу. К твоему сведению, медицинские и педучилища являются у нас в стране как бы самыми продвинутыми в области интимных вопросов. В нашем заведении существует такое давно кем-то узаконенное положение, по которому сохранение девственности в конце второго курса принято считать чем-то даже не очень-то приличным. Так вот, мне, вообще-то, не очень хотелось, если честно сказать, выглядеть среди всех остальных белой вороной, но это не главное. К этому времени я

серьезно впервые в жизни влюбилась. Он был старше меня на два года. Я думала, что у него ко мне тоже серьезное чувство, но оказалось, что я глубоко ошибалась. Удар был жестоким, – глаза девушки гневно сверкнули. – И все-таки, я ему даже благодарна. Он преподнес мне хороший урок жизни. К тому же, спасибо ему за это, он меня многому научил. Короче, месяца через два мы расстались, и он приступил к охмурению очередной девчонки...

Внимательно слушая ее взволнованный рассказ, Рэм быстро понял, что в своих расспросах зашел слишком далеко и почувствовал себя неловко.

– Извини, я не хотел тебя чем-то обидеть.

– Ерунда, – ее голос звучал спокойно.

Значит, она на него несколько не рассердилась.

– Я уже давно, Рэм, отношусь к этому, как к чему-то, через что просто необходимо бывает пройти. Может быть, и не всем, но тогда, значит, мне так повезло. После всего я много интересовалась специальной литературой, и сейчас у меня, знаешь, сложился свой определенный взгляд на отношения, возникающие между мужчиной и женщиной, – Дина внимательно посмотрела на него, словно еще решая, стоит ли продолжать ему все это рассказывать. – Тебе это интересно?

Могла бы, конечно, и не спрашивать, и так было видно, как вспыхнули его глаза. Он впитывает в себя все, как губка, этот ее благодарный слушатель...

– В моем понимании физическая близость – это самый высший момент в отношениях между людьми. Он возникает лишь при условии наличия или существования неких определенных предпосылок, без которых этот процесс превращается лишь в чисто механическое удовлетворение своих животных инстинктов, в частности физиологических, с одной стороны, или, точнее сказать, одного партнера, и создание другой стороной для этого подходящих условий за определенную плату. То есть, – она кинула на него быстрый и изучающий взгляд, – так называемая проституция. Многие, правда, умудряются, и сами при этом получить удовольствие, смотря, конечно, у кого какая цель...

– Цель?

Надо сказать, Рэм был не просто удивлен – он был потрясен. Услышать логически правильно выстроенное философское суждение от такой милой и прелестной девушки ненамного старше его – это что-то из ряда вон выходящего. Кому рассказать – никто не поверит. Он и сам бы ни за что никогда не поверил бы.

– Люди же для чего-то вступают в отношения друг с другом. Цели бывают разными. Я считаю, что в отношениях между партнерами должна присутствовать общность интересов. И чем больше таких общих точек в их взаимоотношениях, тем больше возможностей для возникновения и существования полноценной физической близости.

– Ты хочешь сказать, что такие отношения могут возни-

кать не только у людей, состоящих в браке, но и вне его?

— Ну и дремуч ты, Рэмушка, в вопросах семьи и брака, — усмехнулась она. — Чему вас только учили в вашем суворовском?

— Много чему, только не этому, — ему стало крайне неудобно за свою, оказавшуюся столь малой осведомленность в таком, оказывается, непростом деле. — В наших школах это, к сожалению, не проходят, хотя, наверное, не мешало бы...

Чуть прищурившись, Дина с сочувствием посмотрела на огорченного парня. «Мальчишка, совсем еще мальчишка, — подумала она, — но, Боже, как же он мне нравится, наперекор всему, против моего желания, но нравится».

— Рэмка, ты не расстраивайся. Это со временем придет. Хочешь, еще что-нибудь послушать?

— Хочу, — он был благодарен девушке за ее понимание.

— Брак — это официальное оформление возникших отношений между мужчиной и женщиной. И, по моему мнению, он должен возникать, как итог уже состоявшихся связей, общности их взглядов, близости, как духовной, так и физической. А у нас принято наоборот. Сначала женятся, а со временем оказывается, что они не подходят друг другу в плане физическом. Вот, все хорошо, а именно в этом у них ничего так и не выходит. Потому и разваливается молодая семья, не успев еще, как следует возникнуть. Я думаю так, что надо бы сначала немного проверить себя, посмот-

реть, подходит ли этот партнер тебе во всех отношениях или нет. И уже лишь потом, если все окажется в норме, можно будет оформить свои отношения официально, чтобы не было потом никаких причин бегать «налево» и морально страдать от ощущения своей вины перед супругом. Если же нет в наличии всех этих условий, то это уже, как и ни прискорбно, будет брак не по любви, а всего лишь по расчету. Вот тогда-то и возникает так называемая бытовая или домашняя проституция. Он любит ее, а она его большие деньги и положение. Бывает чуть по-другому: она любит его, а он положение и деньги ее отца. Сначала роль влюбленного супруга исполняется вполне добросовестно, скорее всего, из чувства благодарности или же боязни все потерять, потом все хуже и хуже. В конце концов, все это надоедает или тому, или другому, а то и обоим. Как итог – неминуемый разлад в семье. Вообще-то, все возможные случаи трудно предусмотреть. Хотя, я и не исключаю, что вполне возможно и благополучное существование всякого такого рода симбиоза.

– Да, однако, – задумчиво протянул парнишка, немного озадаченный всем услышанным.

Век живи – век учись...

– А у нас с тобой сейчас – это что? – задал он своей милой учительнице вполне резонный вопрос. – Любовь или...

От неожиданности Дина не то чтобы смутилась, но слегка и ненадолго даже призадумалась. Не слишком ли далеко зашла она в своей откровенности? Нет, надо свести все к лег-

кой шутке, пока еще не поздно это сделать...

– У нас с тобой? Ну, как бы это тебе проще будет сказать? Это ликбез. Кто-то же должен был тебе когда-нибудь все это популярно объяснить, – Дина весело рассмеялась и нежно погладила по голове засмущавшегося парня.

– И все-таки...

– Если хочешь серьезно, то ты мне, глупенький, очень понравился. Я же тоже человек, – девушка немного грустно вздохнула. – Мне тоже иногда хочется чего-то в этой жизни. Хотя бы небольшого отдыха для души. Знаешь что, – Дина посмотрела на Рэма таким взглядом, что ему снова стало не по себе. – Мне стыдно в этом тебе признаваться, но я хочу еще. Пойдем...

Словно замороженный, он пошел за нею...

Прекрасная девушка лежала, грациозно изгибаясь под его ласками, слегка и сладостно постанывая. Его любопытные губы, чуть отбросив в сторону всю стеснительность, вплотную занимались изучением анатомии юного и столь прекрасного в своей наготе женского тела, когда она подтолкнула его голову к низу своего живота. Он с недоумением посмотрел на нее, словно желая о чем-то спросить.

– Глупенький, – поспешила успокоить его девушка. – Не бойся. В этом нет ничего постыдного. Вообще-то, в отношениях мужчины и женщины, если, конечно, они построены на взаимном уважении, нет ничего такого, чего можно

было бы стыдиться. Давай-давай, – она одновременно просила и в то же самое время с присущей ей настойчивостью требовала. – Отрабатывай обучение...

Сколько времени прошло, на этот вопрос они не смогли бы ответить. Наконец, она собрала остаток своих сил и поднялась.

– Это было, Рэм, просто чудесно. У тебя, милый мой мальчик, большие способности к обучению – ты все буквально схватываешь на лету. Да, – она снова, как и в тот раз, почему-то вздохнула, – девчонки любить тебя будут. С ума по тебе сходить будут. Это уж точно...

Ступая на носочках, Дина прошла к печке и пощупала белье.

– Ну что, собираемся? Как раз все высохло. Кстати, – девушке в голову пришла забавная идея, и она подозрительно ухмыльнулась. – Ты знаешь, как отличить настоящую блондинку от крашенной?

– А что? – его снова явно загоняли в тупик. – Это можно как-то или каким-то способом определить? – Рэм смотрел на девушку с обожающим восхищением.

– Запросто, – с каким-то бесшабашным задором ответила она. – Была, не была. Сказала «а», говори «б». Какого цвета у меня волосы?

– Светлые, русые... – еще ничего не понимая, протянул он.

– Правильно русые. А тут? – она провела рукой по свое-

му телу. — Вот-вот, одного цвета. А у крашеной — разного. Понял разницу? Там они имеют свою естественную окраску, — девушка от души рассмеялась. — У меня свой цвет волос, а вот у Зойки — нет.

— Выходит, что она крашеная? — с каждой минутой общения с Диной Рэм открывал для себя что-то совершенно новое.

— Выходит, что так, — ее глаза зажглись непонятным огоньком.

Ох, не месть ли это была за какую-то давнюю обиду?

— Да и не Зойка она вовсе, а Зулейха. Имени своего стыдится. Кто сейчас виноват в том, что родители в свое время не позаботились о будущем своих детей. Но она татарка и родилась в глухой татарской деревне, где такие имена в самом ходу. Зулейха Мударисовна. Но куда сейчас пойдешь с таким именем-отчеством? Наверное, дальше своей родной деревни некуда. Вот она, бедная, и мучается, представляясь всем Зоей. Моя же бабушка настояла, чтобы меня назвали Диной. Получилось Динара Борисовна. Хорошо звучит, неправда ли?

— Совсем как русское. И звучит, действительно, очень красиво.

— А я и есть, к твоему сведению, по паспорту русская. Бабушка говорила мне, что раз мой отец только наполовину татарин, а мама — марийка, то я, соответственно, на выходе получаюсь русской. Так, по ее мнению, большая часть русского

народа в давние времена и сформировалась. Но я смотрю, что тебя такой поворот, как-то озадачил, что ли? Что, папа не разрешит жениться на русской? – она пренебрежительно хмыкнула. – Так я тебе, кажется, уже сказала, что я ни на что и не рассчитывала, а что ты там про себя думаешь – это уже твое личное дело. Вообще, советую тебе, милый мальчик, обо всем произошедшем просто позабыть. Считай, что тебе это все приснилось.

– Да, но это вряд ли забудешь, – у парня был такой растерянный вид, что ей сразу стало его жалко, а внутри так и затрепетало от подступившего чувства.

– Прости меня, – она ласково провела рукой по его волосам. – Я сказала совсем не то, что хотела. Я сама, наверное, никогда не смогу этого позабыть. Ну, давай, будем выходить.

На всякий случай Рэм выглянул, осмотрелся по сторонам и подал ей сигнал на оставление бани. Девушка критическим взглядом осмотрела себя на свету, поправила волосы. Теперь можно, кажется, и идти. Хотя... Хорошо, что она еще вовремя посмотрела на него. Дина от души расхохоталась.

– Рэм, пожалуйста, у тебя сейчас такой глупый вид, что всем встречным сразу станет ясно, что ты только что потерял свою невинность. Сделай ты свое лицо немножко попроще, пожалуйста. А то ты нас просто выдаешь своей довольной улыбкой...

Словно с ходу налетев на преграду, он остановился, и какое-то мгновение не помог понять, чего она от него хочет.

Наконец, до парня дошло, и он густо-густо покраснел.

– Да ну тебя. Я думал, что что-то серьезное. А ты... Лучше скажи, куда дальше пойдём?

Немного времени у них еще оставалось.

– Мне кажется, что сейчас, лучше всего, было бы где-нибудь посидеть. Можно фильм какой-нибудь посмотреть, – она чувствовала во всем своем теле необычайную расслабленность. – А то у меня, честно говоря, ноги просто какие-то ватные стали. Ты как?

Конечно же, и он совсем был не против того, чтобы где-то посидеть и поразмышлять кое над чем, пользуясь темнотой в зале и нежно баюкая в своих ладонях доверчивую девичью кисть.

И Дине тоже, скорее всего, было совсем не до просмотра картины. Она была немного напугана всем тем, что только недавно произошло. Девушка не могла понять, что это было на самом деле: ее желание просто немного расслабиться или все-таки что-то большее? Сидела, умничала, заставляя краснеть бедного мальчика, а сама хотела быть выше всего этого, как будто это ее не касается. Нет, так не бывает. Как бы потом не пришлось об этом горько пожалеть...

Пришло время прощаться.

– Рэм, ты, пожалуйста, не очень распространяйся о наших с тобой отношениях, – тихо попросила она, глядя на него с большим доверием. – Хотя бы до нашего отъезда. Я знаю, что вы, мальчишки, любите похвастать своими победами.

Но ты же ведь не такой, как все? Ты потерпи немножко, осталось всего несколько дней. Мне совсем не хочется, чтобы Зойка про нас с тобой что-то знала. Потом ты можешь говорить, все, что захочешь. А сегодня мы с тобой просто целый день гуляли. Договорились?

– У меня, Дина, и в мыслях не было, чтобы об этом трепаться, – и в его раскрывшихся глазах она видела, что это чистая правда. – Хотя бы из чувства уважения к тебе.

Другого ответа она от него и не ожидала. Лицо ее осветилось мягкой улыбкой. Дина приблизилась к нему и коснулась губами его щеки.

– Я верю тебе, Рэмушка. Значит, завтра в шесть?

Чувствуя, как у него распрямляются плечи, он утвердительно кивнул головой и медленно зашагал к дому, где его поджидал Марат. Он чувствовал себя совершенно другим человеком. Это трудно объяснить и передать словами...

На лице брата было написано полное недоумение.

– Вы где это пропадали весь день? – он с ходу набросился на Рэма. – Зойка от любопытства даже покой потеряла. У вас все в порядке?

– Конечно, в порядке. А что, собственно, могло с нами случиться? – курсант военного училища решил, что полуправды порой бывает больше, чем достаточно. – Сначала сходили в лес на орешки посмотреть, потом кино смотрели. Так весь день и прошел.

– Ну и ладно, – успокоился Марат. – Не повезло тебе, – он сочувственно глянул на младшего. – Мне Зойка говорила как-то, что Дина немного странная – с парнями дружить дружит, а дальше этого – ни-ни. Ледышка...

Неопределенно пожав плечами, Рэм скромно промолчал. Потом, видя довольную ухмылку брата, спросил:

– А как у вас? Судя по тебе, ваши дела пошли на лад.

– Да, вроде бы так. Она будет просить, чтобы после выпуска ее по распределению направили в наш город, а там дальше уже видно будет.

– Ладно, – хмыкнул Рэм, тут же вспомнив слова Дины. – Поживем, увидим, – расстраивать брата ему вовсе не хотелось.

Может, все само как-то и образуется...

Увидев Дину в среду, Рэм сразу же определил, что его подруга чем-то немного встревожена. Причина выяснилась довольно быстро. Девушка, слегка волнуясь, поведала ему, что в четверг их практика уже заканчивается, и руководство детского сада заранее предупредило, что к обеду все документы будут готовы и выданы им на руки. После чего с ними сразу распрощаются. Рейсовый автобус в Белебей будет только в восемь утра в пятницу, и ночевать им будет уже негде.

– Я хотела бы попросить тебя составить мне и на этот раз компанию, если это, конечно, возможно, – чувствовалось, что эти слова дались ей не совсем легко. – Зойка сразу предупредила меня, чтобы я на нее не рассчитывала. Еще так злобно ухмыльнулась при этом, мол, это тебе расплата за твою холодную неприступность. У нее, скорее всего, уже есть, куда и с кем пойти.

– Нет проблем, – парень, не раздумывая ни секунды, согласился. – Это же прекрасно, прогуляем всю ночь на пару с тобой.

– Спасибо, Рэм, – у нее отлегло от души. – Значит, я не ошиблась в тебе, – ее глаза потеплели. – Тогда завтра подходи к двум, я буду ждать тебя с вещами.

На следующий день братья дружно встречали у входа выходящих к ним навстречу подруг.

– Пока-пока. Приятно вам провести время, – с едва уловимой издевкой пропела на прощание Зойка, спеша вслед за Маратом, быстро зашагавшим вперед с ее большой сум-

кой в руках.

— А мы теперь куда? — растерявшись, спросила Дина у стоящего рядом и совершенно спокойно наблюдавшего за всем происходящим своего добровольного провожатого.

— Как куда? На вокзал, — весело ответил ей Рэм, легко подхватив ее поклажу.

Вышли на остановку автобуса. Дина уже начала про себя отсчитывать время, оставшееся до завтрашнего утра. Ох, как его, оказывается, еще много-то! А это лишь только еще начало. Настроение у нее стремительно падало.

Подъехали к вокзалу, нашли пустую ячейку автоматических камер хранения и поставили в нее девичьи пожитки. Дина грустно оглядела глазами зал ожидания, где, как она думала, придется просидеть на этих жестких сиденьях всю ночь. Виновато посмотрела на своего спутника, которому теперь из-за нее предстоит столько мучиться, тяжело вздохнула.

— Что будем делать теперь? — упавшим голосом спросила Дина.

— А теперь, — странно, однако, но по его виду нельзя было сказать, что он чем-то озабочен. — Прошу следовать за мной, — загадочно предложил Рэм. — Все вопросы потом...

Они снова куда-то ехали, потом шли. Ей было все равно, главное, что время идет незаметнее и быстрее. И все-таки...

— Куда ты меня ведешь, Сусанин? — она недоуменно улыбнулась и свела брови. — Могу я узнать?

– Момент, момент, – он зачем-то полез в карман. – А вот, – и в его руках появились ключи. – Дядька мой в командировке, – пояснил Рэм девушке, вконец потерявшей от его ловких проделок, – а тетка любезно согласилась переночевать у своей матери – ну, как можно было отказать своему любимому племяннику в его маленькой и скромной просьбе.

– А что ты ей сказал? – отсутствием любопытства она, конечно же, не страдала. Этому не мешало даже не самое лучшее настроение.

– Правду.

– Правду? – округлились ее глаза.

– Да. Только не всю, – он неопределенно пожал плечами. – Я не сказал ей самого главного, кто со мной будет.

Замедлив шаг, Дина остановилась. Постояла, молча приводя свои мысли в относительный порядок. Задумчиво качнула головой и повеселела.

– Ну и очень хорошо. А я уже грешным делом подумывала, что придется всю ночь где-то бродить, да и по киношкам надоело сидеть. Значит, эта идея, видать, ей здорово понравилась, оттуда можно будет, до самого утра и не выходить. О таком я и не мечтала...

Заботливая тетка не забыла перед своим уходом наполнить холодильник едой. Не спеша, пообедали и вместе прибрались на кухне.

– Ты пока один поскучай, – она ласково потрепала его

за ухо. — Я иду в ванную, ненадолго.

Прошло десять минут, двадцать. Тишина. Он забеспокоился.

— С тобой там все в порядке? — Рэм тихонько постучался в дверь. — Тебе помощь не нужна? — на всякий случай спросил он.

— Нужна, — послышалось изнутри. — Заходи, не стесняйся, — вкрадчивый голос так и манил его, притягивал к себе. — Ничего нового для себя ты уже не откроешь. Помоги мне, а то я никак не могу сама заставить себя выйти из воды. Так хорошо, что просто не хочется вставать...

Общими усилиями они кое-как смогли помочь ей завершить принятие водных процедур.

— У меня сегодня лежачий выходной, — весело объявила она, направляясь к постели. — Можно за это и проголосовать. Я — «за». Кто «против»? Отлично. Принято единогласно. Где тут, что лежит, показывай, — Дина настойчиво потянула его за руку.

Еще один шаг, и она упала на кровать и в блаженстве раскинула руки. Он стоял у окна и наблюдал за ее поведением. Ему очень хотелось все же понять, какой же именно она бывает настоящая? Сейчас или же, когда ходит с непреступно холодным видом на лице? И что она собирается делать дальше? И как в таком случае поступить ему? В принципе, он может все это время переждать и в кресле, ему такие вещи делать не впервые.

– Рэм, ты где? – наконец, девушка вспомнила, что находится в этой квартире не одна. – Лежачий выходной вовсе не означает, что нужно только лежать и ничего не делать. Иди ко мне, мой заботливый рыцарь, насладись близостью своей прекрасной дамы.

С удовольствием. Парень облегченно вздохнул. Он все больше склонялся к мысли, что вот именно сейчас он и видит настоящую Дину.

Отрешившись от всего остального мира, они нежно любили друг друга, отдыхали, чем-то перекусывали, смотрели телевизор и снова любили...

Утро застало их спящими, тесно прижавшимися друг к другу. Не сразу можно было бы определить, где и чья это рука или нога.

– Спасибо тебе, Рэмушка, – шепнула Дина, проснувшись. – Так хорошо мне еще никогда до этого не было, – откровенно призналась девушка. – Я так славно отдохнула, – она сладко потянулась. – Хороший ты, спокойно с тобой. Можно вести себя естественно, не пытаюсь показывать себя лучше, чем есть на самом деле. Не думаешь о том, что что-то не так скажешь или не так сделаешь. Легко с тобой, легко и спокойно...

– Дина...

– Нет, больше ничего не говори, – она прижала палец к его губам, – не надо, лишние слова могут лишь все испортить...

Не спеша, встали, привели в порядок комнату, выпили чайку на дорожку и вышли на маршрутный автобус. На всякий случай, проехали на одну остановку больше. Назад вернулись пешком.

Марат и Зойка были уже там и поджидали их, с нетерпением поглядывая по сторонам.

– Наконец-то, – накинулась на них Зойка. – Мы уже не знали, что и думать, вдруг с вами что-то случилось. Где бродили всю ночь? Как, не устали? – она подозрительным взглядом осмотрела Дину и Рэма, слишком уж свежо выглядевших после бессонно проведенной ночи. – По вам этого не скажешь. Выгляд у вас ничего...

– А мы того... на скамеечке пересидели, прижавшись друг к другу, – Дина сочиняла на ходу, не моргнув при этом и глазом. – А еще, – понизив голос, с таинственным видом поведала она, – Рэм показал мне, как отыскивать на небе Полярную звезду, Большую Медведицу и Малую.

– Ну-ну, а все твоя... – Зоя хотела еще что-то сказать, но, видно, вовремя передумала, только усмешка долго еще не сползала с ее поджатых губ.

Подали под посадку автобус. Закинули крупные вещи в багажник. Настала пора прощаться.

– Ты обещал написать, – тихо шепнула Дина своему новому другу. – Вот тут записаны мои адреса: домашний и училищный, – девушка незаметно засунула бумажку ему в карман. – Прощайте же, мальчики, – она поцеловала братьев

по очереди.

– Я обязательно напишу, – целуя нежную девичью щеку, ответил Рэм. – С тобой я стал старше на несколько лет. Спасибо тебе за все, – даже со стороны стало заметно, что они шепчутся подозрительно слишком уж долго. – Счастливого доехать, девочки.

Противно режущий ухо металлический скрежет, чем-то напоминающий человеческий голос, объявил отправление. Все быстро заняли свои места. То тут, то там понеслись воздушные поцелуи на прощание. Поехали. Народ разошелся, и на остановке стало пусто. Пусто стало и на душе у Рэма. Он очнулся от раздавшегося под ухом голоса Марата:

– Вы где ночевали? Только не надо рассказывать мне сказки про какую-то скамейку, – старший брат скептически смотрел на младшего. – Можешь особенно не стараться, все равно не поверю.

– Зачем на скамейке? – со всем написанным на его лице простодушием ответил Рэм. – У дядьки на квартире тоже совсем неплохо спится.

– Ага! Нет, чувствовал же я, нутром своим чувствовал, что вы вдвоем все время не так-то просто ходите, – у Марата проснулся охотничий азарт ищейки. – Было что? Рассказывай.

– Ты о чем? – Рэм, как бы не понимая, в чем дело, уходил в сторону от заданного вопроса.

– Ладно, не хочешь – не говори, – дипломатично отсту-

пился от лишних расспросов все и так давно уже понявший брат. – В конце концов, это твое личное дело. Давай сходим куда-нибудь после работы?

Рэм согласно кивнул – все равно ничего другого в голову не приходило.

– Значит, встретимся у проходной. Тебе как мое предложение?

– Согласен. Посидим, поговорим. Можно считать, что целую неделю были рядом и в то же время...

Да и вдвоем легче будет пережить расставание.

После того, как девушки уехали, стало чего-то не хватать. Мучился не только Рэм, но и Марат заметно страдал. По всему было видно, что и Зойка тоже успела крепко задеть парня за живое. Даже бутылка вина, распитая ими вечером на двоих, не смогла развеять грустное настроение. Глядя в тоскующие глаза брата, Рэм не удержался от соблазна слегка подшутить.

– Да ты, братец, видать, совсем влюбился. Такого раньше за тобой я еще никогда не замечал. Бывали подружки у тебя и до этого, но ни разу я не видел, чтобы ты так страдал после расставания с ними. Может быть, ты уже и жениться на ней уже собрался? – он с подозрением посмотрел на Марата. – Надеюсь, об этом вы с ней не говорили?

– Надо бы для начала, чтобы она попала к нам в город по распределению, – при этих словах Марат оживился. – Она говорила, что там и видно будет. А пока нужно время, чтобы проверить наши чувства.

Глаза у старшего брата затянулись мечтательной пленкой, он, казалось, жил уже в каком-то другом измерении, на другой планете по имени Любовь.

– Я бы не стал относиться к ее словам так серьезно, – Рэм попытался на всякий случай его предостеречь. – Дина мне рассказала про нее. Пойми меня правильно, я не хочу гово-

ритель что-то против твоей подружки. Как бы потом не оказалось, что ты тешил себя несбыточными мечтами. Смотри, чтобы потом не было особенно больно.

– Если бы это про Зою сказал мне кто-нибудь другой, а не мой брат, я бы точно его прибил, – в глазах Марата забегали злые огоньки.

– Значит, мне на этот раз крупно повезло, – попытался отшутиться Рэм. – Давай, лучше выпьем, брат, – он поднял стакан с вином. – Утопим в нем печали наши, и сразу станет веселей.

– Да-да, конечно, тебе же завтра не на работу, – Марат криво улыбнулся. – А утром-то головка будет бо-бо. А, вообще-то, все равно, – он махнул рукой. – Давай...

На второй день все повторилось в точности, как и накануне. Разговор крутился опять вокруг одного и того же.

– А вот, если Зойка забеременеет, – вдруг размечтался Марат. – Тогда ей деваться будет некуда, – от этой посетившей его хмельную головушку мысли он даже оживился. – Сколько мы были с ней вместе? Около двух недель. За это время уж точно могло бы что-нибудь такое произойти. Мы с ней практически никак не предохранялись. Причем Зойка сама этого не захотела.

– Она это... таблетки принимает, – глухо произнес Рэм. – Прости меня, но ты просто должен будешь это знать.

– Это, конечно же, тоже тебе твоя Дина сообщила? – с ядовитым сарказмом спросил Марат. – Она что, тоже их прини-

мает?

– Нет, – Рэм покачал головой. – Она, наверное, пользуется каким-то другим способом. А твоя Зойка пьет гормональные таблетки. Импортные, ей их кто-то из ее знакомых достает. Венгерские, у нас таких так просто не купишь. А у нее есть. Соображаешь?

– Что-то с этого места туго. Ну-ка повтори.

Наконец, до него кое-что дошло. Парень со злостью махнул головой и опрокинул в себя стакан.

– Надо заняться чем-то полезным, – Марат попытался найти приемлемый выход из создавшегося положения. – А то договоримся тут по пьяному делу, черт знает до чего.

Рэм согласно махнул головой. Он тут же вспомнил их с Диной последний вечер. Перед глазами стали прокручиваться те, дорогие его сознанию картины, и к нему постепенно вернулось хорошее настроение. Все-таки, как думалось ему, у него самого ситуация намного лучше, чем у брата. С ним Дина, по крайней мере, вела себя абсолютно искренне. Когда он спросил ее об этом, девушка ответила честно и просто: «Понимаешь, есть дни, когда это может случиться. Есть, когда точно не может. А бывает, что просто лучше не рисковать. У меня сейчас как раз наступили самые опасные дни. Так что, пользуйся на твое и мое здоровье. Ох, и дикий же ты, как я посмотрю, у меня, Рэмушка, в таких вопросах. Ты бы лучше, мой друг любезный, книжки какие-нибудь почитал про брак и семью, чтобы не попасть в неловкое

положение. Да, не обижайся ты на меня, глупенький, не обижайся, не надо, Рэмка».

В следующий понедельник Дина получила по почте письмо на свое имя, но без обратного адреса. По почтовому штемпелю смогла разобраться, что отправлено оно из Октябрьского, и что интересно, в день их с Зоей отъезда. Внутри оказалась открытка. Ей стало очень и очень любопытно: «Кому: Дорогой Учительнице.

Сиянье глаз твоих
Теперь моя отрада.
Увидеть снова их,
Другого мне не надо...

От кого: от прилежного Ученика».

«Рэмка забавляется, – подумала она, и на душе стало тепло. – Написано чернилами. Значит, сочинил в тот же день на почтамте. Выходит, что очень спешил и даже домой не заходил». Дина вздохнула. Какой уже день она никак не могла решить для себя, что же ей все-таки делать со всем этим дальше. Не думала она в первый момент знакомства, что их отношения с этим, совсем, на первый взгляд, мальчишкой могут зайти так далеко. «Дура, – ругнула она себя. – Давала же себе слово, чтобы больше ни в кого не влюбляться. Стоило позволить себе на мгновение расслабиться, и вот вам результат на лицо».

В среду пришла еще одна открытка.

Твой нежный взгляд
Насквозь меня пронзил.
Пускай и млад,
Тебя я полюбил...

Девушка читала эти строчки, укоризненно покачивая головой.

И голос слышу твой —
Он снится ночью мне.
И различаю я порой:
Иди ко мне... иди...

«Это уже серьезно», – подумала Дина, просмотрев третье послание, и не на шутку забеспокоилась. Но оказалось, что на этот день это еще далеко не все. Самое неожиданное было еще впереди.

Накануне в четверг Марат озвучил одну «очень умную» мысль:

– А чего бы нам не съездить и не провести наших подруг?
– Идея хорошая, – Рэм тут же загорелся, но, немного подумав, как-то скис. – Возникает слишком много вопросов. Нужны адреса. И второе, мы полдня уьем, разыскивая их, может оказаться так, что они живут далеко друг от друга.

Тогда это, вообще, займет у нас уйму времени. Нет, – он покачал головой. – Я думаю, что это не реально.

– У меня адрес Зои есть, – с победным видом на лице Марат достал аккуратно сложенную бумажку. – Город Белебей, улица...

На Рэма вдруг нахлынуло ощущение, что все это ему почему-то уже знакомо. Странно, но...

– Постой-постой, – где-то эти названия он уже читал. – Дина говорила мне, что ее подруга живет далеко от города, а это, наверное, адрес их общаги. Точно, так и есть.

– Не может этого быть. А ты откуда знаешь? – Марат подозрительно уставился на брата.

Давно уже подозревал он своего младшего в том, что тот порой много чего не договаривает.

– Не веришь? – усмехнулся Рэм. – Смотри, вот Дина сама мне свои адреса дала. Надеюсь, что теперь уже веришь?

Сличив два адреса, Марат вынужден был признать очевидное, как бы ему не хотелось верить во что-то иное.

– Наверное, ты все-таки прав. Тогда, давай, сначала заедем к твоей Дине, – надежда все еще не оставляла его. – У нее и узнаем, что и как.

Идея сама по себе неплохая, но Рэму все еще не верилось в то, что ее можно воплотить в жизнь.

– Поедем, заедем. Я что, против, что ли? Только на чем? Или ты что-то уже придумал?

На губах старшего брата появилась загадочная улыбка:

– Слушай меня внимательно. У дядьки в гараже, что у деда во дворе, стоит «копейка».

Рэм скептически хмыкнул:

– Это Захара, что ли? Так он же на Севере сейчас. Как ты собрался на ней ехать? Сам, что ли, за руль сядешь?

Но разве что-то задумавшего Марата такой мелочью смутитишь?

– Запросто. Права у меня есть. Доверенность на руках. Правда, вожу не очень. А ты как?

– Я-то неплохо, – курсант в задумчивости провел рукой, поправляя челку, придавая ей уложенный вид, – но у меня нет прав, рано мне еще. А что ты раньше об этом молчал?

– Чтобы ты, брат, заранее не мучился в томительном ожидании, – Марат улыбнулся и заговорщицки подмигнул своему товарищу по несчастью. – Завтра сразу после работы и махнем на все выходные.

Сказано, сделано. Сто двадцать километров – это же не расстояние. Как только проехали пост ГАИ, Марат тут же уступил свое место за рулем более опытному водителю. Через какие-то два часа разыскали нужный дом. На стук вышел мужчина.

– Борис Ахметович? – уточнил у него Рэм, не без основания полагая, что это, скорее всего, должен быть отец Дины.

– Да, вы не ошиблись, – хозяин с недоумением смотрел на совершенно не знакомых ему и явно неместных парней. –

Чем обязан? Да, не стойте вы у ворот, проходите во двор.

– Мы, собственно, хотели бы видеть Дину, – слегка запинаясь, Рэм сразу и прямо объяснил причину их появления. – Мы, вообще-то, ее очень хорошие знакомые из Октябрьского, приехали навестить.

– Ах так, – кое-что мужчине стало понятно. – Значит, это вы загрузили нашу почтальоншу работой. У вас что-то случилось?

– Да нет, – вклинился в разговор до этого молчавший Марат. – Мы просто хотели повидать вашу дочь и узнать у нее адрес одной ее подруги.

– Это можно. Только она, извините, сейчас находится у своей бабушки, помогает ей по хозяйству. Да тут совсем не далеко...

Ни о чем не подозревающая Дина возилась во дворе и еще издалека заметила приближающуюся машину. Таких у них в селе не было. Странно, но автомобиль почему-то остановился у их ворот. Это ее озадачило. Девушка выпрямилась и подошла ближе к забору. И тут к ее полному изумлению перед ней показался Марат собственной персоной, а потом и Рэм нарисовался с сияющей улыбкой во все лицо. От неожиданности у нее перехватило дыхание.

– А вот и мы, – весело приветствовал ее Марат. – Что, не ожидала? Встречай своего кавалера. Ну же, поцелуйтесь, дети мои, – забалагурил он, заметив, что тут, по крайней мере, им рады. – Не стесняйтесь. Я уже давно обо всем про вас

двоих догадался.

– Да ну тебя, – отмахнулся от него Рэм. – Не смущай бедную девушку. Видишь, она и так язык проглотила. Здравствуй, Дина. Это точно мы, тебе не привиделось.

Нет, точно это ей не привиделось. И это вовсе не сон, что приснился ей накануне...

– Здравствуй, Рэм, – выдохнула она из себя. – Здравствуйте, мальчики. Откуда вы, черти? – кажется, девушка окончательно пришла в себя. – Рэм, я только сегодня от тебя получила письмо. Ну, вы и даете.

– Мы хотели узнать у тебя адрес Зои, – Рэм на всякий случай все стрелки перевел на Марата. – Мне кажется, – парень многозначительно кивнул в сторону брата. – Она дала ему неправильный адрес.

– Мы подумали, что ты-то должна его знать...

Девичьи реснички озадаченно хлопнули. Так они у них всего лишь проездом. Что ж...

– «Не ему», надо говорить, а «Марату», называя присутствующего по имени, – девушка специально кольнула парня, и тот скоро понял, за что. – Значит, ко мне вы просто мимоходом? – сделав вид, что она не на шутку обиделась, Дина стала закрывать перед ними ворота.

– Ты чего тут городишь? – Марат толкнул брата плечом. – Не видишь, что ли, что девушка может не понять твой плоский армейский юмор? Это я ищу Зою, а он уже нашел то, что искал. Давай-ка, братец побыстрее извиняйся, а то, чего

глядя, и останемся ни с чем тут, на улице.

Охотно приняв немые извинения, Дина улыбнулась и впустила братьев во двор. Марат вытащил из нагрудного кармана заветную записку и показал ее хозяйке.

– Конечно, это адрес нашего училища, – скользнув глазами по бумажке, подтвердила Дина. – Только ехать домой на каникулы она, вроде бы, не собиралась, так что искать ее там, наверное, бесполезно. Скорее всего, она сейчас в городе. Вообще-то, я догадываюсь, где можно найти Зойку. Но сегодня уже поздно.

– А если сейчас же тронуться, когда доберемся?

– Когда мы сможем туда добраться? – девушка прищурилась. – Ближе к ночи. Даже если ехать на вашей крутой машине, это несколько далековато. Заходите в дом, будьте как гости.

Братья в нерешительности переглянулись. А что им еще оставалось делать? Если только, конечно, отправиться в обратный путь, но зачем, спрашивается, они сюда вообще приехали? Рэм стал за спиной у брата – в детстве часто за все отвечать первому приходилось Марату, как старшему, и это была уже привычка, выработанная годами. От сильного волнения бравый курсант невольно поступил так же, как делал это когда-то давно.

И девушка заметила это, глаза ее удивленно раскрылись. Она улыбнулась и укоризненно покачала головой. Ну, что можно еще взять с этого милого мальчишки?

– Это кто к нам пожаловал? – навстречу им вышла пожилая женщина.

– Это, бабушка, мои друзья: Марат и Рэм. Знакомьтесь. А это мои бабушка Амина и дедушка Ахмет.

В комнате повисла неловкая пауза, прервать которую тут же поспешила хозяйка дома.

– Вы, наверное, издалека, – засуетилась она. – Проходите к столу. Вот за чаем и познакомимся поближе.

Время за разговором летело быстро. На дворе заметно потемнело. Улучив удобный момент, Дина успела шепнуть своему соседу:

– Рэм, ты не хочешь прогуляться перед сном?

Дохнуло на него ветерком, и парень сразу напрягся. Конечно, он хочет. И он утвердительно качнул ресницами. В ответ Дина поощрительно шевельнула губами и стала прощаться:

– Поздно уже, мне пора. Я пошла домой. Рэм проводи меня, пожалуйста.

Хорошо, когда брат быстро соображает и схватывает все прямо еще на лету. Марат, тут же оценив обстановку, вложил младшенькому связку ключей.

– Держи, разрешаю доставить девушку с ветерком. Можете прокатиться перед сном, осмотреть местные достопримечательности.

Поймав его взгляд, Дина хмыкнула, но ничего не сказала. Подхватив Рэма, повела его к выходу.

Хлопнули дверцы, словно наглухо отгородив их от всего прочего мира. Двигатель негромко и ласково заурчал, машина плавно покатила вперед, не спеша набирать скорость по неровной дороге. Дома, дома, переулки – картина знакомая и ничем не отличающаяся от сотен других подобных ей. Немного отъехали от села и остановились.

– Ну, рассказывай же скорее, – девушка сгорала от нетерпения. – Зачем приехали? Может быть, что-то случилось? Да постой ты, братец, не лезь, – она оттолкнула его настойчивые руки. – Ответь же сначала. У меня сердце даже екнуло, когда вас увидела.

– Мы просто соскучились. Честное слово, Динушка. Мне было не по себе, а Марат – вообще, ересь какую-то стал нести. Чуть ли не жениться собрался человек.

– Это он зря так думает, – девушка нахмурилась. – Боюсь, что завтра его не очень-то обрадует то, что он может увидеть. Ладно, пока их отношения оставим на завтра. Мне вот непонятно другое. Ты-то от чего, милый друг, страдаешь? – она сдвинула брови и строго посмотрела на него. – Разве я тебе что-то когда-то обещала? Кажется, мы договорились только о том, что ты мне напишешь, и все. Ну-ка, давай, отвечай.

И не было вовсе понятно, шутит она или же говорит всерьез. Может, она и сама в ту минуту не понимала, какой бесенок подтолкнул ее в бочок, и она принялась озорничать, дразнить его, а вместе с тем и саму судьбу. Эх, знать бы это...

Не ожидавшего такого отпора парня, словно облили ледя-

ной водой, губы у него задрожали.

– Динушка, милая, ну зачем ты так? Я думал, что ты ко мне тоже что-то чувствуешь, – в его голосе слабым ветерком засквозило пока еще едва заметное разочарование. – Выходит, что я для тебя совсем ничего не значу?

А он так надеялся на это, летел к ней навстречу, как на крыльях...

– Не знаю я, Рэмушка, не знаю, – с душевным надрывом произнесла Дина и замотала головой. – Не хочу я этого. Лишнее это все.

– Как это лишнее? О чем ты говоришь? – от такого поворота событий Рэм просто оторопел.

– Ты, Рэмка, не обижайся сразу, а послушай, что я тебе скажу, – девушка отодвинулась подальше, чтобы лучше увидеть его реакцию на ее слова. – Не ко времени все это. Зачем нам с тобой брать сейчас на себя такую большую ответственность, как любовь к другому человеку? Ну, понимаешь ты это?

Что ж, он не из самых тупых. А какие красивые слова она говорила...

– Да-а, понятно, – лицо его окаменело, и только едва заметно задвигались желваки. – Значит, и мне тут от ворот поворот. Хорошо, поговорили и ладно. На этом и закончим, – его губы скривились в злой усмешке. – Что же, давай, я тебя отвезу домой, – Рэм завел двигатель.

Еще немного, они тронутся. Дина не на шутку испуга-

лась его решимости. Кто его разберет, что там у него сейчас на уме? Нет, просто так его потерять она не собирается и не может себе этого позволить.

– Погоди, не спеши, – девушка положила ему руку на плечо.

Парень медленно повернул голову в ее сторону, словно пытаясь узнать, что там еще от него хотят, если и так уже все понятно. Ну и что интересно оставалось делать Дине в такой нелегкой для нее ситуации?

– Глупенький, я же еще не сказала, что против отношений с тобой.

– Такие отношения ради просто отношений меня не интересуют, – глухо ответил он. – Извини, Дина, меня за то, что я кое-что в этой жизни понял не совсем правильно, а как, однако, хорошо ты об этом говорила. Ладно, что тянуть, поехали, – он положил руку на рычаг переключения скоростей.

– Рэмка, стой! – она захватила его правую руку в свою. – Ох, ну зачем, ну зачем вы сюда приехали? Да заглуши ты двигатель, наконец! Мешает же...

Наивный мальчишка, он одержал над ней, считавшей себя такой опытной, победу, он вынудил ее отбросить в сторону все свои принципы...

– Ох, Рэмка-Рэмка...

Движок то ли недовольно, то ли насмешливо напоследок фыркнул и стих. Кажется, это она сама случайно задела рукой за какой-то рычаг, и спинка кресла услужливо подалась

назад...

Откуда-то на пытливый ум пришло полузабытое, и она, томно улыбаясь, прошептала:

– «Братья мои поставили меня стеречь виноградник... а своего виноградника я не уберегла...»

И Рэм немедленно включился в игру, взял ее маленькую руку и прижал ее к своим губам:

– И «Ты не жалеешь об этом, Суламифь?»

Услышав этот ответ из его уст, она тихонько ахнула. Это же из Куприна. Выходит, что он тоже его читал. А она-то думала. Но все равно последнее слово будет за нею:

– «О нет, царь мой, возлюбленный мой, я не жалею. Если бы ты сейчас же встал и ушел от меня и если бы я осуждена была никогда потом не видеть тебя, я до конца моей жизни буду произносить с благодарностью твое имя, Соломон!»

Ласково провела пальчиком по его губам, в душе торжествуя, полагая, что он уже не найдет более достойного продолжения. Но парень словно и не думал останавливаться:

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

Глаза твои голубиные под кудрями твоими;

Волосы твои – как стадо коз,

Сходящих с горы Галаадской;

Медленно-медленно в восторженном изумлении раскрывались девичьи глаза, обнажая свою бездонную глубину...

Зубы твои – как стадо выстриженных овец,
Выходящих из купальни,
Из которых у каждой пара ягнят,
И бесплодной нет между ними;

Застыл удивленно полураскрытый ротик. Она, она такого
еще нигде не читала и не слышала. Что это? У Куприна та-
кого и в помине нет...

Как лента алая губы твои,
И уста твои любезны;
Как половинки гранатового яблока —
Ланиты твои под кудрями твоими;

Господи, он не сочиняет, он что-то цитирует, шпарит на-
изусть. Но что же это, что...

Шея твоя – как столп Давидов,
Сооруженный для оружий,
Тысяча щитов висит на нем —
Все щиты сильных;
Два сосца твои – как двойни молодой серны,
Пасущиеся между лилиями...

Ах! В сладкой истоме изгибается спина, когда его ищущие губы в подтверждение этих слов находят один из острых и трепещущих в желании комочков нежнейшей плоти...
– Ах! Рэмка, скажи, признайся, что это было...

– Это «Песнь песней» Соломона.

Нет, это просто невозможно! Она, сколько ни пыталась, нигде не могла этого найти...

– Рэмка, ты... ты...

Нет, он все больше и больше поражает ее...

Светало. Давно он проснулся и теперь ласково и нежно смотрел на свою любимую девушку, уютно устроившуюся свою прекрасную головку у него на коленях. Рэм старался сидеть тихо и не шевелиться, боясь разбудить ее неловким движением. Пока еще есть время, пускай поспит...

Через час он кончиками пальцев осторожно провел по ее нежному лицу. Медленно, словно нехотя, она просыпалась. Открыла глаза. Мягко и ласково улыбнулась. Потянулась к нему, обняла его за шею и горячо зашептала ему на ухо:

– Поедем, Рэмушка, пора. Ты ничего не говори. Не надо. Потом ты все поймешь...

Потом он все... поймет? А чего тут понимать? Ему и так уже все давно стало ясно и понятно. Он любит ее, и она тоже его любит. Теперь ей уж точно не удастся отвертеться. Он сам все слышал своими ушами, что шептала она ему в забытьи, когда голос разума утих, и во всю силу говорили одни чувства.

Подъехать к дому незаметно не удалось. Видно, бабушка Амина давно уже хлопотала во дворе. К удивлению юноши она вовсе не стала их упрекать. Молча погладила свою внуч-

ку по голове, а ему лишь притворно погрозила пальчиком. И всего-то...

Зойку нашли не сразу. Сначала Дина кое-что разузнала в общежитии, и они поехали дальше.

– Стой, вот она идет. Ну что, убедился? Я тебя предупредила, что это может и не понравиться.

Теперь уже Марат видел все своими глазами. Зоя шла не одна, а в компании молодых мужчин, на вид очень прилично одетых. По их свободному поведению чувствовалось, что знакомы они давно.

– Это ребята с горкома комсомола, – пояснила Дина своим спутникам. – Я их когда-то видела у нас в училище. Хочешь с ней поговорить?

– Поговорю...

Раз они уже приехали... Как того и следовало ожидать, Зойка с явным неудовольствием отреагировала на появление Марата. Даже слушать его толком не стала, резко оборвала. Марат вернулся весь посеревший и явно обескураженный.

– Да ну ее к черту, – сквозь зубы процедил он и плюхнулся на заднее сиденье. – Рэм, садись ты за руль, поведешь сам. Что-то у меня все внутри трясется, – Марат как-то неловко и сконфуженно улыбнулся.

Ехали назад молча, никто не решался нарушить повисшую в салоне вязкую тишину. Каждый в одиночку пытался

думать о чем-то своем, пока не остановились у дома, от которого еще ранним утром начали свое путешествие.

– Зайдете пообедать или сразу поедете? – спросила девушка на всякий случай у приунывших парней.

Совершенно не зная, что им после всего делать дальше, братья в глубокой нерешительности только пожали плечами.

– Давайте пока в дом. Там вместе все и обсудим, – девушка предложила выход из сложившейся ситуации.

Марат ел медленно, тщательно пережевывая, потом буркнул:

– Она сказала мне, что, мол, зачем ей нужен такой неуч, как я. Видишь ли, ей, цаце, подавай мужа с соответствующим уровнем...

– Что я тебе тогда говорила? – тихо шепнула Дина на ухо Рэму, согласно кивнувшему ей в ответ.

– Она, зараза, так прямо и сказала, что я для нее был лишь средством для достижения ее цели... – угрюмо продолжил свою исповедь Марат.

За столом снова стало тихо, только ложки застучали почаще. Казалось, что неразрешимая проблема мучила всех троих. Как найти решение, которое могло устроить всех сразу? Как им поступить, если Рэм вовсе не хотел уезжать отсюда, а Марату здесь, в принципе, и делать-то больше нечего? А Дина и сама не знала, чего она больше всего хотела. Чтобы они уехали к себе поскорее, а там, как говорится, с глаз долой и из сердца вон, или...? Кое-как покончив с содержимым

в тарелках, вразвалку вышли во двор. Разговор не клеился.

– Рэм, можно тебя на пару слов?

Голос раздался из приоткрытого окошка. Видно, бабушка Амина хотела с парнем о чем-то поговорить.

– Иди-иди, – подтолкнула его девушка. – Бабушка не съест тебя. Не бойся. А мы тут пока, может быть, что и придумаем.

Пожав плечами, парень тяжело зашагал к двери и медленно, оглядываясь назад, вошел в дом.

– Послушай, ты меня сынок, – бабушка Амина пододвинула ему стул. – Я вижу, хоть глаза у меня и старенькие уже стали, что между тобой и моей внучкой что-то происходит. Я ее очень хорошо знаю. До встречи с тобой она была какая-то потерянная, потерявшая всякий интерес ко всему окружающему ее. Но вернулась она с практики, словно заново родившаяся...

Умудренные опытом глаза старой женщины смотрели на парня изучающе и в то же время очень доброжелательно. Выдержав паузу, она продолжила:

– К тебе она относится совсем не так, как к другим молодым людям. Ты ей не безразличен. Это-то уж точно. А вот любовь ли это, я не знаю. Ты пока не торопи ее. Она сама должна прийти к чему-то. Только знай, что девушка она с особенностями. Несмотря на юный возраст, у Дины уже сложился свой взгляд на жизнь. Она принципиальна и не прощает предательства. Зла она, возможно, держать

и не будет, но после этого отношения с ней уже не восстановишь. Помни это, сынок, если у тебя к ней что-то серьезное. Я сердцем чувствую, что парень ты хороший, честный, и глаза у тебя, сынок, особенные. Не зря, выходит, моя внучка с тобой подружилась. Есть в тебе что-то такое, что ей очень нравится. Да, еще не успела тебе сказать, что она нетерпима к несправедливости, совершенно не терпит того, что на нее давят. Видишь, какой букет набирается. Но ты, если она упрямится, не спорь с ней, сделай вид, что уступаешь. Тогда ее, на первый взгляд, непреодолимое сопротивление само по себе быстро угаснет, не встречая на своем пути никакой преграды. Потом она все равно отходит и, если твои доводы разумны, в конце концов, согласится с тобой. Побеждает терпеливый. Помни об этом. Я желаю тебе счастья...

Озадаченно почесывая затылок, Рэм вышел из дома, пытаясь как-то привести в некий порядок свои разбегающиеся по разным уголкам сознания непослушные его воли мысли. Столько всего он узнал. Вообще-то, то, что парень сейчас услышал, нисколько его не разочаровало. Просто кое-что из не так уж и простого поведения его ненаглядной стало еще понятнее, а кое-какими советами можно будет при необходимости и воспользоваться.

– Может быть, мы все-таки поедem домой? – раздался сбоку мрачный голос Марата. – Поставим машину на место, и пусть все катится к черту...

Возьмут бутылку-другую...

– Погодите, – остановила их Дина. – Еще успеете надраться. У меня возникла идея. Только для ее осуществления кое-кому придется постараться...

Братья замерли в ожидании. Каждый хотел услышать то, как милая девушка собирается собрать вместе их, казалось, несовместимые желания.

– Марат, я думаю, что тебе надо поступить учиться, – совершенно серьезно предложила Дина. – Кажется, у вас в городе есть очень неплохое отделение нефтяного института.

– Мне учиться? – от неожиданности парень чуть, было, не потерял дар речи. – Да я и не думал никогда об этом. К тому же, туда, наверное, и документы уже поздно подавать и, если честно сказать, и студент из меня выйдет совсем никудышный. Школу я закончил кое-как, на одни тройки. Я всегда думал, – он виновато развел руками, – что слесарю у нас в стране школьные знания не особенно нужны.

– Надо тебе, Марат, ехать и пытаться, – Дина твердо стояла на своем. – Нечего раскисать. Ты должен доказать ей, а прежде всего, самому себе, что ты способен на большее, чем всю жизнь простоять у станка. Попробуй, найди свое место в этом мире. Не плыви безвольно по течению. Борись за себя!

– Вот как, Марат, понял? – любясь Диной, многозначительно изрек Рэм. – Это тебе уже готовое руководство к действию.

– Хорошо вам говорить, – хмыкнул старший из братьев, –

когда одна уже учится, другой – едет. А вы, умники, – он прищурился, – подумали о том, как я экзамены буду сдавать, совершенно к ним не готовясь?

Но теперь от что-то для себя уже твердо решившей Дины было не так-то и просто отделаться.

– Возможно, молодой человек, что на вечернее отделение надо будет пройти только тестирование или собеседование, – упорно гнула она свою линию, не собираясь отступать.

– Если бы это было так, – под ее натиском Марат начинал сдаваться.

По его лицу пробегали тени мучительных раздумий и тяжких сомнений.

– Хотя, чем черт не шутит? Наверное, надо все-таки попробовать. Но вы должны будете мне помочь.

– Я согласна, – девушка облегченно вздохнула. – Рэм, думаю, тоже будет не против. Что скажешь? – она подтолкнула от чего-то онемевшего парня.

– Да, конечно-конечно, – очнулся он, как от гипноза.

За какие-то мгновения он уже успел представить себе, что сможет провести в общении со своей любимой еще одну восхитительную ночь, а там уже, чем черт не шутит...

– Итак, – девушка мило улыбнулась и кинула на них торжествующий взгляд, – мы можем поехать завтра, рано утром. Приемная комиссия в такие дни должна работать без выходных. Завтра воскресенье, и у тебя как раз будет свободный от работы день.

– А может, нам поехать сегодня? – Марату уже явно не терпелось. – Не мешало бы хоть как-нибудь подготовиться.

Но, видно, это не входило в чьи-то планы...

– Во-первых, за один вечер ничего не успеешь, – девушка стала резонно загибать пальцы. – Во-вторых, документы можно будет забрать завтра по пути. В-третьих, где я там буду ночевать? об этом ты подумал? Снова сидеть до утра на скамеечке?

– Знаю я, на какой вы там сидели скамеечке, – Марат не удержался от соблазна уколоть строившую из себя самую невинность разошедшуюся девушку и многозначительно покачал головой.

– Интересно мне знать, откуда идут такие сведения? Откуда это потянуло сквознячком? – Дина повернулась к Рэму, тот еле успел пригнуться.

– В крайнем случае, к вашим услугам машина, – теперь, видно, понесло Марата. – В ней вы, как я посмотрю, тоже уже неплохо освоились. Как... – весьма приличный толчок в бок заставил замолчать его на полуслове.

На покрывшемся яркими пятнами лице Рэма он прочитал нешуточную решимость защитить честь своей дамы и благо-разумно отступил. И порыв был замечен и по достоинству оценен.

– Мальчики, – Дина одарила парней очаровательной улыбкой, – в таком случае мне надо сходить домой, и ула-

дить там свои дела. А вы тут пока поскучайте. Можете помочь старикам во дворе...

В своем хозяйстве всегда найдется, чем себя занять...

Сидеть без дела было не в их обычаях. Топор в умелых руках тоже очень грозное орудие труда. Горка наколотых поленьев росла прямо на глазах. Еще немного и закончили бы все. Но тут их прервали.

– Эй, тимуровцы, вы что тут вытворяете? – у ворот стоял мужчина чем-то похожий на отца Дины, возможно, что это и был ее дядя.

Узнав, кто они такие, он заметно повеселел.

– Ну, так, в чем проблема? Выставляйтесь, закуска за мной. Посидим, выпьем за знакомство...

Когда девушка вернулась, шумное застолье было в самом разгаре. На столе красовались две пустые и одна уже початая бутылки. При виде такой красноречивой картины Дина недовольно покачала головой, подсела к Рэму и зашептала ему на ухо:

– Ты бы не пил, не дело это, дядьку Оскара не перепьешь. В этом он у нас крупный специалист.

А специалист был явно в ударе. Девушка еще раз внимательно осмотрела сидящих за столом.

– Если бы я знала, – девичьи губки укоризненно задрожали, – что так может произойти, то не стала бы уговаривать вас оставаться.

– Да я не очень-то и стараюсь, – Рэм незаметно подмигнул ей. – Я тут потихоньку филоню, только вид делаю, что за ними поспеваю.

Посидев еще пару минут, он довольно правдиво изобразил на своем лице состояние приличного опьянения и заплетающимся голосом пробормотал:

– Что-то у меня в голове зашумело. Пойду-ка я на всякий случай пройдусь на свежем воздухе.

– Слабак, – вынес свое категорическое заключение организатор веселья.

Неодобрительно покачивая головой, Дина выскользнула следом, чтобы на деле проследить за малость перепившем гостем. Крепко обнявшись, стояли они в темноте, прислушиваясь к звукам, доносившимся из раскрытых окон. Девушка тихонько засмеялась.

– Не повезло Марату. Теперь его дядя живым не выпустит. Как бутылку увидит, так сразу про все забывает. Понимаешь, – шептала она, – мне рассказывала бабушка, дядя Оскар был в семье поздним и очень желанным ребенком. Он младше моего отца почти на восемь лет. И, как бывает в таких случаях, все его баловали, холили, чуть ли не пылинки с него сдували. Вот он и вырос таким, привыкшим жить на всем готовом. И учился легко, словно балуясь, окончил школу, легко получил высшее образование. Приехал домой с дипломом инженера, а устроился простым рабочим на МТС. Он, видите ли, не может взять на себя такую ответственность, как

руководство людьми. Лодырь, одним словом, чтобы ни делать, лишь бы ничего не делать. А потом и оттуда уволился, ему не понравилось, что там им все командуют. А у него натура, вишь, тонкая, не терпящая насилия над собой. Сейчас подрабатывает ночным сторожем, да и то, чаще дедушка за него дежурит. Дома ничего не делает. Говорит, что ничего не умеет. То ли прикидывается, то ли, на самом деле, ни на что путное он не способен. Стыдно даже. Взрослый мужчина, а ни розетки, ни вилки от электрического прибора починить не может. Все делает мой отец. Зато за столом он сейчас герой. Вот такая у нас грустная история получилась, – девушка печально вздохнула. – Но я тебе все это как самой себе рассказала, учти, – в ее голосе было слышно полное к нему доверие.

Замолчав, Дина склонила свою голову ему на плечо. Парень с наслаждением вдыхал в себя тонкий благоухающий аромат, исходящий от чудных девичьих волос.

– Сладкая моя, – вдруг зашептал он ей на ухо. – Радость ты моя.

Ты цветок мой посреди пустыни,
Без тебя покой я потерял.
Поклянись, что ты моя отныне.
А иначе я совсем пропал...

– Это ты сам сейчас придумал, или тебе опять кто-то подсказал? – она ласково поцеловала его.

– Кажись, сам...

– Рифмоплет ты мой доморощенный. Поехали куда-нибудь, – ее зовущий взгляд завораживал его. – Я свои вещи собрала, уже в машине лежат. Я готова в поход за знаниями...

За какими знаниями, уточнять Дина почему-то не стала...

Утром, выйдя с опухшей головой, Марат вести машину наотрез отказался.

– Веди сам, – буркнул он, глядя на них исподлобья. – Кинул меня под танк, а сам слинял. Давай, езжай, а я еще подремлю часок-другой, – и с этими словами он завалился на заднем сидении.

В институте он все больше помалкивал. Кряхтя, с трудом написал по предложенному ему образцу заявление, с обреченным видом подал свои документы секретарю, угрюмо стоял в ожидании «приговора», рассчитывая, скорее всего, на отрицательный ответ. Если бы у Марата средний балл аттестата был повыше, то он, конечно же, мог бы отделаться и простым собеседованием. А так...

– Молодой человек, вам, уж извините, придется пройти тестирование, – объявил парню подошедший к этому времени один из членов приемной комиссии, скептическим взглядом окидывая при этом стоящую рядом компанию друзей. – А это, собственно, кто с вами?

– Друзья из деревни, – будничным голосом произнес Марат. – Интересно им тут в городе. У них самих, кроме школы-восьмилетки ничего нет, а тут институт...

Деревенская парочка тут же поспешила закивать в подтверждение его слов простодушными улыбками. И ничего

не подозревающий солидный мужчина купился на их дешёвый балаган.

– Хорошо. Они могут остаться. Пусть посмотрят. Я думаю, что вам они мешать не будут, – преподаватель не стал выставлять их на улицу, явно недооценив возможности этой парочки по оказанию какой-либо помощи, мол, что можно взять с этой деревни?

Зря, конечно, он так о них подумал. Дина взяла себе тест по русскому языку, а Рэм – все остальное. Через полчаса ответы были готовы, еще столько же времени, если не меньше, ушло на то, чтобы Марат заполнил бланки своей рукой. Недоверчиво покачивая все еще гудящей головой, он пошел относить результаты совместной работы. Ждали его еще минут двадцать. Наконец-то, Марат появился с несколько смущенной и озадаченной улыбкой.

– Ну, друзья, вы даете. Чуть, было, не перестарались. Набрали 82 балла при 70 проходных.

– Так мы тебе и так не на все вопросы подряд отвечали, чтобы ты ненароком все сто там не набрал, – усмехнулся Рэм. – Тут уровень ниже среднего. Даже специально ошибки делали, чтобы, не дай бог, не назначили тебе переэкзаменовку. Зато уже студент. А ты еще в себя не верил.

– Ладно-ладно, – чувствовалось, что Марат повеселел, язык его заработал побойчее.

Словно гора с плеч у него спала, стало легче дышать.

– Хорошо, а сессию за меня, кто будет сдавать? – задал

он резонный вопрос, окинув их недоуменным взглядом. — К тому времени вас уже здесь не будет.

— А это, братец, уже твои личные проблемы. Назвался груздем — полезай в кузов, — мило улыбаясь, съязвила прелестная девушка из деревни с восьмилетним образованием за плечами.

Переглянулась «сладкая парочка» и дружно расхохоталась, похлопывая по плечам незадачливого студента, который, судя по всему, уже успел отойти от вчерашней вечеринки, что стало совсем очевидно, когда он в машине уверенно занял место водителя, попросив немедленно вернуть ему ключи.

— Мальчики, а что если нам съездить и искупаться на речке? — предложила им Дина с ходу, пока они еще сами ничего не придумали.

— Нет, сначала едем ко мне обедать, — Марат был непреклонен. — Я думаю, что подкрепиться сейчас никому не помешает, особенно, мне...

С утра во рту ни маковой росинки. Одно навязчивое ощущение, что мухи там устроили себе отхожее место...

Пока обедали, он успел придумать что-то еще покруче.

— А зачем нам ехать на речку? Давайте-ка, мы лучше махнем на озеро Кандры-куль. Погода хорошая. Вы пока выходите, а я тут еще кое-что с собой прихвачу. Потом по пути заедем к деду.

Выставленные за дверь, они так и не поняли, зачем он выводил их из своей квартиры.

– Ой! – Дина огорченно моргнула, посмотрев на запястье. – Часики мои становились!

– Пойдем! – парень решительно потянул девушку за собой. – За углом есть часовая мастерская.

На видном месте красовалась табличка «Мастер высшей квалификации Гимазов Н.». Молодые люди подошли и остановились. Часовщик отложил в сторону специальные очки, внимательно на них посмотрел.

– Что случилось, балам? – спросил он доброжелательно у девушки, будто рядом с нею никто не стоял.

– Не ходят...

Привычным движением часовщик вскрыл корпус, покачал головой. В его руках появилась тоненькая отвертка. Шестеренки и механизмы выстраивались в два неровных ряда. Дина успела подумать о том, что напрасно они это все затеяли, времени много пройдет, Марат их потеряет. Покусывая губки, она повернулась лицом к выходу.

– Носи на здоровье, балам, – вдруг послышалось ей. – Давно не чистили, механизм засорился...

Принимая часики, девушка не обратила внимания на то, что мастер ей ни квитанцию не выписал, ни платы не взял. И только на улице до нее дошло.

– Ой! – она остановилась. – А деньги?

– Идем, – парень улыбнулся. – Дядя Насим с нас денег

не возьмет...

По пути Рэм объяснил, что это его дядя. Для своего племянника мастер при необходимости все делал бесплатно.

– Тебе не стыдно? – Дина прищурилась.

– Стыдно, не стыдно... – парень пожал плечами. – Протянешь ему деньги, он только обидится, скажет, что я его этим оскорбляю...

А у него, у Рэма, в Туркменево через дом живет родня. Потом хоть на улице не появляйся. А часы дядя Насим ремонтировал лучше других мастеров.

Они подходили к дому, когда из подъезда вышел Марат. С собой он вынес явно непустую картонную коробку, молча уложил ее в багажник, еще и хитровато подмигнул им, никак не могущим взять в толк происходящего вокруг них, снова ничего не говоря, повел машину. Подъехав к гаражу, стал вытягивать оттуда прорезиненный мешок приличных размеров, потом брезентовый, поменьше, и все это так же молча, ничего не объясняя, специально заставляя своих попутчиков теряться во всевозможных догадках по поводу его пока никак не объяснимых приготовлений.

– Вот теперь, кажется, можно ехать, – наконец-то, заговорил он, набив багажник до отказа разной всячиной.

Ехать было недолго, чуть больше часа. Скучать по пути не пришлось, вокруг располагались живописнейшие места. Нашлась и подходящая для остановки площадка. Оказалось, что Марат суетился вовсе не зря. С победным видом извле-

кая тюки из машины, стал объяснять:

– Двухместная палатка, надувная лодка, удочки, посуда. Короче, есть все, что вам захочется...

Первым делом закинули удочки, оставив их под присмотром девушки, поставили палатку, развели костер и подвесили над ним котелок. Кому-то в голову пришла неплохая мысль, что не мешало бы для полного счастья посетить местный магазин. На машине это заняло совсем немного времени. Для девушки это была первая в жизни рыбалка. Затаив дыхание, Дина наблюдала за поплавком, вверенной ей удочки. А тот, как назло, замер и не хотел даже сделать какой-то малейшей попытки хотя бы чуть-чуть взять и пошевелиться. От напряжения девушка начала покусывать губки...

Но нет, вот он, кажется, вздрогнул, легонько качнулся в сторону, мелко-мелко затанцевал и вдруг резко ушел под воду, натянув леску. Сколько же неподдельной и непередаваемой радости вызвал у девушки заплескавшийся в ведерке пусть и небольшой, но настоящий окунек. А с каким усердием, высунув розовый кончик язычка, она все пыталась самостоятельно насадить извивающегося червячка на этот маленький и непослушный в неопытных руках крючок.

Что тут и говорить, рыбалка это, конечно, удовольствие. Парни даже испугались, а потом долго-долго смеялись, увидев, как Дина по-детски пронзительно завизжала и запрыгала на месте от испуга, когда под ее ножом уснувшая, было, рыба затрепыхалась и с силой забила своим хвостом по раз-

делочной доске. Она рыбы-то, кроме как соленой и мороженой, другой никогда и не видела до этого-то. Скоро подоспела и уха. Осталось только накрыть импровизированный стол. За этим дело не встало.

– Девушке – шампанское, а мальчикам – водочка, – распорядился Марат.

– А как мы, братцы, будем домой возвращаться? – Дина забеспокоилась и непонимающим взглядом посмотрела на парней. – Кто из вас машину поведет, если вы оба начнете по водочке?

Но Марата это заявление несколько не смутило, он с захватским видом махнул рукой:

– А палатка зачем? Ночуем здесь! А утром я еще успею до начала работы вернуться. Есть возражения?

– Как знаешь, – Рэм не стал спорить. – Дело хозяйское. Что ж, давайте выпьем за новоиспеченного студента.

Дружеские поздравления время от времени прерывались глухим стуком алюминиевых кружек.

– Спасибо ребята, – Марат до сих пор чувствовал себя не в своей тарелке. – Если честно сказать, то пару дней назад я об этом даже и не думал. А как все интересно вышло, – признался он немного сконфуженно. – Я и студент?!

Рэм поднял руку и попросил себе слово:

– У меня созрел тост:

Пусть в бокале пенится вино,

А в кружки просто водку наливают.
Хочу сейчас сказать тебе одно —
Друзья твои тебя всем сердцем поздравляют!

– Давай-давай! За успешную учебу...

Время летело незаметно. Спустили на воду и лодку – а зачем же тогда ее с собой брали? Катались по очереди, а потом уж, как придется...

– А знаешь, Рэм, – Марат дождался момента, когда они с братом остались только вдвоем, – Дина начинает мне нравиться все больше и больше.

– Знаешь, мне тоже... – уклончиво ответил Рэм.

– Признаюсь, что в первые дни моего с ней знакомства она показалась мне чересчур уж холодной и неприветливой. И я, такой дурак, все ходил, мучился и переживал за то, что тебе с девушкой так не повезло. А оно вон как все наоборот вышло. Смотри, какой веселой и озорной девчонкой оказалась...

Наступил вечер. Солнце зашло. Опустилась ночь. Марат давно уже спал, в одиночку оккупировав палатку, а они, словно не замечая ничего вокруг, сидели, тесно прижавшись, и о чем-то оживленно шептались. Желтовато-красные отблески от небольшого костра иногда выхватывали из крошечной тьмы их счастливые лица.

Забрезжило. Они начинали зябко поеживаться. Рассвет самое холодное время суток. Рэм принес ей заранее припа-

сенный предусмотрительным Маратом теплый вязаный свитер. Дина благодарно посмотрела на него. Она уже поняла, что с этими двумя братьями пропадешь. Особенно, если рядом с ней один из них, немного еще наивный, но такой чудесный...

Незаметно появился Марат, и раннее утро мгновенно наполнилось звуками его отдающего распоряжения гулко-го голоса.

– Так, голубки мои, – начало пока не предвещало ни для кого ничего хорошего. – Прямо перед нами находится небольшой остров, – старший брат окинул строгим взглядом девушку и парня, смотревших на него с некоторым удивлением. – Я вас уже просто не спрашиваю о том, что вы остаетесь тут или едете со мной. На мой взгляд, это вопрос вами уже давно решен. Можете остаться и позагорать тут несколько дней.

Вспыхнув алой зарей, Дина повернулась к Рэму, и в ее широко раскрывшихся глазах он ясно прочитал немой вопрос с одновременным пожеланием сделать так, как предлагает им Марат. Рэм взял девушку за руку и тихо спросил ее:

– Остаемся?

– Здесь? С тобой? Одни? Конечно, остаемся! – от слова к слову набирая силу, ее голосок зазвенел серебряными молоточками.

– Мы остаемся, – Рэм пожал узкую девичью кисть.

– Тогда мы поступим следующим образом, – Марат снова

взял все бразды правления на себя. – Сейчас быстренько переправим вещи на тот берег. Там вам никто не сможет помешать. Вот приличный запас еды, – он показал рукой на коробку, в которой, оказывается, были припрятаны до лучших времен банки с тушенкой и сгущенкой, палка копченой колбасы и что-то еще. – Картошка есть. Рыбу, надеюсь, сами наловите. В общем, я думаю, что с голоду вы не умрете. Когда за вами вернуться?

А сколько дней они смогут тут одни продержаться? День? Два? Три? Неделю? Нет, неделю – это слишком. К тому же, ее могут начать искать потерявшие свою дочку родители.

– До среды выдержим, как думаешь? – посмотрела девушка на своего милого. – Что скажешь?

Тот с радостью согласился, энергично закивав при этом своей растрепанной головой. Лагерь по-быстрому сняли и переправили на островной берег. Когда машина скрылась за поворотом, Дина задумчиво произнесла:

– Хороший у тебя брат, заботливый. Хозяйственный. Как все правильно продумал. Зря Зойка так к нему отнеслась. Не сумела она его как следует разглядеть или, скорее всего, и не захотела это сделать. Бедный Марат. Хотя, кто его знает? Если девушка уходит к другому, то еще не известно, кому из них двоих больше повезло.

– Ты так думаешь?

– Не только я...

Робинзон с умилением смотрел на свою прелестную Пят-

ницу. Да, если бы у персонажа Даниэля Дефо была бы такая же прекрасная соседка, он, наверняка бы, смог прожить на своем острове и побольше, чем каких-то двадцать семь несчастных лет.

Время, отпущенное им, пролетело, как одно мгновение. Казалось, что вот только-только отъехала машина, а пора уже было собираться в обратный путь.

Отдохнувшие, загорелые, довольные и счастливые, встречали они в среду вернувшегося за ними Марата. У них впереди еще столько дней вместе, курсантский отпуск в самом разгаре...

Подходил к своему логическому концу и, как казалось в самом начале, такой длинный курсантский отпуск. Теперь Дина с грустью считала оставшиеся дни. Пошла последняя неделя, и вот наступил четверг.

Небольшой самолет со ставшим самым дорогим для нее человеком на борту, не торопясь, вырулил на взлетную полосу и после короткой пробежки взлетел, а у Дины е было сил, чтобы тронуться с места.

Внутри все как-то опустело. Пока ехала и тряслась в автобусе, пыталась собраться с мыслями и привести в порядок пришедшие в полное смятение чувства.

Все, все в один голос говорило о том, что к ней пришла любовь. И не просто любовь, а настоящая, всепоглощающая, пугающая своей глубинной силой. И как ей теперь относиться-

ся к этому? Как?

Вот этот вопрос и хотела она решить для себя раз и навсегда. Отдаться всецело этому чувству или же... Довериться ему и больше ни о чем не думать или же...

А в городе на Волге собирались те, кто решил продолжить свое обучение в том же училище, куда направлялся и Рэм. Дальше летели уже вчетвером. Стало немного веселее. Кто-то из них когда-то уже бывал в славном городе-герое. Южный аэропорт со всеми присущими ему атрибутами, включая и веселых таксистов, предлагающих, на их взгляд, за совсем символическую плату отвезти в любой конец города, а если надо, то и в любую точку области. И стоит-то такое удовольствие всего-то пустячок, от которого у непривычных к такого рода сервису приезжих поначалу глаза на лоб повылезали, пока они не привыкли к этому.

Но ведомые своим опытным проводником друзья просто, не мудрствуя лукаво и не ища приключений, сели на желтый обыкновенный рейсовый автобус. Бесплатно, за каких-то двадцать минут, доехали до железнодорожного вокзала. Там таких, как они, уже ждали желающие сдать свои лишние и нелишние метры жилой площади приезжим и просто отдыхающим. У ребят в запасе еще было пару свободных дней, и им тоже не мешало бы на это время найти для себя какое-нибудь пристанище.

Прошло всего несколько дней, и Дина читала долгожданное послание:

«Дорогая Динушка!... Такое ощущение, что мы с ребята-

ми вдруг попали в совсем другую страну. В магазинах невообразимое обилие продуктов. Если дома, кроме рыбных консервов и трехлитровых банок с прокисшими соками, на полках больше ничего и нет, то у них тут и колбаса, и мясо лежат совершенно свободно. Фрукты, овощи. Шоколадные конфеты на любой выбор. Короче, чего только нет. И люди здесь все другие: спокойные и общительные. Это, наверное, оттого что местные жители в отличие от наших земляков не замучены ежедневными стояниями в бесконечных очередях...

Красавец-город на самом берегу Черного моря. У меня за эти дни сложились внутри только самые приятные впечатления....

Этот город – самая настоящая жемчужина. Море зелени, море цветов, море самых красивых девушек. Только нет, нет среди них той единственной, которая нужна мне больше всех. Только закрою глаза – снова вижу одну лишь тебя, твои бездонные глаза, смотрящие на меня с теплотой и лаской. Твои, губы нежно шепчут дорогие для меня слова любви ко мне. Изгиб твоей шеи, словно созданной для моих поцелуев. Два трепетных птенчика твоей прекрасной груди замерли в ожидании моих прикосновений...»

Вчитываясь, Дина почувствовала, что начинает краснеть. «Вот негодник, – проскользнула мысль, – научила тебя чувственности на свою голову». Дочитав до конца, вздохнула. На душе было и радостно, и одновременно тревожно.

Неспокойно и тревожно чувствовал себя и Рэм. Тоскливо было у него на душе. Тягостно. Совсем не радовала парня атмосфера, что сложилась в первые дни пребывания в артиллерийском училище вокруг него и других таких же, как и он.

Представляя себе будущую жизнь в курсантском училище, он подспудно понимал, что попадет в совершенно иные условия, нежели те, что сложились в суворовском училище, что будет, верно, нелегко, особенно на первых порах. И готовился к этому. Но действительность превзошла все его ожидания.

Чьими-то стараниями обстановка внутри нового набора была накалена до предела. И тому были причины. Слишком разношерстная по любым меркам подобралась у них публика. От семнадцатилетних юнцов до парней, уже успевших отслужить срочную службу в армии. А два-три года в таком возрасте разница довольно приличная.

В предельно жесткой конфронтации сошлись интересы и претензии на возможное доминирование над всеми другими некоторых групп. И из этого клубка неразрешимых, на первый взгляд, противоречий впоследствии и были сформированы новые курсантские подразделения.

Самой большой по численности была аморфная масса бывших абитуриентов, поступавших с «гражданки», крайне бестолковых и неопытных. Но это еще не говорило о том, что они были лишены амбиций...

Сплоченно держались выпускники суворовских училищ

с уже сформировавшимися понятиями о чести и товариществе. Но их было, по сравнению с бывшими школьниками не так много...

И, наконец, третья – бывшие солдаты или, как их еще называли, «сапоги», отслужившие в армии по году и более, многие с сержантскими нашивками, сразу ставившими их обладателей на одну голову выше остальных, уже с иными понятиями, сильно испорченными армейской «дедовщиной».

Вот эта группа и рвалась к власти над сослуживцами. Насмотревшиеся в войсковых частях на прелести безбедной жизни «дедов» и сержантского состава, многие из них понимали, какие привилегии это может им принести.

Будучи старше всех остальных, они и внешне выглядели более опытными и умудренными жизненным опытом, выгодно выделялись на общем фоне. Именно на них делали ставку командиры учебных батарей и взводов, подбирая кандидатуры на исполнение обязанностей младших командиров.

Поэтому поначалу все должности старшин батарей и заместителей командиров взводов заняли исключительно бывшие солдаты. Естественно, что к ним-то в подчинение и попали все остальные, включая и командиров отделений, подобранных преимущественно из числа «кадетов». Столкновения между представителями столь разных категорий людей были неизбежны.

Неизвестно, чем руководствовался командир первого

взвода, делая свой выбор, но он почему-то сразу поставил Рэма на должность командира третьего отделения. Вышел перед взводом, зачитал фамилии всех младших командиров.

Так уже было, первый взвод и тоже третье отделение. Может быть, это хороший знак? Рэм занял соответствующее его положению место в походном строю взвода во главе своего отделения. Снисходительно наблюдая за продолжающейся суматохой, он старался настроить себя на новый уклад жизни, не обещавшей быть легкой и веселой, похожей на последние полгода учебы в уже казавшемся таким далеким суворовском училище. Да, это уже не игрушки в войнушку...

Реальная действительность не заставила себя долго ждать и упрасивать, чтобы убедить его в этом. Нетерпимый с самого детства к проявлениям любого вида несправедливости он сразу вошел в жесткий конфликт с невысокого роста уса-тым сержантом, по злой иронии судьбы оказавшимся впоследствии старшиной их батареи. Фамилия сержанта Шустрик явно соответствовала хозяину. Он так угодливо бегал перед комбатом чуть ли не на задних лапках, так рьяно шустрил перед всеми офицерами, что вскоре был вознагражден за все свои усилия назначением на должность старшины, дающую человеку, ее исполняющему, огромную власть над сотней курсантов.

Логика офицера, может быть, и непонятная для кого-то, непосвященного в некоторые тонкости весьма непростого управления подчиненным личным составом была очевидна.

Комбату, как воздух, был нужен человек, способный в короткий срок организовать во вверенном ему подразделении беспрекословное соблюдение воинской дисциплины, быстро навести в казарме уставной порядок и руководить повседневной жизнью батареи, забрав при этом львиную долю работы самих офицеров. С виду бойкий, исполнительный, постоянно заглядывающий в рот своему прямому начальнику, может быть, и не всегда достаточно сообразительный сержант просто идеально подходил на эту роль. Чем меньше думаешь, тем легче исполнить любой приказ...

Случайно проходя мимо и услышав, скорее всего, программную речь Вани Шустрика о том, как он представляет себе ожидающие их порядки, Рэм заметил, что такими откровенно солдафонскими методами совершенно невозможно и просто нельзя воспитывать будущих офицеров. Как-никак, а все они находятся-то не в сержантской учебке, а в высшем училище. И высказал вполне логичное соображение о том, что такое руководство не сможет долго продержаться. Сержант промолчал, но запомнил.

Шесть часов тяжелых занятий до обеда, еще четыре после, частые дополнительные и порой ничем не объяснимые тренировки, постоянно и почему-то обязательно захватывающие личное время, изматывали. Месяц такого курса молодого бойца смогли выдержать не все, и кое-кто снова ушел на «гражданку». Даже привыкшим к всякого рода тягостям

и лишениям воинской службы «кадетам» было временами несколько не по себе. Плюнул на все и ушел выпускник их сурововского училища Ромка Земляков.

– Эх, Рома-Рома... – к горлу подкатился горький комок.

Вскоре Рэм вдруг стал ощущать на себе незаметный со стороны, но постоянно давящий на него незримый пресс. Кто-то, видимо, целенаправленно пытался сломить его волю, сделать послушным исполнителем чужой воли.

Поначалу Рэм совершенно не придавал значения тому не очень приятному факту, что ему выпала очередь дежурить на первые же выходные. Когда это же случилось на следующие, насторожился. На третьи – не выдержал и пошел разбираться. Старшина прикинулся валиком и непонимающе разводил руками: «Я не виноват – усё, усё по очереди». Рэм тактично объяснил ему, что, раз у них в батарее четыре взвода, в каждом из которых по три отделения, то он должен заступать в наряд каждые двенадцать дней, а не через семь, как это почему-то получается у старшины на графике. А может быть, у сержанта свои особые отношения с устным счетом? Каждый упорно стоял на своем. Конфликт, медленно перетекая из одного кабинета в другой, дошел до комбата. Рэм спокойно выдержал суровый взгляд командира, глаз в сторону не отвел и одержал свою первую, пусть пока и маленькую, победу. Его на время оставили в покое.

Вероятнее всего, что комбат приказал или посоветовал старшине не трогать неуступчивого «кадета», а поближе

к нему присмотреться. Но все равно было очень и очень тяжело. Все ожидали с нетерпением момента, когда начнутся плановые занятия. Думали, что после принятия Присяги станет полегче. И вот, наконец-то, этот для всех долгожданный день настал.

Воскресенье четвертого сентября.

Весь август не было никакого спасения от изнурительно палящего южного солнца. С утра еще было терпимо, но к обеду от асфальта на строевом плацу начинал подниматься раскаленный воздух. И этот знаменательный день тоже обещал быть жарким. Слабый ветерок нес с собой не прохладу, а волны нагретого воздуха.

Всем личным составом артиллерийское училище выстроилось на очередное торжественное мероприятие. К поставленным перед строем столам поочередно один за другим выходили из общего строя первокурсники, и лично каждый зачитывали вызубренный наизусть текст Военной Присяги, ставя при этом в отдельной ведомости свою личную подпись.

Хоть это и праздник, но процесс длительный и утомительный. Немного скрашивал его последовавший следом надолго не затянувшийся митинг. На закуску оставалось подготовленное силами первого курса небольшое шоу, устраиваемое для гостей с целью показать всем, чему научились ребята за прошедший месяц.

Поставив свою подпись одним из первых, Рэм попытался отстраниться от всего происходящего на плацу, уйти в себя, чтобы меньше замечать палящего солнца, давящего на плечи груза...

Тяжело было сознавать, что на этом общем для всех празднике почему-то оказываешься одним из немногих, к кому никто так и не приехал. Хотя, чему тут особенно-то и удивляться, пора бы уже к этому и привыкнуть. Вообще-то, прежде всего, ему не следовало бы так далеко забираться от родного дома. Но что сейчас можно было считать за свой родной дом? Где он? Может, училище и стало его родным домом? Нелегкие думы совершили круг и вернулись к совершавшемуся на плацу действию.

Рэм вполуха слушал то, о чем говорят там с трибуны, и пробегал вялыми глазами по густым рядам приглашенных и родственников, равномерно расположившихся перед их строем вдоль выставленного на всякий случай ограждения. Туда и обратно. Перед ним стояла пестрая лента незнакомых ему людей, одетых совсем еще по-летнему. Стоп! Этого же не может быть! От неожиданности он на мгновение зажмурился. Что-то до боли знакомое сумел выцепить его взгляд в этой совершенно безликой для него толпе. Сначала Рэм подумал, что это проделки слепящего солнца и игра его воспаленного воображения. Откуда, вообще, она могла взяться? Но теперь глаза снова и снова помимо его воли возвращались на то место, пока не наткнулись на ее ответный горящий взгляд. С этого момента сомнений быть уже не могло. Конечно же, это была она, она! Изящной взмах ее милой руки окончательно убедил его в этом.

Мысли тут же сами побежали в совершенно ином направ-

лении. Куда совсем далеко-далеко отошли все тревоги и терзания, мучившее парня на протяжении этого, наверное, самого нелегкого месяца в его пока еще очень короткой жизни. Дина... Его Дина приехала. Она любит его, любит, любит...

Настал момент, когда гостям, наконец-то, разрешили поздравить принявших присягу, и улыбающаяся и сияющая от переполняющей ее радости Дина, подбежав, от всей души чмокнула и обняла мгновенно покрасневшего Рэма. Многие, ох, многие, наверное, позавидовали ему в эту минуту при виде грациозной светловолосой девушки с бронзовым заггаром...

– Город мне покажешь? – лукаво улыбаясь, спросила она, позволяя ему бережно взять ее под ручку, когда их, наконец-то, отпустили в первое для Рэма в этом училище увольнение.

– Конечно, покажу!

Курсант был счастлив, он не находил слов, чтобы выразить свое восторженное состояние.

– Ну, Дина, ты и даешь. У тебя же учеба началась, – Рэм не спускал с нее своих восхищенных глаз.

– Да, началась, – она так мило и тепло улыбнулась, что он совсем растаял. – Но что-то не понравилось мне в твоем тоне и насторожило меня. Я почувствовала из твоих писем, как тебе сейчас тяжело, и поняла, что тебя просто необходимо поддержать. А то кому ты еще здесь нужен, кроме меня? – Дина ласково провела по его лицу. – К тому же, ты так кра-

сочно обо всем писал, что мне захотелось самой посмотреть на все своими глазами и убедиться в том, что все это правда, а вдруг ты все преувеличиваешь, чтобы только заполучить меня к себе. А... училище... – ее носик заговорщицки сморщился. – Так у меня есть справка по болезни на десять дней. Двое суток в поезде и я у ваших ног. Только утром приехала и сразу же поехала искать ваше училище. Так, куда ты меня поведешь?

– Едем в центр. Гулять, так гулять. Как все дороги ведут в Рим, так и здесь все дороги ведут на Греческую площадь, – его лицо озарилось каким-то одухотворенным светом. – Я приглашаю прекрасную даму совершить увлекательное путешествие во времени и пространстве.

Две минуты ходьбы, и они попали на шумную улицу Сегедскую. Она с удивлением отметила для себя, что общественный транспорт тут ходит один за другим, чуть ли не прицепившись друг к дружке, чтобы, наверное, ненароком не потеряться на своем маршруте, случайно повернув не туда, куда надо, на одном из многочисленных перекрестках. Повороты, повороты. Конечно, тут немудрено и заблудиться. Улица за улицей калейдоскопом пробежали перед ее глазами. Кажется, вот и приехали. Народ разом через все двери выкатился из троллейбуса. Конечная остановка, Греческая площадь, переименованная в площадь Мартиновского, но это не так и важно...

Всего несколько шагов, и они попали на улицу, которую

невозможно спутать с какой-либо другой на свете – на воспетую многими поэтами Дерибасовскую. Со всех сторон им на глаза лезла экзотика южного города. Они шли местами не только историческими, но и оставившими свой глубокий след в мировой литературе. Кто только не писал про славный бар «Гамбринус»? Рэм пригласил свою спутницу посмотреть на знаменитый подвальчик изнутри.

– А почему вместо столов и стульев стоят обыкновенные бочки? – Дину сразу очень заинтересовала такая непривычная для людей неискушенных в небольших тонкостях национальной особенности местных жителей обстановка в отделанном под далекую старину пивном зале.

– Еще давным-давно, когда Сенат издал Указ о введении одного дополнительного налога на питейные заведения, который стали брать теперь с каждого стола и каждого стула, находящихся в зале, то один весьма сообразительный хозяин поменял их на бочки. А про них в присланной на этот счет бумаге не было ни слова. Нет в зале столов и стульев, значит, и не с чего брать этот налог, – Рэм, скорее всего, изображая хозяина – коренного одессита, маланца, с напускным простодушием развел руками. – Вот так...

– Маланцы, – девушка притворно вздохнула, закатывая глазки. – Кругом одни маланцы. А ты еще не стал одним из них? – девичьи глазки весело рассмеялись.

– Издеваешься? – парень изумленно, подыгрывая ей, моргнул.

– Ага...

Они пошли дальше. Витрины, витрины. Ей казалось, что она попала в какой-то другой мир.

– О, смотри, «Цыплята табака». Они что, курят? – Дина не сразу поняла, что могла означать такая вывеска.

Ох уж эта наивная неискушенность еще неиспорченных плодами цивилизации провинциалов!

– Вот мы сейчас зайдем и посмотрим, – в его глазах на миг блеснула и затаилась лукавая улыбка. – Кто там курит...

Зашли, осмотрелись. Она сконфуженно потупила глаза и погрозила ему пальчиком. Жареные цыплята, поданные под особым соусом, оказались очень даже неплохими на вкус и были тут же уничтожены с немалым аппетитом. А немного десертного болгарского вина придало всему этому некоторую пикантность. После голодного центра России, откуда она только что приехала на поезде, здесь все напоминало ей какое-то сказочное место.

– Хочешь посмотреть на море? – спросил он загадочно, когда они, утолив накопившийся за день голод, вышли на свежий воздух.

– Для этого, наверное, надо опять ехать через весь город? – она обреченно посмотрела на него. Не очень хотелось ей снова трястись в общественном транспорте. – Может, мы это отложим?

– Нет, ни в коем случае, – его голос приобрел таинственный оттенок. – Я же обещал тебе, что мы совершим с то-

бой путешествие не только во времени, но и в пространстве. Сейчас мы с тобой пройдем по волшебному коридору. Закрой глаза и дай мне руку. Мы пойдем с тобой семимильными шагами.

«Вот же сказочник!» – с улыбкой подумала она, но глаза все-таки закрыла. Если ему так хочется подурачиться, то она ему мешать в этом не будет. Дина насчитала не больше сотни шагов, когда он разрешил ей смотреть.

– Можете открыть глазки!

От неожиданно открывшейся перед ней панорамы девушка ахнула. Впереди, прямо у их ног раскинулся красавец-порт с пришвартованными к его причалам огромными белоснежными океанскими лайнерами.

– Скорее, скорее, скорее спустимся туда! – она, как маленькая, девочка тянула его за собой. – Рэмка! Я хочу, хочу...

Величественные «Тарас Шевченко» и «Адмирал Нахимов» поразили девушку своими невообразимыми размерами. Оказывается, когда стоишь с ними совсем рядом, то их верхние палубы уходят ввысь, как последние этажи высотных зданий.

– Желаящие совершить морскую прогулку приглашаются на восьмой причал. Отправление через десять минут, – резкий каркающий голос, внезапно вырвавшийся на волю из установленного неподалеку репродуктора, заставил их вздрогнуть.

– Рэмушка, прокатимся, – сразу же загорелась Дина и умоляюще глянула на него. – Я же еще ни разу...

Ради нее он готов был на все. Бело-голубой катер на подводных крыльях мчался как ветер вдоль далекого берега, на котором медленно разворачивалась живописная картина южного припортового города. Не отрываясь, она во все свои расширившиеся от восторга глаза разглядывала открывающуюся перед ней восхитительную панораму. А он смотрел только на нее. Все это он уже видел, видел не раз...

Белоснежные чайки лениво парили над ними. Резко срываясь вниз к темной воде, они хватали добычу, уносились с ней в сторону.

– Чайки, – задумчиво произнесла девушка. – Какие они, оказывается, большие. Я и не знала...

Парень ласково посмотрел на нее и, наклонившись к ее уху, прошептал:

Ты одна на белом свете.
Другой такой не видел я.
Останься здесь со мною вместе,
Желанная, судьба моя...

– Рэмка, не говори так, – делая вид, что сердится, Дина погрозила ему пальчиком. – Нельзя же так, в конце концов. От твоих слов я просто таю. Еще немного и у меня уже не хватит сил уехать от тебя. А это сейчас, радость ты моя, просто невозможно. И так я сбежала на свой страх и риск,

чтобы хоть как-то поддержать тебя в эти трудные дни. Трудно тебе здесь, тоскливо, – она провела своей рукой по его щеке. – Но я знаю, я уверена: ты сильный, ты все это с честью выдержишь, ты сможешь...

Описав петлю, катер вернулся на свой родной причал. Из него бойко высыпались довольные прогулкой отдыхающие, на ходу обсуждая наиболее понравившиеся детали. И Рэм с Диной, не спеша, направились к выходу из порта. Перешли через дорогу.

– Мы, девушка, поднимаемся с тобой по Потемкинской лестнице, – с видом заправского гида Рэм с увлечением рассказывал по ходу движения. – Вот именно в этом месте снимал Эйзенштейн эпизод из фильма «Броненосец «Потемкин». Помнишь, может, как там еще коляска с грудным ребенком скатывалась по ступенькам. Кстати, местная киностудия во многих своих фильмах не обходит это самое место своим пристальным вниманием. Мы поднялись с тобой на Думскую площадь. Отсюда ты впервые увидела море. А это памятник основателю города герцогу де Ришелье. Да-да, представь себе, внука того самого кардинала, с которым небезуспешно воевал Д Артаньян и его мушкетеры. Монумент сооружен на деньги, собранные благодарными жителями. А еще они говорят: «Посмотри на Дюка со второго люка». Но смотреть на скульптуру надо обязательно только во время дождя.

– И что тогда будет? – любопытные глазки ждали ответа.

– К сожалению... – гид лукаво развел руками, – но это ты узнаешь, если только придешь сюда во время дождя.

Разочарование показалось на ее лице. Это он, противный, специально все так делает и говорит, чтобы снова заманить ее в этот город. Не хочет сразу раскрывать ей все свои секреты. Вот и дружи с ним после этого. Она, было, попыталась надуть свои прелестные губки. Но он, хитрец, делал вид, что ничего этого не замечает.

– Мы идем по Приморскому бульвару, – тянул он за собой упирающуюся девушку. – Здесь когда-то любил гулять Пушкин. А вот, видишь, вон он присел и задумался над чем-то, наверное, над тем, что дети будут изучать в школе в классе... этак девятом.

И точно. Она оглянулась и увидела бронзовую фигурку поэта.

– А вот стоит легендарная пушка, один выстрел из которой заставил ретироваться объединенную англо-французскую военно-морскую эскадру во времена Крымской войны. А эта улица была живым свидетелем первой русской революции. На этом самом месте тогда и замерли, остановившись, рабочие-демонстранты с красными знаменами в руках, увидев перед собой грозные шеренги солдат с ружьями на изготовку для стрельбы стоя. Хотя местные шутники говорят, что, на самом-то деле, все было далеко не так, – Рэм задорно усмехнулся. – Просто их вожак, шедший впереди что-то увидел лежащее на земле и, высоко подняв вверх правую ру-

ку, воскликнул: «Братцы! Стойте! Я вижу рубль!». Второй глянул и прикрыл свои глаза от изумления: «Глазам не верю! В самом деле, это рубль!». Заднему-то, глянь-глянь, ничего не видно и он пытается высунуться, и, что есть силы, кричит: «Дайте и мне! Дайте и мне посмотреть!».

Дина, заинтригованная им, шагнула ближе, недоверчиво всматриваясь, внимательно рассмотрела групповую скульптуру и от души расхохоталась. Даже слезки выступили.

– Да ну тебя. Скажешь же, – и укоризненно покачала головой.

– Это не я сказал, – парень скромно потупился. – Это все местные жители, живые свидетели тех незабываемых событий пересказали все потом своим детям и внукам, а они уже нам. Но пойдем дальше. Вот здесь, именно на этом месте «сражались» в модную в ту пору игру под интересным названием «ушки», ударами тяжелых бит переворачивая расставленные на ровной поверхности металлические пуговицы, Петька и Гаврик из повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий»...

Тут каждая улица – это отдельная история. Одни названия их сами за себя говорят: Дерибасовская, Ланжероновская, Ришельевская. Они носят имена основателей города, Пушкинская, Екатериненская...

Видишь, вон светит своими огнями кабачок «Двенадцать стульев», а рядом с ним бар «Антилопа-Гну». Значит, где-то тут рядом сочиняли, нет, творили свои бессмертные произ-

ведения неразлучные Ильф и Петров. Постой, не из этого ли окна они увидели открытую Остапом Бендером гениальную по своей сути контору «Рога и копыта»? А на этой улице жил маленький Исаак Бабель. А именно в этом районе Молдаванки обитали все герои его повести «Биндюжник и король». Кем бы мог стать впоследствии некоронованный король города Беня Крик, не приди тогда большевики к власти, теперь уже никому не известно. Это на местном Привозе покупал Роман Карцев своих раков «за пять» и «за три». Привоз – это, наверное, пошло оттого, что на этот рынок привозили товары со всего света во времена действия свободной зоны для торговли Порто-Франко.

А сейчас мы с тобой идем по той самой улице, на которой, по словам всезнающего Остапа Бендера, изготавливали всю продающуюся из-под полы контрабанду. Это Малая Арнаутская, а рядом с ней Большая. Так называли выходцев из Греции и Албании, приехавших сюда с легкой руки позвавшей их на строительство молодого города государыни-императрицы Екатерины Второй. А вот и вокзал. Мы совсем незаметно пришли туда, куда ты и хотела. Ну, как? Тебе понравилась прогулка?

Моргнув, Дина, приоткрыла свой чудный ротик. Как, неужели, они уже на вокзале? Она и не заметила, как прошагали полгорода...

– Чудесно, Рэмка! Просто нет слов, чтобы выразить свое восхищение от полученного мною удовольствия. Когда ты

успел все это узнать?

Довольный произведенным эффектом, юноша скромно пожал плечами:

– Книжки надо было в детстве читать. Это все из них. Увидишь название, и сразу что-то приходит на память.

– Умничка ты у меня, – она с горящими от восторга глазами посмотрела на него и так хорошо улыбнулась...

Ей так хорошо, так хорошо...

Но, увидев в здании вокзала туго закрученные в спирали очереди возле билетных касс, Дина тут же приуныла. Перспектива провести в этой людской толчее весь остаток дня, ее не обрадовала. Девушка постаралась глазами определить, к какому же окошку стоит поменьше всего народу. Да где тут. Разве это возможно? Но Рэм потянул ее в другую сторону и привел к воинским кассам. Там почему-то ждало своей очереди всего-навсего два-три человека. Пятнадцать минут прошло, и на руках у нее оказался необходимый ей билет на вторник. С этим мучившим ее вопросом они так неожиданно для нее легко разобрались. Теперь надо было что-то решать с жильем. Но и эта беда в этом городе оказалась не проблемой. На выходе из здания их окружила шумная толпа, и предложения посыпались, как из рога изобилия. Он выбрал отдельную однокомнатную в районе 7-ой станции Большого Фонтана. Дина поморщилась, когда услышала, что за это просят.

– Ну и что, что дорого? – Рэм тут же поспешил ее успокоить. – Не волнуйся, я уже заплатил. Зато там удобное место именно для нашего случая. Всего три остановки трамваем до училища и столько же до моря, только в другую сторону, до прекрасного пляжа на 10-ой станции. А ты говоришь: дорого.... Поехали, посмотрим на месте, что там нам предложили.

А предложили как раз то, что они и хотели. Чисто и прибрано. Жить можно. И ванная комната тоже приличная. И даже вода есть и холодная, и горячая. Живи и радуйся.

– Приготовьте, пожалуйста, даме ванну, – приказала или все-таки попросила она и удалилась распаковывать свои вещи.

Блистательный гид на какое-то время превратился в гостиничного портье. Прекрасная дама переоделась и подошла к нему ближе.

– Ты снова подарил мне чудесный день, – благодарно целуя его, оценила она проведенное вместе время. – В твоём присутствии окружающий нас мир становится намного лучше, чем он есть на самом деле.

Приятно осознавать, что все твои усилия не пропали даром. Но, может быть, он вправе рассчитывать на гораздо большую благодарность? Рэм предпринял попытку расширить круг оказываемых им в этот день услуг.

– Девушка, – задал он, на первый взгляд, наивный вопрос, – вас подождать или как?

– Конечно же, или как. Мог бы и не спрашивать. Заходи...

Хорошо быть с милым другом. Хорошо, да мало. Увольнение подходило к концу. Пора было возвращаться в училище. На их счастье рядом с КПП стоял его командир взвода. А может быть, офицера привели сюда его личные, только ему одному известные, причины? Как бы там ни было, он, вежливо извинившись перед девушкой, подозвал Рэма к себе и стал корректно выяснять у него про отношения, связывающие их. Внимательно выслушав, старший лейтенант принял решение, труднообъяснимое с точки зрения простого курсанта, продлить время увольнения до завтрашнего утра. Что на него повлияло? Может быть, его тронули печальные глаза Дины? Или он все-таки имел какие-то свои виды на этого курсанта, исподволь подготавливая его на роль своего будущего помощника? В любом случае, они от этого только выиграли. Дина терпеливо дождалась окончания вечерней проверки, и они, не спеша, взявшись за руки, как малые дети, пошли пешком по освещенному яркими огнями ночному городу. Куда спешить, когда у них вся ночь впереди?

Хлопнула входная дверь, шелкнул замок...

– Я так, так соскучился по тебе, – в его голосе зазвенело накопившееся желание обладать ее столь прекрасным телом.

– Изголодался, мой мальчик, – с волнующим придыханием шепнула она, совершенно тая в его руках.

– Не то слово, – ответил он, осыпая ее поцелуями.

– Ах, – выгибалась она в истоме и еще крепче прижималась к нему.

Куда девалось его бывшее смущение? Молодой и сильный орел яростно терзал свою беззащитную добычу...

– Не надо, не вставай, – удержал он ее утром в постели. – Отдыхай. Я сам соберусь, – парень нежно и с обожанием в глазах смотрел на утомленную девушку.

– Когда к тебе можно будет прийти? – сонно поинтересовалась она.

– Где-то после двух у нас конец занятий. Я подойду на КПП.

Прощаясь с ним, она чуть подняла руку, которая тут же без сил упала на подушку. Укатали сивки бурку. Спать, спать... Но, если хорошо подумать, то отдыхать можно, конечно, и на пляже, подставляя себя под лучи, пусть уже и осеннего солнца. Девушка направилась на пляж, спустя час, помня его слова о том, что это должно быть совсем где-то рядом. Как это можно, быть у моря и ни разу не искупаться в нем?

Казалось, что с приездом Дины у Рэма началась полоса удач. Не зря же говорят, что вся наша жизнь состоит из чередующихся между собой белых и черных полос или, точнее сказать, их всевозможных оттенков. За явно черной полосой, пережитой парнем с большим трудом, должно быть, пошла полоса белая.

На одном из перерывов между парами учебных занятий

к о чем-то мечтающему Рэму подошел младший сержант Коваль, непосредственный его начальник, исполнявший на тот момент обязанности замкомвзвода. Парень не то, чтобы нахмурился, но по его лицу скользнула тень. Не очень хотелось ему в эту самую минуту увидеть своего командира. Коваль заметил это и ухмыльнулся. Он неофициально поставил в известность своего подчиненного о том, что накануне уговорил старшину поставить курсанта Валишева не в наряд по столовой или где-то внутри городка, а в гарнизонный патруль. А это значит, а это значит, сообразил Рэм через пару секунд, что следующие сутки он должен будет провести за пределами училищного забора. А если еще как-то умудриться и попасть на маршрут патрулирования у железнодорожного вокзала, можно будет заодно и Дину проводить.

«Ай да, Серега Коваль! – подумал Рэм. – Вот не ожидал!». Он прищурил глаз и уже с большим вниманием посмотрел на сержанта.

– Рэм, послушай, – непривычно дружелюбно обратился к нему Коваль. – Ты не думай, что я совсем ничего не понимаю в этой жизни. Служба, само собой понятно, службой, а кое-что человеческое мне тоже не чуждо.

«Вот тебе раз», – улыбнулся про себя Рэм. Эта песенка в исполнении сержанта прозвучала впервые.

– Не надо думать, что я состою только из одних уставных команд. Нам вместе жить и служить еще долгих четыре года. Давай вместе будем искать общий язык.

«Вот тебе два», — усмехнулся Рэм. Его мнение о младшем сержанте стало поворачиваться в другую сторону. Интересно, что это так повлияло на изменение в мировоззрении командира? Не жаркое ли вчерашнее солнце так напекло ему голову? Нет, конечно. Но что тогда?

Может, Коваль стал понимать, особенно в свете последних дней, что они, бывшие солдаты, поставленные на должности младших командиров, что-то делают в горячем желании добиться от своих подчиненных абсолютного подчинения не совсем так, как это надо было бы, или, если честно сказать, то совсем не так. Училище — это не армия. Тут одними только методами «дедовщины» не обойтись. Нужны какие-то иные подходы. Вот он и начинал заранее прощупывать почву. Валишев, например, никогда ни на кого не кричит и не орет, а все его все равно почему-то слушают.

А Дина ждала, с нетерпением ждала своего парня, когда тот на всех допустимых рамках приличий парах примчался на проходную, чтобы передать ей хорошую новость. Быстренько перекинувшись между собой парочкой фраз, они договорились о том, что ей надо бы делать дальше, через пару-тройку часов. А пока ей можно снова отправиться на пляж.

Военная комендатура тут же, почти рядом. Надо пройти до нее всего-то метров триста. Как партизанка, девушка скользила за группой курсантов, следующих на развод гарнизонного наряда. А там, через щелку ворот, можно с неудо-

лимым детским любопытством понаблюдать за тем, как серьезные взрослые люди словно играют в оловянных солдатиков, строясь то так, то эдак, потом поворачиваясь то налево, то направо, а то и вовсе кругом. Зачем-то стали ходить по кругу, отдавая при этом неизвестно кому и зачем честь. Какие смешные, оказывается, эти военные, если понаблюдать за ними со стороны.

Развод караулов закончился. И снова удача. Начальник патруля майор Алексеев на немые вопросы своей пары патрульных коротко бросил:

– Привокзальная площадь, – и скупое улыбнулся, увидев озарившиеся после его сообщения лица молодых ребят.

Лучше и не придумаешь! И вокзал рядом, и по службе к нему не сильно-то привязаны. Когда надо, всегда можно, в случае чего, на время сойти со своего маршрута. Площадь большая, за десять минут всю не обежишь. Если что, всегда можно будет найти веские оправдания своему отсутствию на месте во время проверки.

Комендатура осталась позади. У выездных ворот к ним присоединилась одиноко стоящая до этого девушка. Успокаивая и туша тревожные огоньки в ее волнующе расширившихся зрачках, Рэм показал ей большой палец. В ответ Дина улыбнулась ему одними глазками и уголками губ. Майор довольно быстро заметил, что их настойчиво сопровождают, но возражать против ее присутствия с ними не стал. Ему сразу все стало понятно, когда уже в троллейбусе девушка боч-

ком-бочком протиснулась к парню и о чем-то зашептала ему на ухо. Поэтому не был он и против того, чтобы на площади подружка находилась с ними рядом. Напротив, время от времени вступал с ней в довольно оживленную беседу. Рэм давно уже заметил, что у его Дины как-то совсем легко получалось находить общий язык со многими людьми, несколько не смущаясь тем, кто бы перед ней ни стоял.

– Хорошая у тебя девушка, – с одобрением отозвался начальник патруля о своей собеседнице, когда Дина на какое-то время покинула их, отправившись по совету майора поглазеть на одну из местных достопримечательностей – ЦУМ, раскинувшийся в одном квартале от их площади.

В торговый центр можно было попасть, пройдя через подземный переход, гордо названный находчивыми местными жителями первой станцией метро, постройка которого почему-то постоянно откладывалась на неопределенное время.

– Не каждая бы решилась поехать в такую даль одна. Если любишь ее, боец, – офицер пристально посмотрел на курсанта, – то тебе надо обязательно держаться за нее. Вряд ли, еще когда-нибудь и где-нибудь найдешь кого-то лучше, чем она.

– Да мне другой и не надо, – несколько не раздумывая, ответил Рэм. – Я лично «за» двумя руками. Но меня смущает то, что она там, а я здесь. Она сейчас далеко от меня, как звезды в небе, и приходится надеяться только лишь на благоприятное их ко мне расположение, – парень с грустью улыбнулся.

– «Астра регунте фатусе, сапиенс доминитбитур астророс», – серьезно и многозначительно произнес майор и сразу перевел. – Что, примерно, означает: «Звезды правят дураками, а мудрый – своими звездами». Ты сам, своими руками, должен бороться за свое счастье. А она стоит того, чтобы за нее побороться. Вот ты и попробуй вершить свою судьбу собственными же руками. Она хочет продолжить свое образование и дальше? Прекрасно. Предложи девушке, чтобы она приехала к нам и получила высшее образование у нас. В городе десятки учебных заведений. При желании можно будет завтра зайти и в местный университет и там все хорошенько разузнать. Я не думаю, что это будет так сложно.

Тут Рэм задумался. Начальник патруля – преподаватель философии и, наверное, хорошо знает то, о чем говорит. Возможно, если, конечно, он захочет это делать, то сможет им чем-то и помочь. Было в этом майоре, было что-то отличное от их отцов-командиров. И некоторые положения устава он трактует более свободно, что ли? Приглашает как-нибудь зайти в свободное время к нему на кафедру. Может быть, действительно, стоит к ним зайти?

Словно в подтверждение сложившегося о нем мнения майор Алексеев совершенно спокойно дал курсантам возможность самим решить, куда пойти переночевать. Появился выбор. Идти спать в казарму или...? Рэм, подхватив с собой девушку и напарника, направил стопы в сторону съем-

ной квартиры. Мишка, стесняясь, начал, было, отнекиваться, но потом быстро сообразил, что его появление в казарме одного без Рэма может всему навредить. Чтобы сильно не смущать человека, парень и девушка, прихватив с собой полотенце, просто-напросто взяли и ушли на пляж. Вопрос о том, как разместиться втроем в одной комнате, решил сам собой. Мишка пускай там, спит себе спокойно, а им главное, чтобы остаться вдвоем. А где – не важно. Вода была теплой, словно парное молоко. Они долго купались, наслаждаясь окружающей их тишиной и одиночеством. И только далекие звезды да проказник-месяц были немymi свидетелями их нежной игры...

– Этого всего могло бы и не быть, – задумчиво произнесла Дина. – Если бы вы с Маратом в тот день не приехали на машине, то я, наверное, смогла бы себя заставить не думать о тебе. Ты так незаметно вкрался в мою жизнь, что я с трудом боролась с собой. Но после рыбалки я ничего уже не смогла поделать со своими чувствами. Желание видеть тебя, слышать твой голос, снова ощущать твои прикосновения, полностью подавили мою волю. Мне так хорошо, так легко с тобой, что даже не хочется думать о том, что это когда-нибудь может закончиться. Знаешь, я так боюсь разочароваться...

Уставшие, но счастливые они вернулись лишь под утро. Начинаясь новый трудовой день. Пора было и им отправляться на службу и ждать прибытия начальника патруля

в заранее условленном месте. Милая и наивная девушка спрашивала себя, ну, зачем и кому нужно это совершенно бесполезное, на ее взгляд, патрулирование. Город большой, все равно его весь не охватишь. Народу не хватит повсюду выставить наряды. Но вокзал – это, чуть ли, не лицо города. Хотя бы там и кое-где еще не мешало бы, конечно, навести какую-то видимость порядка со стороны военнослужащих, проверить законность их появления в районе вокзала, соблюдения ими правил ношения военной формы одежды. Но все прекрасно знают, что нарушитель, конечно же, не пойдет в то место, где, наверняка, стоит и ждет его патруль. Он-то пройдет не по главной улице, а через одну из многочисленных подворотен.

Часам к одиннадцати количество людей в форме, желающих пересечь бдительно охраняемую патрулем площадь, заметно убавилось, и майор Алексеев, оставив своих курсантов одних обозначать присутствие наряда на маршруте, подхватил девушку под руку и повел ее в университет.

– Мы скоро...

Вернулись они довольно быстро. А что тут такого? Ехать надо было всего-то одну остановку. Рэм превратился в один большой знак вопроса. Офицер широко улыбнулся и подмигнул, давая парню понять, что у них с этим делом все в порядке.

Тогда пришла самая пора подумать и о гостинцах. Сообща решили, что кое-что из продуктов лучше всего брать на Де-

рибасовской, а уже в пути часа через четыре, отъехав за город Котовск, можно будет на станциях совсем по дешевке купить грецкие орехи и южные фрукты.

В «Золотом ключике» от изобилия конфет глаза просто разбегались, не давая своей хозяйке сосредоточиться на чем-то одном.

– А можно нам попросить вас взвесить несколько видов грамм так по двести-триста, – боясь с ходу нарваться на грубость продавщицы, вежливо попросила Дина и, услышав ответ, приятно удивилась.

– Как вам будет удобно, – приветливо ответила девушка в фирменной униформе. – Заказывайте.

– Взвесьте нам, пожалуйста...

Отстояв в кассе, Рэм принес чек и принял на руки увесистый пакет.

В магазине напротив свободно лежали апельсины всего-то за два рубля. И не штука, а целый килограмм. Естественно, что надо было их обязательно брать. Там, у себя в России, они видят цитрусовые только раз в году в небольших пакетах с подарками от Деда Мороза.

А как же можно было им пройти мимо магазина «Рубин», не зайти и не посмотреть на выставленные на многочисленных витринах украшения и драгоценности?

Не отрываясь, Рэм смотрел на приглянувшуюся ему чудную цепочку, сразу мысленно представив себе, как она будет прекрасно выглядеть на шее его любимой девушки. По со-

седству с ней выстроились в ряд прелестного вида кулоны с изображением знаков Зодиака. Парень вспомнил что-то, когда-то краем уха услышанное, и определил, что по дате рождения его Дина – Стрелец. Быстро прикинув в уме свои возможности, он, больше ни секунды не раздумывая, попросил выписать чек. Ошеломленная девушка от такого и неожиданного подарка моментально порозовела, точнее сказать, она стала пунцовой, глаза ее вдруг заблестели от предательски набежавших слезинок.

– Откуда у тебя такие деньги? – с тревогой спросила она на улице. – Конечно, мне очень приятно, очень. Но сколько ты уже на меня истратил? Тебе не жалко родительских денег? – голос у нее задрожал.

– Откуда деньги? – он смущенно переступил с ноги на ногу.

Девушке показалось, что ее догадка близка к истине. Он тратит на нее не им самим заработанные деньги. Конечно, так легко быть щедрым за чужой счет, когда не знаешь, с каким трудом достаются эти деньги...

– Ты не волнуйся, – как бы ни хотелось ему, но придется все же сказать. – Это деньги мои. Я их заработал сам. Это еще в суворовском мы, как бы это правильнее сказать, занимались спекуляцией, перепродавая значки. Во время тренировок бегали на черную барахолку на рынке, скупали там по дешевке всевозможные знаки солдатской доблести и отличия и сбывали их потом девятиклассникам. А те охотно

брали. Спрос рождал предложение. А что нам еще оставалось делать? – Рэм «слепил» такое простодушное и по-детски невинное лицо, что она невольно прыснула. – Если бы не мы, то тут же нашлись бы другие. А часть денег заработал в отпуске, помогая отцу, – лицо его снова стало серьезным. – Это у тебя только, наверное, сложилось впечатление, что я весь месяц бездельничал, только и бегая за тобой. Нет, мы успевали еще кое-чем заниматься, кроме как волочиться за прекрасным полом. Вот так, моя милая, носи себе на здоровье и ни о чем не переживай. И вообще я не транжира и не мот, – его пальчик легко скользнул по нежной коже ее зарумянившейся щеки.

Ей сразу стало легче. Как он заработал эти деньги, это уже другой вопрос. Всем давно известно, что самый главный спекулянт у них в стране это само государство. Поэтому-то оно так рьяно и борется с, так скажем, некоторыми излишне предприимчивыми людьми, которые своей, с точки зрения самого же государства, незаконной экономической деятельностью подрывают сами устои существующего строя.

– Спасибо, Рэмушка. Извини, я не хотела тебя обидеть, – она ласково взяла его за руку. – Ну что, пойдем?

Нет, она уже больше не сможет жить без него. С каждым днем, с каждым часом ее все больше и больше затягивает в эту «пропасть». Что там ждет ее? Неважно. Лишь бы только вместе с ним. С ним ничего не страшно...

Минутная стрелка привокзальных часов вдруг резко ку-

да-то заторопилась, оставляя им все меньше и меньше времени. Вот и все. Поезд медленно набирал ход. Родное милое лицо в оконном проеме, тихо покачиваясь, поплыло вперед, становясь все меньше и меньше, пока не скрылось вдали за поворотом. Пришла пора снова вернуться в окружающую его действительность.

Ощущение праздника жизни, появившееся у него с приездом Дины, вместе с ней и уехало. Жизнь продолжалась...

Глава третья

Камо грядеши

*Стань тем, кто ты есть,
Когда ты этому научишься...*

1

Жизнь продолжалась. Надо было учиться и служить. В сентябре начались плановые занятия. Может быть, кому-то это показалось странным, но весь уклад жизни высшего военного учебного заведения был подчинен учебному процессу.

Хотя бывает порой и так, что весь учебный процесс начинает сильно мешать ремонту казарм, строительству свинарников и командирских дач, отправке личного состава на всевозможного рода заработки, используя его в качестве дармовой рабочей силы. Тогда боевой и политической подготовкой некоторые командиры начинают игнорировать.

Четко организованный, грамотно отлаженный учебный процесс в училище расставил все по местам. Почти прекратились доводящие до иступления частые тренировки по выполнению команд: «Подъем!», «Отбой!» и многократовой за-

правке кроватей.

Не так много возможностей оставалось и для организации хорового пения на плацу в составе штатных подразделений с обязательным топтанием при этом асфальта. Подготовка к практическим и семинарским занятиям отнимала слишком много сил и времени у прежде чересчур ретивых любителей покомандовать своим личным составом.

Оказалось, что порой очень трудно совместить подготовку к плановым занятиям по предметам обучения с неплановыми тренажами, в одно и то же время решать задачки, к примеру, из высшей математики и подавать команды из устава на строевом плацу.

Последовавшие одна за другой самостоятельные и контрольные работы дали наглядную возможность посмотреть на вновь набранных курсантов и уже оценить их реальные возможности совсем с другой стороны. Основная масса бывших солдат, как и следовало этого ожидать, оказалась в хвосте.

Над ними втихую, а иногда и совсем откровенно подсмеивались те, кто еще, может быть, и не полностью овладел азами военной науки, но зато хорошо соображал в математике и физике, что явно не шло на пользу командирскому авторитету первых.

Трудно его поддерживать, командирский авторитет, если держится он на одном только крике и не опирается на уважение к человеку, который на поверку оказался неспособным

осваивать программу обучения.

Обширные знания, полученные Рэмом за два года учебы в суворовском училище, позволяли ему легко осваивать программу высшей школы, оставляя при этом много времени на другие увлечения, в том числе и на чтение и изучение специальной и просто художественной литературы. Библиотека в училище была обширной...

Очень много полезного дали юноше посещения кафедры общественных наук, на которой преподавал Алексеев. Майор с видимым удовольствием возился с понравившимся ему с первого взгляда курсантом, в глазах которого он сразу заметил настоящее желание разобраться в непонятных пока ему жизненно важных вопросах.

– Главное – это стать Человеком с большой буквы, – майор философ по образованию слыл философом и по жизни, – и оставаться им на протяжении всей своей жизни. Но для этого прежде надо познать себя, – указательный палец преподавателя потянулся вверх. – Вот, что говорил по этому поводу древнегреческий поэт Пиндар: «Стань тем, кто ты есть, когда ты этому научишься...». Счастлив будет лишь тот, кто сможет свою судьбу пережить, а не перестрадать, гласит одна из древних мудростей. Конечно, говорят и так: «Страдания наши даны нам за грехи наши». Это уже библейская мудрость. Но она может быть применима, когда мы рассматриваем человеческое общество в целом. В чем, ответь мне, про-

винился грудной ребенок, которого бросила непутевая мать? Почему он должен страдать за чьи-то чужие грехи? Одними страданиями дело не поправишь. Трудности и преграды, которые в немалом количестве будут возникать на твоём пути, должны быть использованы тобой, как стимул для твоего дальнейшего развития. Человек становится настоящей личностью, только преодолевая самого себя.

Алексеев остановился и на минутку задумался, желая донести свои мысли, как можно, понятнее.

– Надо поставить перед собой цель и настойчиво идти к её выполнению. Определить для себя, так сказать, задачу-минимум и задачу-максимум. Или, как ещё говорят наши военные: «...ближайшую задачу, последующую задачу и направление дальнейшего наступления». И главное при этом – действовать всегда надо в диапазоне своих реальных возможностей, может быть, чуть шире, но, никак уж не претендуя на невозможное. И ещё, – майор, словно на ходу, подстроил свою речь. – Человек в этом мире живет не один, а в тесном взаимодействии с окружающим его миром. Поэтому его, как личная, так и духовная свобода не абсолютна, а весьма относительна. Но, чем сильнее и гуманнее будут его, а данном случае, твои нравственные и духовные мотивы, тем сильнее будет твоя свободная воля, которая предполагает не только свободу выбора или допущения, но и свободу отказа, ибо только в этом и только в этом случае и будет проявлена свобода решения. И тогда ты сможешь постоянно ощущать

не только свободу своих решений и действий, но и нести полнейшую ответственность за них. Возможно, что сказано еще сложно для тебя, зато абсолютно точно...

Притихший Рэм внимательно слушал и молчал, запоминая и обдумывая. Однако в какой-то момент количество полученной информации стало зашкаливать.

– А хочешь что-нибудь узнать интересное про характер и темперамент твоей девушки? – с веселой улыбкой спросил офицер, заметив, что курсант уже с трудом стал улавливать ход его мыслей.

Юноша тут же востроился, и глаза его снова загорели любопытством.

– Кто она у тебя по знаку Зодиака? – майор подошел к шкафу и достал оттуда толстую тетрадку.

– Стрелец, – смущенно выдавил из себя курсант.

– Читаем по тексту: «Стрельцы» – это люди темпераментные и веселого нрава. Обладают свободолюбивым и очень независимым характером, большим стремлением к самостоятельности. Это люди, способные ко многим наукам, с обостренным чувством справедливости, высокой требовательностью к себе и окружающим. Полюбив по-настоящему, они могут быть и верны, и преданы. Это борцы за социальную справедливость, свободу и независимость, не переносящие никаких ограничений, насилия, принуждения и угнетения...». Ну что? – спросил Алексеев, подняв глаза на внимательно его слушавшего Рэма. – Какие-нибудь совпадения

есть?

Соглашаясь с майором, Рэм кивнул головой:

– Не то слово. Очень на нее похоже. То же говорила как-то про Дину и ее бабушка.

– Ну вот, видишь, оказывается, что звезды у нас тоже не врут...

Им, звездам, со своей высоты намного видней...

Постепенно налаживались отношения Рэма со своим, оказавшимся не таким уж и непробиваемым заместителем командира взвода. Коваль, трезво оценив слабый уровень своей школьной подготовки, понимал, что одному, без чьей-либо помощи, ему не обойтись. Обращаться же за ней к простым курсантам, с которыми он успел выстроить жесткие уставные отношения, было бы нелогично. Другое дело, если попросить помощи у кого-то из трех своих командиров отделений. Только у первого же попавшегося просить не станешь...

Командир первого отделения Алексей Быков сам едва-едва со всем справлялся, суетился, старался сделать, как лучше, часто ошибался и постоянно везде не успевал. На роль помощника он явно не годился. А второй, Кучеренко, вполне осознанно пошел на поводу у общественного мнения, настроенного против требовательного замкомвзвода. Хитрый и тщеславный, а также ленивый Игорек работал, в основном, на публику и занимался самой настоящей показухой. Шума

много, а толку никакого нет. Оставался третий – Рэм Валишев.

Давно уже Коваль приглядывался к нему. Серьезный, немногословный паренек выстраивал взаимоотношения с окружающими какими-то своими, присущими только ему одному, не всем и не сразу понятными методами.

Он был требователен и к себе, с душой выполнял любую поставленную задачу. В то же самое время проявлял при этом непонятную многим другим заботу о своих подчиненных, не давая их в обиду, не позволяя другим командирам использовать своих курсантов больше того, что им положено по уставу, строго следя за соблюдением очередности назначения в наряд или на любую другую работу.

Странно, но ему как-то удавалось быть на хорошем счету одновременно и у командиров, и среди курсантов. Такое удавалось немногим.

Много раз Сергей спорил с Рэмом по этому поводу, часто упрекая его в излишней мягкости, но и сам в душе понимал, что на одном крике далеко не уедешь. Такие командиры редко выдерживали до конца второго курса, к этому времени их никто всерьез уже не воспринимал. На старших курсах только авторитет командира позволял действительно управлять начинающей качать свои права курсантской массой. Все хорошо понимали, что после выпуска у каждого на плечах будут сверкать одинаковые лейтенантские погоны, и чем ближе к концу подходило дело, тем сильнее проявлялась тенденция

к панибратским отношениям между рядовыми курсантами и младшими командирами. Но до этого им, конечно же, еще далеко. Первый курс только-только начался.

Да, рос авторитет Рэма и среди командиров. Ему время от времени стали поручать выполнение отдельных задач, требующих к себе особого отношения, проявления настойчивости и умения, перестав доверять таким щелкоперам, как Кучеренко, умеющим только четко рапортовать: «Есть! Так точно! Будет сделано!» и при этом ловко щелкать каблуками до блеска начищенных сапог. А потом приходилось все переделывать за ними или делать заново, затрачивая при этом уже куда больше сил и времени.

Во многом Рэму помогало то, что он, прежде всего, старался себя поставить на место других, перед тем, как принять решение. Хотя бы мысленно представить себе на мгновение то, как он сам бы отнесся к этому, если бы приказали ему...

Опытные преподаватели старались на всех своих занятиях прививать курсантам умение мыслить самостоятельно. Учили их тому, как от простого идти к сложному, от частного – к общему. Хорошо зная принцип действия одного механизма, иногда бывает достаточно усвоить особенности действия другого механизма, и можно им свободно пользоваться. Зная устройство одного базового орудия, достаточно только уяснить для себя особенности устройства любого другого. Вот так все, оказывается, становится легко и просто.

Зная, как действует в обороне или при наступлении обычный взвод, легко, увеличивая размеры и масштабы выполняемых задач, перейти к действиям роты, батальона, полка.... Тот, кто способен это уяснить, чувствует себя вполне уверенно на любых тактических занятиях.

Вопросы, изученные в ходе теоретических занятий в теплых уютных классах, требовали обязательной их отработки на практических занятиях с выездом в учебный центр. К своему первому выходу в поле все готовились с особенной тщательностью. Все было готово и радовало глаз довольных командиров и преподавателей. Но тут вмешалась погода и смешала все карты. Уже месяц, теплая и сухая, вселяя радужные надежды на веселую и добрую прогулку на свежем воздухе. И начало утра было таким погожим. Пока грузились, выстраивали колонну и выезжали за училищные ворота, светило ласковое осеннее солнышко. Но стоило ненадолго отъехать от города, как резко задул порывистый леденящий ветер, иссиня-черные тучи заволокли все небо, вокруг мгновенно потемнело, и, немного погодя, повалил густой снег, первый в этом году и, как оказалось потом, последний. Вот повезло, так повезло...

– У, зараза! – не сдержался боец сквозь болючие слезы после того, как растянулся во весь рост, спрыгивая с борта автомобиля. Нога поскользнулась, не найдя привычной твердой опоры. – Не мог еще недельку подождать!

Наверное, не мог. Скорее всего, просто не захотел. Снег шел целый день. Огромные снежинки залепляли глаза. Они нагло и бесцеремонно забирались за короткие воротники шинелей, враз ставших колючими и жесткими. Мокрый снег быстро превратил сухие и хорошо укатанные полевые дороги в непролазную грязь. Чертов суглинок...

Тематика тактических занятий не предусматривала присутствия на поле автомобильной техники. Орудийные расчеты тянули пушки на себе, накрест обвесившись лямками буксировочных шнуров, муравьиной кучкой облепив задранные как можно выше вверх станины, дружно навалившись на скользкие, погрязшие в липкой жиже колеса.

– Раз-два, взяли! Тяни, мать твою!..

– Грязь, грязь лопатой с колес сбивай! Не стой, раскрыв zenки...

– Пошла-пошла, родимая...

К концу занятий все вымокли и вымазались с головы до ног. Короче говоря, буквально всего за несколько часов вкусили романтики...

Конечно же, по коварному замыслу небесной канцелярии на следующий день должен был ударить весьма неслабый мороз. А как же еще иначе. Невысохшая за ночь и непросохшая толком одежда на пронизывающем ветру моментально задубела и стала колом, добавив ошалевшим от свалившихся на них разом кучи невзгод курсантам дополнительную порцию неприятных ощущений. Строй стоял, вернее сказать,

подпрыгивал на месте, выстукивал окоченевшими ногами немислимую дробь, пытаясь хоть как-то согреться, пропуская при этом мимо ушей объяснения преподавателя.

– Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать... – выстукал кто-то зубами, больше от отчаяния.

– Счас, тебе поддадут и еще добавят, – не заставил ждать себя злорадный смешок. – Подставляй...

– Сейчас бы в погребок куда закатить, кофейку горячего с коньячком...

– Счас, будет тебе и ванна, и кофе, и коньячок в придачу...

Самой желанной в этот день была команда на перерыв, а верхом блаженства усталый выдох подполковника: «Конец занятия!». Горячий обед огрел не только желудки, но и упавший, было, воинский дух.

На третий день потеплело, и руководители занятий сумели достигнуть своей цели – практически отработать все вопросы, изученные на зимних квартирах, довести до полного автоматизма выполнение команд: «Орудие к бою!» и «Отбой», вдоволь потренировать курсантов в наводке орудий на цель. Но грязи при движении столько налипало на колесах, что приходилось постоянно откидывать ее с помощью лопат.

– Господи, да, когда же все это закончится?!

– Когда вперед ногами вынесут. Ха-ха-ха...

Четвертый день – последний. Природа, кажется, тоже прознала про это. К обеду выглянуло солнце и уже не поки-

дало свое место на небосводе на всем пути возвращающегося в пункт постоянной дислокации четвертого дивизиона курсантов. Снова, как и прежде, установилась сухая и теплая погода, дав возможность немного потрепанным ею ребятам привести боевую технику в порядок, очистив и отмыв ее от грязи, и отмыться самим.

Таким самым незатейливым образом природа проверила будущих офицеров на психологическую устойчивость и прочность. Кто-то там наверху постоянно проводил эксперименты над этим только что созданным дивизионом. А ведь была еще и новая переходная программа обучения.

Рэм задумчиво смотрел на часы, показывающие около часа ночи. Сегодня, точнее сказать, в эти сутки он дежурил по батарее. Вообще-то, была не его очередь. Но просьба комбата – это закон. На утро ожидался приход начальника училища. Генерал редко когда посещал подразделения, и поэтому это каждый раз становилось событием, к которому всегда заранее и основательно готовились. Каждый командир старался показать свое родное подразделение в лучшем свете. На этот раз честь представлять батарею выпала ему. Ну, раз надо, значит, надо. «Всего-то дел – произвести одними силами наряда генеральную уборку помещений», – усмехнулся Рэм. Но к этому времени основное было уже сделано: полы выдраены и густо намастичены, весь кафель отмыт. Все, что только может блестеть, начищено и блестит. Остальной марафет будет наведен уже после завтрака, когда все курсанты уйдут на занятия. Тогда все, что можно выровнять, будет, словно по ниточке, полы натерты до блеска, пыль отовсюду, куда может ненароком достать рука начальника, протерта. А пока не мешало бы и отдохнуть.

Подойдя к своей койке, дежурный снял сапоги, расслабил поясной ремень – большего ему не позволял устав, и устало откинулся на подушку. Тяжело, конечно, хотя такое для него уже не в первый раз. На память ему тут же пришел слу-

чай, когда они за одну ночь перед самым началом московской инспекции еще в суворовском училище умудрились-таки выкрасить весь длиннющий коридор в учебном корпусе. Утром, когда по нему прошли проверяющие, везде было убрано, чисто и всюду пахло свежей краской. Запах краски – это первый и самый верный признак начала любой проверки в войсках.

Чтобы отогнать эти навязчивые и мешающие заснуть воспоминания, Рэм попытался переключиться на другие, более приятные мысли. И сразу, как по заказу, перед глазами возник милый его сердцу образ Дины. На душе стало спокойнее. Он вспомнил, как писал девушке длинные письма после ее отъезда, получая на них лишь короткие однозначные ответы, переживал из-за этого, злился, не находил себе порой места, не зная, что и подумать. Так и мучился, пока в конце октября не получил телеграмму: «Хочешь увидеть, ответь да». И подпись: «Стрелец». Конечно же, он хотел ее увидеть, он очень хотел ее увидеть. Помчался на почту и телеграфным переводом послал ей сто рублей с маленькой припиской: «Да». Там еще на него посмотрели, как на больного, – нормальные люди на их почте деньги получают, а не наоборот. А ему было на их взгляды далеко и глубоко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.